

■ Арнольд Дж. Тойнби ■

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ МИР И ЗАПАД

■ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ■

В книгу вошли два близких по тематике произведения выдающегося британского ученого, философа, публициста и политолога Арнольда Джозефа Тойнби — «Цивилизация перед судом истории» и «Мир и Запад», которые посвящены главным образом вопросам столкновения цивилизаций в современную эпоху, проблеме мировой экспансии Запада и ответственности Западной цивилизации за нынешнее состояние дел на нашей планете.

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-066941-7

9 785170 669417

■ Арнольд Дж. Тойнби ■

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ МИР И ЗАПАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Астрель

МОСКВА

ВКЛ Владимир

УДК 930
ББК 63
Т50

Arnold J. Toynbee
CIVILIZATION ON TRIAL
THE WORLD AND THE WEST

Перевод с английского

Печатается с разрешения издательства Oxford University Press.

Тойнби, А. Дж.

Т50 Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.] / Арнольд Дж. Тойнби. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 318, [2] с.

ISBN 978-5-17-066941-7 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: Ист. библи.(84)-3)

ISBN 978-5-271-36695-6 (ООО «Изд-во Астрель»)

ISBN 978-5-226-04376-5 (ВКТ)

Компьютерный дизайн Э.Э. Кунтыш

ISBN 978-5-17-067046-8 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: Philosophy)

ISBN 978-5-271-36696-3 (ООО «Изд-во Астрель»)

ISBN 978-5-226-04377-2 (ВКТ)

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

В книгу вошли два близких по тематике произведения выдающегося британского ученого, философа, публициста и политолога Арнольда Джозефа Тойнби — «Цивилизация перед судом истории» и «Мир и Запад», которые посвящены главным образом вопросам столкновения цивилизаций в современную эпоху, проблеме мировой экспансии Запада и ответственности Западной цивилизации за нынешнее состояние дел на нашей планете.

УДК 930
ББК 63

- © Oxford University Press, 1948; Civilization on Trial was originally published in English in 1948
- © Oxford University Press, 1953; The World and the West was originally published in English in 1953
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Автор приносит благодарность.....	5
ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ	7
Предисловие	9
Мой взгляд на историю.....	11
Современный момент истории.....	24
Повторяется ли история?	36
Греко-римская цивилизация	48
Унификация мира и изменение исторической перспективы	66
Европа сужается	96
Будущее сообщества	122
Цивилизация перед судом	144
Византийское наследие России	157
Ислам, Запад и будущее	175
Столкновения цивилизаций	201
Христианство и цивилизация	212
Значение истории для души.....	236
МИР И ЗАПАД.....	247
Предисловие	249
Россия и Запад	251
Ислам и Запад	262
Индия и Запад	274
Дальний Восток и Запад	285
Психология столкновений.....	296
Греки, римляне и остальной мир	308

АВТОР ПРИНОСИТ БЛАГОДАРНОСТЬ...

Из тринадцати очерков, включенных в данную книгу, десять были опубликованы самостоятельно, поэтому автор и издатели пользуются возможностью поблагодарить первоиздателей за их любезное согласие на переиздание этих материалов.

«Мой взгляд на историю» впервые опубликован в Англии в сборнике издательства «Контакт» «Британия между Востоком и Западом»; «Современный момент истории» — в 1947 году в журнале «Форин афферз»; «Повторяется ли история» — в 1947 году в журнале «Интернэшнл афферз» по материалам лекций, прочитанных в Гарвардском университете 7 апреля 1947 года, в Монреале, Торонто и Оттаве — в филиалах Канадского института международных отношений — в середине апреля и в Королевском институте международных отношений в Лондоне 22 мая того же года; «Цивилизация перед судом» — в 1947 г. в журнале «Атлантик мансли» на базе лекции, прочитанной в Принстонском университете 20 февраля 1947 года; очерк «Византийское наследие России», опубликованный в журнале «Горизонт» в августе 1947 года, основан на курсе из двух лекций, прочитанных в Торонтском университете для Фонда Армстронга; очерк «Столкновения между цивилиза-

А. Дж. Тойнби

циями», опубликованный в журнале «Харперз мэгэзин» в апреле 1947 года, основан на первой из курса лекций, прочитанных в колледже Брин Моор в феврале и марте 1947 года для Фонда Мэри Флекснер; очерк «Христианство и цивилизация», опубликованный в 1947 году в сборнике «Пэндл хилл пабликейшнз», основан на мемориальной лекции памяти Берджа, прочитанной в Оксфорде 23 мая 1940 года — в переломный исторический момент, как выяснилось, не только для родины автора, но и для всего мира. Очерк «Значение истории для души», опубликованный в 1947 году в сборнике «Христианство и кризис», основан на лекции, прочитанной 19 марта 1947 года в Теологической семинарии в Нью-Йорке; «Греко-римская цивилизация» основывается на лекции, прочитанной в Оксфордском университете во время одного из летних семестров в рамках курса, организованного профессором Гилбертом Мэрреем в качестве вводного к различным предметам, изучавшимся в оксфордской школе *Literae Humaniores*; «Сужение Европы» — очерк основан на лекции, прочитанной в Лондоне 27 октября 1926 года на кафедре д-ра Хью Далтона в серии лекций, организованных Фабианским обществом на тему: «Сужающийся мир — трудности и перспективы»; наконец, очерк «Унификация мира и смена исторической перспективы» основан на крейтоновской лекции, прочитанной в Лондонском университете в 1947 году.

Январь 1948 года

А. Дж. Тойнби

**ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на то что очерки, собранные в данном томе, написаны в разное время — большинство в последние полтора года, но некоторые даже двадцать лет назад, — книга тем не менее, по мнению автора, обладает единством взгляда, цели и задачи, и хочется надеяться, что это почувствует и читатель. Единство взгляда заключается в позиции историка, который рассматривает Вселенную и все, что в ней заключено — дух и плоть, события и человеческий опыт, — в поступательном движении сквозь пространство и время. Общей целью, пронизывающей всю серию этих очерков, является попытка хотя бы чуть-чуть проникнуть в смысл этого таинственного и загадочного представления. Главенствующая идея здесь — известная мысль о том, что Вселенная познаваема настолько, насколько велика наша способность постичь ее как целое. Эта мысль имеет и некоторые практические последствия для развития исторического метода познания. Доступное для понимания поле исторического исследования не может быть ограничено какими-либо национальными рамками; мы должны раздвинуть наш исторический горизонт до мышления категориями целой цивилизации. Однако и эти более широкие рамки все же слишком узки, ибо цивилизации, как и нации, множественны, а не единичны; существуют раз-

А. Дж. Тойнби

личные цивилизации, которые соприкасаются и сталкиваются, и из этих столкновений рождаются общества иного вида: высшие религии. И это тем не менее не предел поля исторического исследования, ибо ни одна из высших религий не может быть познана в границах лишь нашего мира. Земная история высших религий есть лишь один из аспектов жизни Царствия Небесного, в котором наш мир является лишь малой провинцией. Так история переходит в теологию. «К Нему всякий из нас возвратится».

МОЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Мой взгляд на историю является сам по себе крошечным отрезком истории; при этом в основном истории других людей, а не моей собственной, ибо жизненный труд ученого состоит в том, чтобы добавить свой кувшин воды в великую и все расширяющуюся реку познания, которую питает вода из бесчисленного множества подобных кувшинов. Для того чтобы мое индивидуальное видение истории было в какой-либо степени поучительным и действительно просвещало, оно должно быть представлено в полном объеме, включая самые его истоки, развитие, влияние социальной среды и личного окружения.

Существует множество углов зрения, под которыми человеческий разум вглядывается во Вселенную. Почему я именно историк, а не философ или физик? По той же самой причине, благодаря которой я пью чай или кофе без сахара. Привычки эти сформировались в раннем возрасте под влиянием моей матери. Я историк, ибо моя мать была историком; в то же время я сознаю, что моя школа отличается от ее школы. Почему же я не воспринял взгляды моей матери буквально?

Во-первых, потому, что я принадлежал к другому поколению и мои взгляды и убеждения еще не установились

твердо к тому времени, когда история взяла за горло мое поколение в 1914 году; во-вторых, потому, что мое образование оказалось более консервативным, нежели у моей матери. Моя мать принадлежала к первому в Англии поколению женщин, получивших университетское образование, и именно поэтому им преподнесли самые передовые по тому времени знания по западной истории, в которой национальная история Англии занимала главенствующее место. Ее сын еще мальчиком был отдан в старомодную английскую частную школу и воспитывался как там, так и позднее, в Оксфорде, исключительно на греческой и латинской классике.

Для любого будущего историка, в особенности рожденного в наше время, классическое образование — это, по моему глубокому убеждению, неоценимое благо. В качестве фундамента история греко-римского мира имеет весьма заметные преимущества. Прежде всего мы видим греко-римскую историю в перспективе и, таким образом, можем охватить ее целиком, ибо она является законченным отрезком истории в отличие от истории нашего собственного западного мира — еще не доигранной пьесы, окончания которой мы не знаем и которую не можем охватить в целом: мы лишь актеры на эпизодических ролях на этой переполненной и возбужденной сценической площадке.

Кроме того, область греко-римской истории не загромождена и не замутнена избытком информации, позволяя нам видеть за деревьями лес — благо деревья довольно решительно прорежены в переходный период между распадом греко-римского общества и возникновением нынешнего. Более того, вполне приемлемая для исследования масса сохранившихся исторических свидетельств не перегружена официальными документами местных приходов и властей, как те, что в наше время в западном мире накапливались тонна за тонной последний десяток столетий доатомной эпохи. Сохранившиеся материалы, по которым можно исследовать греко-римскую историю, не только удобны для обработки и изысканны по

Цивилизация перед судом истории

качеству, но и вполне сбалансированы по характеру материала. Скульптуры, поэмы, философские труды могут сказать нам значительно больше, нежели тексты законов и договоров; и это рождает в душе историка, воспитанного на греко-римской истории, чувство пропорции: ибо, подобно тому как нам легче разглядеть нечто, отстоящее от нас во времени, по сравнению с тем, что окружает нас непосредственно в жизни собственного поколения, так и труды художников и писателей значительно долговечней деяний воинов и государственных мужей. Поэты и философы превосходят в этом историков, а уж пророки и святые оставляют позади всех остальных, вместе взятых. Призраки Агамемнона и Перикла являются сегодняшнему миру благодаря волшебным текстам Гомера и Фукидида; а когда Гомера и Фукидида уже не будут читать, можно смело предсказать, что и Христос, и Будда, и Сократ будут все так же свежи в памяти поколений, почти непостижимо далеких от нас.

Третьим, и, пожалуй, самым значительным, достоинством греко-римской истории является то, что ее мировоззрение скорее вселенское, нежели локальное. Афины могли затмить Спарту, как и Рим — Самний, однако же Афины в начале своей истории послужили воспитанию всей Эллады, в то время как Рим на закате своей истории объединил весь греко-римский мир в единое государство. Если проследить историю греко-римского мира, то доминантой в ней будет звучать единство, и, однажды услышав эту великую симфонию, я уже не боюсь быть загипнотизированным одинокой и странной мелодией локальной истории моей собственной страны, мелодией, которая в свое время завораживала меня, когда мать пересказывала ее сюжет за сюжетом мне на ночь, укладывая меня спать. Исторические пастыри и учителя, воспитатели поколения моей матери, не только в Англии, но и в других западных странах, ревностно побуждали своих учеников изучать национальную историю, ведомые ошибочной уверенностью в том, что, имея непосредственное отношение

к жизни их соотечественников, она более доступна для понимания, нежели история далеких стран и народов (хотя совершенно очевидно, что история Палестины времен Иисуса, как и история платоновской Греции, оказала значительно более мощное влияние на жизнь англичан Викторианской эпохи, чем история Англии времен Елизаветы или Англии времен Альфреда).

И тем не менее, несмотря на ошибочную и столь не соответствующую духу отца английской истории Беды Достопочтенного канонизацию истории одной страны, той, в которой случилось родиться, подсознательное восприятие англичанином Викторианской эпохи истории как таковой можно описать как существование вне всякой истории вообще. Он принимал как данность — без всяких доказательств — то, что лично он стоит на terra firma, вне опасности быть поглощенным тем безостановочным потоком, куда Время унесло всех его менее удачливых собратьев. Из своего привилегированного состояния освобождения, как он думал, от истории англичанин Викторианской эпохи снисходительно, хотя и с любопытством и оттенком жалости, но без всякого опасения или дурного предчувствия, взирал на жизненный спектакль менее счастливых обитателей других мест и времен, борющихся и погибавших в половодье истории, — почти так же, как на каком-либо средневековом итальянском полотне спасенные души самодовольно глядят с высоты райских кущ на мучения обреченных попавших в ад. Карл Великий — такова судьба — остался в истории, а сэр Роберт Уолпол хотя и под угрозой поражения, но умудрился выкарабкаться из бушующей пены прибоя, в то время как мы, все остальные, уютно устроились выше линии прилива в выигрышной позиции, где ничто не могло потревожить нас. Возможно, кое-кто из наших более отсталых современников и брел по пояс в потоке отступающего прилива, но что нам до них?

Я вспоминаю, как в начале университетского семестра во время Боснийского кризиса 1908—1909 годов профессор

Цивилизация перед судом истории

Л.Б. Нэмир, тогда еще студент колледжа Бейллиол, вернувшись с каникул из родительского дома, расположенного буквально рядом с галицийской границей Австрии, рассказывал нам, остальным студентам Бейллиола, с экзальтированным (как нам казалось) видом: «Ну что ж, австрийская армия стоит наготове во владениях моего отца, а российская армия — буквально в получасе ходу, прямо с другой стороны границы». Для нас это звучало как сценка из «Шоколадного солдатика», но отсутствие взаимопонимания было всеобщим, ибо средневропейский наблюдатель международных событий с трудом мог представить себе, что эти английские студенты совершенно не осознают, что буквально в двух шагах, в Галиции, творится их собственная история.

Тремя годами позже, совершая пеший поход по Греции, по следам Эпаминонда и Филопемена, и слушая разговоры в деревенских харчевнях, я впервые узнал, что существует нечто, называемое международной политикой сэра Эдварда Грэя. Однако и тогда еще я не осознал, что все мы, в конце концов, находимся в процессе истории. Я помню охватившее меня чувство ностальгии по историческому Средиземноморью. Чувство это посетило меня, когда я гулял как-то в Суффолке по берегу серого, унылого Северного моря. Мировая война 1914 года застала меня в период, когда в Бейллиолском колледже я разъяснял студентам-гуманитариям труды Фукидида. И внезапно на меня нашло озарение. Тот опыт, те переживания, которые мы испытываем в наше время и в нашем мире, уже были пережиты Фукидидом в свое время. Я перечитывал его теперь с новым ощущением — переосмысливая значения его слов и чувства, скрывавшиеся за теми фразами, которые совершенно не трогали меня до той поры, пока я сам не столкнулся с тем же историческим кризисом, какой вдохновил его на эти труды. Фукидид, как я теперь понял, уже прошел по этому пути прежде нас. Он сам и его поколение по историческому опыту стояли на более высокой ступени, нежели я и мое поколение относительно своего

времени: собственно, его настоящее соответствовало моему будущему. Но это превращало в нонсенс ту общепринятую формулу, что обозначала мой мир как «современный», а мир Фукидида как «древний». Что бы там ни говорила хронология, мой мир и мир Фукидида оказались в философском аспекте современниками. И если это положение истинно для соотношения греко-римской и западной цивилизаций, не может ли случиться так, что то же самое можно сказать и обо всех других цивилизациях, известных нам?

Такое видение — для меня новое — философской одновременности всех цивилизаций подкреплялось рядом открытий современной нам западной физической науки. На таблице времен, развернутой перед нами современной геологией и космогонией, пять или шесть тысячелетий, прошедших со времени первых проявлений тех разновидностей человеческого общества, которые мы обозначаем как «цивилизации», оказались бесконечно малой величиной по сравнению с возрастом человеческого рода вообще или жизнью на планете, возрастом самой планеты, нашей Солнечной системы, той галактики, в которой эта система не более чем пылинки, или возрастом неизмеримо более широкого и более древнего общего звездного пространства. В сравнении с этими порядками величин пространства и времени цивилизации, возникшие во втором тысячелетии до н.э., как греко-римская, или в первом тысячелетии христианской эры, как наша собственная, являются поистине современниками.

Таким образом, история в смысле развития человеческих обществ, называемых цивилизациями, проявляется как пучок параллельных, современных друг другу и сравнительно недавних свершений и опытов в некоем новом предприятии, а именно во множестве попыток, предпринимаемых до самого последнего времени, преодолеть примитивный образ существования, в котором человечество с момента своего возникновения в оцепенелом состоянии провело несколько сот тысячелетий, а частично находится в том же состоянии и сегодня.

Цивилизация перед судом истории

ня в маргинальных областях вроде Новой Гвинеи, Огненной Земли или северо-восточной оконечности Сибири, там, где такие примитивные сообщества еще не уничтожены и не ассимилированы в результате агрессивных налетов первопроходцев других сообществ, в отличие от этих ленивцев уже пришедших в движение, хоть и совсем недавно. На поразительное сегодняшнее различие в культурном уровне между отдельными существующими социумами я обратил внимание, знакомясь с трудами проф. Теггарта из Калифорнийского университета. Столь далеко зашедшая дифференциация совершилась за период каких-то пяти-шести тысячелетий. И это представляет многообещающее поле для исследования, *sub species temporis*, тайны Вселенной.

Что же это было, сумевшее после столь долгой паузы вновь привести в мощное движение к новым и неизвестным еще общественным и духовным далям те немногие общества, которым уже удавалось подняться на корабль, называемый цивилизацией? Что пробудило их от спячки, от оцепенения, которое большинство из человеческих сообществ так никогда и не смогло стряхнуть с себя? Этот вопрос все время будоражил мой мозг, и вот в 1920 году проф. Нэмир — который к тому времени уже открыл для меня Восточную Европу — дал мне в руки труд Освальда Шпенглера «Закат Европы» («*Untergang des Abendlandes*»). По мере чтения этих страниц, наполненных проблесками исторического прозрения, я подумывал о том, уж не предвосхитил ли Шпенглер все мое исследование, прежде чем даже сами вопросы, не говоря уж об ответах на них, успели четко сформироваться у меня в голове. Одним из кардинальных положений моей теории была мысль о том, что наименьшей ячейкой умопостигаемого поля исторического исследования должно служить целое общество, а не случайные изолированные фрагменты его вроде национальных государств современного Запада или городов-государств греко-римского периода. Другой отправной точкой для меня было то, что истории развития всех

обществ, подходящих под определение цивилизации, были в определенном смысле параллельны и современны друг другу; и вот эти-то главные мысли были также краеугольным камнем системы Шпенглера. Однако когда я стал искать в книге Шпенглера ответ на вопрос о генезисе цивилизаций, я увидел, что мне осталось еще над чем поработать, ибо как раз в этом вопросе Шпенглер оказался, по моему мнению, поразительным догматиком и детерминистом. Согласно его теории, цивилизации возникали, развивались, приходили в упадок в точном соответствии с определенным устойчивым графиком, однако никакого объяснения этому не было. Просто это был закон природы, открытый Шпенглером, и нам следовало принять его на веру со слов Учителя: *ipse dixit* (сам сказал). Это произвольное указание казалось на редкость недостойным блистательного гения Шпенглера; именно тогда я начал понимать различие между национальными традициями. Если германский априорный метод потерпел неудачу, стоит попробовать, чего можно добиться при помощи английского эмпиризма. Попытаемся проверить возможные альтернативные объяснения в свете известных фактов и поглядим, выдержат ли они это трудное испытание.

Так называемые западные историки XIX века предлагали два основных, конкурировавших между собой ключа к решению проблемы культурного неравенства различных существующих человеческих обществ, и ни один из ключей, как выяснилось на поверку, не отпирал плотно запертую дверь. Возьмем для начала расовую теорию: что может свидетельствовать в пользу того, что физические расовые различия между членами *generis homo* (рода человеческого) имеют взаимосвязь с различиями в духовном уровне, который и является полем исторического исследования?

А если и принять существование такой взаимосвязи как аргумент для дискуссии, то как объяснить, что среди отцов-основателей ни одной цивилизации мы не находим представителей почти всех известных рас? Лишь черная раса не

Цивилизация перед судом истории

внесла пока, на данный момент, существенного вклада в развитие; однако, принимая во внимание краткость периода, в течение которого осуществлялся эксперимент с цивилизациями, это нельзя рассматривать как неоспоримое свидетельство ее несостоятельности; это может говорить лишь об отсутствии подходящих условий или нужного стимула. Что же касается окружающей среды, то неоспоримо явное сходство физических условий в долине нижнего течения Нила и нижнего течения Тигра и Евфрата, ставших колыбелью, соответственно египетской и шумерской цивилизаций; но если эти физические условия действительно явились первопричиной возникновения данных цивилизаций, отчего же тогда параллельно не возникли цивилизации в физически сходных условиях долин Иордана и Рио-Гранде? И почему цивилизация, возникшая на высокогорном экваториальном плато в Андах, не имеет своего африканского двойника в высокогорье Кении? Анализ этих якобы беспристрастных научных объяснений заставил меня обратиться к мифологии. При этом я чувствовал себя несколько неловко и испытывал замешательство, как будто совершил дерзкий шаг назад. Возможно, я был бы не столь неуверен в себе, знай я о том, что к тому времени — в период войны 1914—1918 годов — произошел резкий поворот в психологии. Если бы в то время я был знаком с работами К.Г. Юнга, они дали бы мне нужный ключ. На деле же я обнаружил его в «Фаусте» Гёте, которого я, к своему счастью, вызубрил в школе так тщательно, как и «Агамемнона» Эсхила.

Гётевский «Пролог в небесах» открывается гимном архангелов, воспевающих совершенство творений Господа. Но именно в силу того, что Его творения совершенны, Творец не оставил для Себя пространства для новых проявлений Своих творческих возможностей; и не было бы выхода из этого тупика, не появившись перед Престолом Мефистофель — созданный специально для такой цели, бросив вызов Богу, требуя дать ему свободу испортить, если сможет, одно из

самых совершенных созданий Творца. Бог принимает вызов и таким образом открывает для себя новую возможность совершенствоваться своим созидательным трудом. Столкновение двух личностей в виде Вызова-и-Ответа: не видим ли мы здесь те самые огниво и кремень, которые высекают при взаимном соприкосновении творческую искру?

В гётевской экспозиции сюжета «Божественной комедии» Мефистофель создан для того, чтобы быть обманутым, о чем это чудовище — к своему негодованию — догадывается слишком поздно. И тем не менее если в ответ на вызов дьявола Бог искренне рискует Своим творением, а мы должны допустить, что Он именно так и делает, чтобы получить возможность сотворить нечто новое, то мы вынуждены признать и то, что дьявол, видимо, не всегда остается в проигрыше. И таким образом, если действие Вызова-и-Ответа объясняет необъяснимые другим способом и непредсказуемые генезис и развитие цивилизаций, то оно также объясняет их надлом и распад. Большинство из множества известных нам цивилизаций уже распалось, и большая часть этого большинства прошла до конца той пологой тропы, что ведет к полному исчезновению.

Наше посмертное изучение погибших цивилизаций не позволяет нам составить гороскоп нашей собственной или какой-либо другой живой цивилизации. Согласно Шпенглеру, нет причин, почему бы ряд стимулирующих Вызовов не сопровождался последовательным рядом победных Ответов *ad infinitum* (до бесконечности). С другой стороны, если мы проведем эмпирический сравнительный анализ путей, которыми погибшие цивилизации проходили от стадии надлома до стадии распада, мы действительно найдем определенную степень единообразия, прямо-таки по Шпенглеру. И это, в конце концов, не столь уж удивительно, поскольку надлом предполагает утрату контроля. Это, в свою очередь, означает превращение свободы в авантюризм, и если свободные акты бесконечно разнообразны и абсолютно непредсказуемы, то

Цивилизация перед судом истории

автоматические процессы имеют тенденцию к единообразию и повторяемости.

Короче говоря, нормальная модель социальной дезинтеграции представляет собой раскол разрушающегося общества на непокорный бунтарский субстрат и все менее и менее влиятельное правящее меньшинство. Процесс разрушения не проходит ровно: он движется прыжками от мятежа к объединению и снова к мятежу. В период предпоследнего объединения правящему меньшинству удается приостановить на время фатальное саморазрушение общества при помощи создания универсального государства. В рамках универсального государства под властью правящего меньшинства пролетариат создает вселенскую церковь. И после очередного, и последнего, мятежа, во время которого дезинтеграция окончательно завершается, эта церковь способна сохраниться и стать той куколкой, из которой спустя время возникнет новая цивилизация. Современным западным студентам-историкам эти явления хорошо знакомы по примерам из греко-римской истории, таким как Pax Romana (Римский мир) и христианская церковь. Установление Августом Pax Romana вернуло, как казалось в то время, греко-римский мир на прочную основу, после того как он был истрепан несколькими столетиями нескончаемых войн, безвластия и революций. Но объединение, достигнутое Августом, оказалось не более чем передышкой. После двухсот пятидесяти лет относительного спокойствия империя в III веке христианской эры потерпела такой крах, от которого она так никогда и не смогла полностью оправиться, а при следующем кризисе — в V и VI веках — разрушилась до основания. Истинный выигрыш от этого временного Римского мира получила лишь христианская церковь. Церковь воспользовалась возможностью укорениться и распространиться; вначале стимулом для ее укрепления послужило преследование со стороны империи, пока наконец, поняв, что ей не удалось сокрушить церковь, империя не решила сделать ее своим партнером. А когда даже такая под-

держа не смогла спасти империю от крушения, церковь прибрала к рукам все наследие. Подобные же отношения между увядающей цивилизацией и поднимающейся религией можно наблюдать в десятках других случаев. Например, на Дальнем Востоке империя Цинь и Хань играла роль Римской империи, а в роли христианской церкви выступала буддийская школа махаяна.

Если гибель одной цивилизации вызывает таким образом рождение другой, не получается ли так, что волнующий и на первый взгляд обнадеживающий поиск главной цели человеческих усилий сводится в конечном счете к унылому круговороту бесплодных повторений неоязычества? Такой циклический взгляд на процесс истории был воспринят как нечто само собой разумеющееся даже лучшими умами Греции и Индии — такими, скажем, как Аристотель и Будда, — и им даже не пришло в голову подумать о необходимости доказательств. С другой стороны, капитан Марриет, приписывая подобную точку зрения корабельному плотнику судна Его Королевского Величества «Гремучая змея», столь же безапелляционно считает эту циклическую теорию фантастической, поэтому представляет любезного истолкователя этой теории в комическом свете. Для нашего западного мышления циклическая теория, если принять ее всерьез, сведет историю к бессмысленной сказке, рассказанной идиотом. Однако простое неприятие само по себе не ведет к пассивному неверию. Традиционные христианские верования в геенну огненную и Судный день были столь же алогичными, и, однако, в них верили поколениями. Своей западной невосприимчивостью — и это во благо — к греческим и индийским учениям о циклическости мы обязаны иудейскому и зороастрийскому влиянию на наше миросозерцание.

На взгляд пророков Израиля, Иудеи и Ирана, история — отнюдь не циклический или механический процесс. Это живое и мастерское исполнение на тесной сцене земного мира божественного плана, который нам открывается лишь мимо-

Цивилизация перед судом истории

летными фрагментами и который, однако, во всех отношениях превосходит наши человеческие возможности восприятия и понимания. Более того, пророки собственным жизненным опытом предвосхитили открытие Эсхила, утверждавшего, что учение, познание приходит через страдание — открытие, которое мы в свое время и при других обстоятельствах делаем для себя.

Итак, должны ли мы сделать выбор в пользу иудейско-зороастрийского взгляда на историю против греко-индийского? Возможно, нам не придется делать столь радикальный выбор, ибо вполне вероятно, что эти две точки зрения в основе своей не являются непримиримыми. В конце концов, если транспортному средству предстоит двигаться в направлении, избранном его водителем, движение в определенной степени зависит и от колес, вращающихся равномерно и монотонно, оборот за оборотом. Поскольку цивилизации переживают расцвет и упадок, давая жизнь новым, в чем-то находящимся на более высоком уровне цивилизациям, то, возможно, разворачивается некий целенаправленный процесс, божественный план, по которому знание, полученное через страдание, вызванное крушениями цивилизаций, в результате становится высшим средством прогресса. Авраам эмигрировал из цивилизации накануне краха ее (*in extremeis*); Пророки были сынами другой цивилизации, находящейся в состоянии распада; христианство родилось на обломках распадающегося греко-римского мира. Озарит ли подобное духовное прозрение тех «перемещенных лиц», которых в наше время можно уподобить еврейским изгнанникам, столь много познавшим в своей печальной ссылке у рек вавилонских? Ответ на этот вопрос, каков бы он ни был, имеет большее значение, нежели неведомая нам судьба нашей универсализировавшейся западной цивилизации.

СОВРЕМЕННЫЙ МОМЕНТ ИСТОРИИ

В каком же состоянии находится человечество в 1947 году христианской эры? Этот вопрос относится, без сомнения, ко всему поколению, живущему на Земле; однако, если бы мы провели всемирный опрос по системе Гэллапа, в ответах не было бы единодушия. На эту тему, как ни на какую другую (*quot homines, tot sententiae* — сколько людей, столько и мнений); поэтому мы должны прежде всего спросить самих себя: кому именно мы адресуем этот вопрос? Например, автор данного очерка — англичанин пятидесяти восьми лет, представитель среднего класса. Очевидно, что его национальность, социальная среда, возраст — все вместе существенно повлияет на то, с какой точки зрения он рассматривает панораму мира. Собственно, как все и каждый из нас, он в большей или меньшей степени является невольником исторического релятивизма. Единственное его личное преимущество состоит в том, что он к тому же еще и историк и оттого по крайней мере сознает, что сам он лишь живой обломок кораблекрушения в бурном потоке времени, отдавая себе отчет в том, что его неустойчивое и фрагментарное видение происходящих событий не более чем карикатура на историко-топографическую карту. Лишь Бог знает истинную кар-

Цивилизация перед судом истории

тину. Наши индивидуальные человеческие суждения — это стрельба наугад.

Мысли автора возвращаются на 50 лет назад, к одному из дней 1897 года в Лондоне. Он сидит со своим отцом у окна на Флит-стрит, наблюдая, как мимо проходят канадские и австралийские кавалерийские полки, прибывшие на празднество по случаю шестидесятилетия царствования королевы Виктории. Память до сих пор хранит то волнение, интерес к незнакомым колоритным мундирам великолепных «колониальных», как их тогда называли в Англии, войск: фетровые шляпы с мягкими полями вместо касок и шлемов, серые мундиры вместо красных. Для английского ребенка это зрелище открыло картину какой-то иной жизни; философу, вероятно, пришла бы в голову мысль, что там, где рост, там следует ждать и увядания. Поэт, наблюдая ту же картину, действительно ухватил и сумел выразить нечто подобное. Однако же мало кто из толпы англичан, глазевших на парад заморских войск в Лондоне 1897 года, разделял настроение киплингвской «*Recessional*». Люди считали, что над ними солнце в зените, и полагали, что так будет всегда, без всякой с их стороны необходимости хотя бы произнести магическое слово повеления, как это сделал Иисус Навин в известном случае.

Автор десятой главы книги Иисуса Навина понимал по крайней мере, что остановившееся Время есть нечто необычное. «И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который Господь так слышал бы глас человеческий...» И тем не менее представители английского среднего класса 1897 года, считавшие себя просвещенными рационалистами, жившими в век науки, принимали это воображаемое чудо как данность. С их точки зрения, история для них завершилась. Она закончилась на международной арене в 1815 году битвой при Ватерлоо, во внутренних делах — Биллем о реформе 1832 года, а в отношении империи — с подавлением Индийского мятежа в 1859 году. И они с полным правом могли радоваться тому перманентному чувству блаженства и благосостояния, что

даровало им окончание истории. «Судьба прочертила мне удачные линии, поистине я обладаю прекрасным наследием».

С позиции исторической перспективы 1947 года эта иллюзия английского среднего класса конца прошлого века кажется нам чистым помешательством, однако же ее разделяли и современники в других западных странах. В частности, в Соединенных Штатах, на Севере, история для среднего класса подошла к концу с завоеванием Запада и победой федералистов в Гражданской войне; а в Германии или по крайней мере в Пруссии такое чувство завершенности истории охватило тот же средний класс после победы над Францией и установлением Второго рейха в 1871 году. Для этих трех групп западных представителей среднего класса Господь завершил Свою созидательную работу пятьдесят лет назад, «и увидел Бог, что это хорошо». Правда, несмотря на то что в 1897 году английский, американский и германский средний класс был фактически политическим и экономическим хозяином мира, в количественном отношении он составлял лишь малую толику общего населения Земли, и было достаточно людей в других странах, имевших иную точку зрения, хотя, может быть, и неспособных внятно ее выразить или бессильных что-либо изменить.

На Юге США, например, да и во Франции в 1897 году многие были согласны, что история действительно подошла к концу: Конфедерация уже никогда не восстанет из мертвых, Эльзас и Лотарингию вернуть невозможно. Но это ощущение законченности, которое грело сердце победителя, никак не могло утешить сердце побежденного народа. Для него все происходившее было настоящим кошмаром. Австрийцы, еще не оправившиеся от своего поражения в 1866 году, могли бы чувствовать то же самое, не возникни к тому времени внутри империи, оставленной Бисмарком целой и невредимой, в гуще подчиненных народов, новое волнение, которое заставило австрийцев осознать, что история вновь пришла в движение и может преподнести им сюрпризы почище Кёнигграца. В это время английские либералы рассуждали откровенно-

Цивилизация перед судом истории

но и с одобрением о возможности освобождения зависимых народов в Австро-Венгрии и на Балканах. Но, несмотря на призыв Гомруля и надвигающиеся «индийские беспорядки», им не пришло в голову, что, рассуждая о Юго-Восточной Европе, они приветствуют первые симптомы того процесса политической ликвидации, который еще при их жизни распространится и на Индию, и на Ирландию и в своем необоримом движении по всему миру разрушит не одну только габсбургскую империю.

Собственно, по всему миру, хотя тогда еще подспудно, среди различных народов и классов существовала такая же, как у французов и конфедератов, неудовлетворенность тем, как легли карты истории, и в то же время нарастало нежелание признать, что игра проиграна. Подумать только, сколько миллионов людей насчитывали все эти поработанные народы, угнетенные классы! Все огромное население Российской империи того времени, от Варшавы до Владивостока: поляки и финны, полные решимости отстоять свою национальную независимость; русские крестьяне, стремившиеся овладеть той землей, от которой им достались лишь крошечные клочки после реформы 60-х годов; российские интеллектуалы и деловые люди, мечтавшие в один прекрасный день управлять своей страной через парламентские институты, уже давно доступные людям их уровня в Соединенных Штатах, Великобритании и во Франции, и молодой, еще немногочисленный российский пролетариат, революционное сознание которого подогревалось достаточно мрачными условиями жизни, хотя, возможно, и не столь мрачными, как в Манчестере в начале XIX века. Конечно, индустриальный рабочий класс в Англии с начала века значительно улучшил свое положение благодаря фабричному законодательству, деятельности тред-юнионов и возможности голосовать (право голоса было предоставлено рабочим в 1867 году актом Дизраэли). Однако и в 1897 году рабочие не воспринимали, да и не могли воспринимать, Закон о бедных 1834 года, подобно тому как средний класс воспринял Билль о реформе 1832 года, узрев в нем

благоденствие и последнее слово исторической мудрости. Рабочий класс не был революционно настроен, однако он был полон решимости заставить колесо истории двигаться дальше по конституционной колее. Что же касается пролетариата на Европейском континенте, то он был готов идти гораздо дальше, что и показала Парижская коммуна в своей зловещей вспышке.

В общем-то не вызывают удивления это глубокое стремление к переменам и решимость добиться их тем или иным способом, возникающие в ряде угнетенных классов и побежденных или поработанных народов. Однако довольно странно, что заварили кашу, а случилось это в 1914 году, прусские милитаристы — которым на самом-то деле было от этого куда меньше проку, чем утрат, как, впрочем, и германскому, английскому или американскому среднему классу, — именно правящие круги Пруссии намеренным рывком сорвали слишком неплотно прикрытый клапан с котла истории.

Подспудные движения, которые социальный сейсмолог мог уловить еще в 1897 году, если потрудился бы «приложить ухо к земле», вполне объясняют те сдвиги и выбросы энергии, которые сигнализировали о том, что колесница истории снова сдвинулась с места в последние полвека. Сегодня, в 1947 году, средний класс Запада, который пятьдесят лет назад беззаботно восседал на самом кратере вулкана, несет то же бремя переживаний, что выпало на долю английского индустриального рабочего класса лет полтора назад, когда по нему проехалось колесо истории. Таково сегодня положение среднего класса не только в Германии, во Франции, в Нидерландах, Скандинавии или Великобритании, но и до некоторой степени в Швейцарии и Швеции и даже в Соединенных Штатах и Канаде. Будущее среднего класса — это насущный вопрос для всех стран Запада, однако его решение заденет не только ту небольшую часть человечества, к которой оно непосредственно относится, ибо именно средний класс Запада — это незначительное меньшинство — является тем самым ферментом, закваской, которая взрыхлила массу и, таким образом, созда-

Цивилизация перед судом истории

ла сегодняшний мир. Может ли создание пережить своего создателя? Если средний класс Запада потерпит крушение, не потянет ли он за собой в своем падении все здание человечества? Каким бы ни был ответ на этот судьбоносный вопрос, несомненно одно: кризис определяющего меньшинства неизбежно станет кризисом всего остального мира. Тщетная борьба с чем-либо всегда испытание характера, но это испытание становится особенно тяжелым, когда превратности судьбы настигают внезапно, как гром среди ясного неба в безмятежный день, день, который, казалось, обещал длиться вечно. В таких обстоятельствах борца с судьбой одолевает искушение найти козлов отпущения, на которых можно свалить груз собственной несостоятельности. Однако же «свалить груз» перед лицом надвигающейся напасти еще опаснее, чем убеждать себя в том, что процветание вечно. В расколотом мире 1947 года и коммунизм, и капитализм не скупятся на взаимные коварные обвинения, выступая друг против друга. Как только что-либо идет вкривь и вкось при не поддающихся контролю обстоятельствах, мы тут же обвиняем противника в том, что это именно он засорил плевелами наше поле, и этим автоматически оправдываем свои ошибки и неумение вести собственное хозяйство. Конечно, это старая история. Столетия назад, когда о коммунизме еще никто и не слыхивал, наши предки находили козла отпущения в исламе. В XVI веке ислам вызывал в сердцах западноевропейцев такую же истерию, какую коммунизм вызывает в XX веке, и в основном по тем же причинам. Как и коммунизм, ислам — движение антизападное, хотя в то же время это как бы еретическая версия западной веры; так же как и коммунизм, он оттачивал клинок духа, против которого бессильно материальное оружие.

Сегодняшний страх Запада перед коммунизмом — это отнюдь не боязнь военной агрессии, как это было перед лицом нацистской Германии или милитаристской Японии. Во всяком случае, Соединенные Штаты, с их абсолютным превосходством промышленного потенциала и монополией в области ноу-хау по производству атомной бомбы, в настоящее

время неуязвимы для военного нападения со стороны Советского Союза. Для Москвы это было бы чистым самоубийством, и пока что нет никаких свидетельств того, что Кремль намерен совершить подобную безрассудную акцию. Оружие коммунизма, которое так нервнрует Америку (и, как ни странно, она реагирует на эту угрозу более темпераментно, нежели менее защищенные страны Западной Европы), — это духовное орудие пропагандистской машины. Коммунистическая пропаганда обладает собственным ноу-хау в отношении разоблачения темных сторон западной цивилизации, показывая ее изнанку под увеличительным стеклом, с тем чтобы коммунистический образ жизни предстал желанной альтернативой для неудовлетворенной части населения Запада. Коммунизм также ведет конкурентную борьбу за влияние на то подавляющее большинство человечества, которое не является ни коммунистическим, ни капиталистическим, ни русским или западным, но живет сейчас в тревожном мире, на ничейной земле, между двумя враждующими твердынями противоположных, соперничающих идеологий. И эти люди, и люди Запада подвержены опасности обратиться в коммунистов в такой же степени, как четыреста лет назад могли обратиться в турок; и, хотя коммунисты тоже подвергаются этой опасности со стороны капитализма — как уже продемонстрировали некоторые сенсационные примеры, — тот факт, что один из знахарей-соперников боится собственного лекарства так же, как другой — своего, нисколько не способствует смягчению напряжения.

Однако то обстоятельство, что противник угрожает нам скорее тем, что обнажает наши недостатки, нежели тем, что силой подавляет наши достоинства, доказывает, что вызов, который он нам бросает, исходит не столько от него, сколько от нас самих. Это, собственно, происходит благодаря недавнему колоссальному подъему Запада в области технологии — фантастическому прогрессу в области ноу-хау, — а это именно то, что давало нашим отцам обманчивую возможность

Цивилизация перед судом истории

убедить себя в том, что для них история вполне благополучно завершилась. Этими, казалось бы, легкими победами западный средний класс вызвал три совершенно непредвиденных — и беспрецедентных в истории — последствия, кумулятивный эффект которых вновь сдвинул с места колесницу истории, и она покатила с большей скоростью, чем раньше. Наше западное ноу-хау объединило весь мир в прямом смысле этого слова, то есть снабдило надежной связью всю обитаемую и проходимую поверхность земного шара; и оно же превратило институты войны и классовой принадлежности — две врожденные болезни цивилизации — в неизлечимый недуг. Это трио непреднамеренных достижений ставит нас перед поистине грозным Вызовом.

Война и классы сопровождают нас с тех времен, когда первые цивилизации поднялись над уровнем примитивного человеческого бытия, а было это около пяти-шести тысяч лет назад, и с тех пор эти две категории всегда представляли собой серьезную проблему. Из примерно двадцати цивилизаций, известных современным западным историкам, все, кроме нашей нынешней, уже мертвы или отживают свой век, и, когда мы ставим диагноз любой из них, в конце ли ее существования или посмертно, мы неизменно находим, что причиной гибели явилась или война, или классовая борьба, или комбинация обеих причин. До нынешнего времени эти две язвы были достаточно смертоносны, чтобы погубить девятнадцать из двадцати представителей этой не столь древней разновидности человеческого общества; но до сих пор неумолимость этих бедствий все же имела некий спасительный предел: если эти две напасти и могли уничтожить отдельные экземпляры вида, то истребить всю породу им все же не удалось. Цивилизации приходили и уходили, но Цивилизация с большой буквы каждый раз возрождалась в новых, свежих формах, ибо как ни велико было разрушительное действие войны и классовой борьбы, но оно еще не стало всеохватным. И если удавалось разбить верхний слой общества, то поме-

шать низшим слоям общества выжить почти нетронутыми и сохранить способность радоваться жизни оказалось невозможно. И когда какое-либо общество терпело крах в одной части мира, оно не обязательно тащило за собой в тартарары остальные человеческие сообщества. Когда ранняя цивилизация в Китае надломилась в VII веке до н.э., это не помешало современной ей греческой цивилизации на другом конце Старого Света продолжать свой путь к высшей точке своего расцвета. А когда греко-римская цивилизация в конце концов пала от тех же двух недугов, войны и классовой борьбы, в период V, VI и VII веков христианской эры, это отнюдь не помешало рождению новой цивилизации на Дальнем Востоке, которая формировалась именно в эти же самые три столетия.

Почему же цивилизация не может и дальше тащиться неровным шагом, от одного провала к другому, на ощупь следовать этим мучительным, унижительным, но не до конца самоубийственным путем, которым она шла первые несколько тысячелетий своего существования? Ответ заключается в недавних технических достижениях современного западного среднего класса. Устройства, созданные для обуздания физических сил неживой природы, не изменили человеческую натуру. Институты войны и класса в том виде общества, который мы называем цивилизацией, являются социальным отражением темной стороны человеческой природы — того, что теологи называют первородным грехом. Этих социальных последствий индивидуальной человеческой греховности ничуть не отменяет недавний необычайный прогресс нашего технологического развития, но одновременно он и не оставляет эти последствия без всякого влияния со своей стороны. Не отмененные, а, напротив, крайне возбужденные, как и вся остальная жизнь человечества, своим физическим могуществом, классы способны теперь полностью разложить общество, а война — уничтожить человеческий род целиком. Пороки, до сих пор бывшие просто постыдными и мучительными

Цивилизация перед судом истории

ми, превратились теперь в нестерпимые и смертельные, и, таким образом, наше поколение в этом вестернизированном мире оказалось перед выбором таких альтернатив, которые в прошлом правящие элементы других обществ всегда имели возможность обойти, хотя и с жестокими последствиями для себя, однако без крайнего риска окончательно оборвать историю человечества на этой планете. Итак, мы смотрим в лицо Вызову, с которым никогда не приходилось сталкиваться нашим предшественникам. Мы должны искоренить войну и классы как таковые — и искоренить их немедленно — под страхом того, что, если мы дрогнем или потерпим неудачу, они сами одержат победу над человеком; которая на этот раз окажется окончательной и бесповоротной.

Этот новый аспект войны уже знаком западным умам. Мы осознаём, что атомная бомба и множество других наших смертоносных вооружений способны при следующей войне стереть с лица Земли не только воюющие стороны, но и весь человеческий род. Однако отчего же обострилась классовая борьба с технологическим прогрессом? Разве не повысился значительно минимальный жизненный уровень именно за счет технологии, во всяком случае, в тех странах, которые либо особенно преуспели в этом, либо обладают большими природными богатствами, либо счастливо избежали разрушительного действия войны? Нельзя ли предположить, что этот быстро растущий жизненный уровень поднимется до такой высоты и охватит столь большой процент населения, что и более обширные богатства привилегированного меньшинства перестанут вызывать зависть и ревность? Ошибка в этом рассуждении состоит в том, что оно не принимает в расчет ту важнейшую истину, что не хлебом единым жив человек. Каким бы высоким ни был уровень материальной жизни, это не освободит душу человека от требования социальной справедливости; а неравное распределение товаров и средств в этом мире между привилегированным меньшинством и неимущим большинством превратилось из неизбеж-

ного зла в невыносимую несправедливость именно в результате последних технических достижений Запада.

Когда мы восхищаемся эстетическими достоинствами архитектуры и искусством каменных дел мастеров, воздвигших Великую пирамиду, или изысканными драгоценностями гробницы Тутанхамона, в наших сердцах рождаются противоречивые чувства гордости и радости за великолепные творения человека и одновременно — морального осуждения той высокой цены, которую человечество заплатило за эти творения: тяжелейший труд, несправедливо навязанный большинству для создания утонченных плодов цивилизации исключительно для удовлетворения меньшинства, которое жнет не сея. В течение этих пяти-шести тысячелетий хозяева цивилизаций отнимали у своих рабов их долю плодов всеобщего труда так же безжалостно, как мы отнимаем мед у пчел. Моральное уродство этого акта обезображивает эстетическую красоту художественного творчества; и все же к настоящему времени те немногие, кто был баловнем цивилизации, всегда могли выдвинуть одно разумное возражение в свою защиту.

Они могли возразить, что это был выбор между тем, чтобы иметь плоды цивилизации для немногих и — не иметь их вовсе. Наши технические возможности управлять природой строго ограничены. В нашем распоряжении нет ни достаточной мускульной силы, ни достаточного количества рабочих рук, чтобы произвести блага в более чем минимальном количестве. Если я должен отказаться от них из-за того, что вам они недоступны, то нам придется закрыть магазины и оставить лучшие произведения человеческого таланта пылиться и ржаветь где-то в закутке; и поскольку это явно не в моих интересах, то — по зрелом размышлении — и не в ваших. Ибо я пользуюсь своей монополией на блага отнюдь не только ради собственной пользы. Мое наслаждение по крайней мере частично действует на благо других. Доставляя себе удовольствие за ваш счет, я в какой-то мере служу неким доверенным лицом всех будущих поколений человеческого рода в целом. Такое рассуждение выглядело благовидным

Цивилизация перед судом истории

даже в нашем технически продвинутом западном мире вплоть до XVIII века включительно, но беспрецедентный технический прогресс последних полутора столетий сегодня перечеркнул его. В обществе, которое открыло ноу-хау изготовления рога изобилия, несправедливость в распределении земных благ, перестав быть практической необходимостью, превратилась в чудовищное моральное преступление.

Так проблемы, всегда ухудшавшие жизнь и досаждавшие и прежним цивилизациям, вышли в сегодняшнем мире на первый план. Мы изобрели атомное оружие в мире, расколотом и разделенном между двумя супердержавами; и Соединенные Штаты, и Советский Союз придерживаются столь полярно противоположных идеологий, что они кажутся абсолютно непримиримыми. К кому же нам обратиться за спасением в этом опаснейшем положении, когда в наших руках не только собственные жизнь и смерть, но и участь всей человеческой расы? Спасение, вероятно, лежит — как это чаще всего и бывает — в поисках среднего пути. В политике эта золотая середина не будет означать ни неограниченного суверенитета отдельных государств, ни полнейшего деспотизма центрального мирового правительства; в экономике это также будет нечто, отличное от неконтролируемой частной инициативы или, напротив, явного социализма. На взгляд одного западноевропейского наблюдателя, человека среднего класса и среднего возраста, Спасение да придет ни с Востока, ни с Запада.

В 1947 году христианской эры Соединенные Штаты и Советский Союз представляют собой альтернативное воплощение огромной материальной силы современного человечества; «граница между ними прошла через всю Землю, и голос их достиг края света», но среди этих громких голосов не услышать голоса, пока еще тихого. Ключ к пониманию нам может быть передан через христианское послание или через послание других высших религий, а спасительные слова и дела могут прийти с неожиданной стороны.

ПОВТОРЯЕТСЯ ЛИ ИСТОРИЯ?

Повторяется ли история? В XVIII и XIX веках этот вопрос у нас на Западе обычно дебатировался в качестве академического упражнения. Зачарованные и ослепленные процветанием, которым наша цивилизация наслаждалась в то время, наши деды составили о себе странное фарисейское представление, что они «не таковы, как иные люди»; они решили, что западное общество застраховано от повторения тех ошибок и неудач, которые приводили к гибели другие цивилизации, чья история от начала и до конца представляется нам открытой книгой. Для нашего же поколения старый вопрос приобрел неожиданно новое и весьма практическое звучание. У нас открылись глаза на истину (подумать только, как это мы вообще были слепы в этом вопросе!), что человек Запада и все его труды ничуть не менее уязвимы, нежели в угасших цивилизациях ацтеков или инков, шумеров или хеттов. Так что сегодня мы с некоторым беспокойством вглядываемся в анналы прошлого, пытаемся понять, не содержат ли они какого-либо указания, урока, который нам стоило бы расшифровать. Может ли история дать нам какую-нибудь информацию относительно наших собственных перспектив? А если может, то каков груз этих перспектив? Предписан ли и нам неумолимый роковой конец, которого нам остается

Цивилизация перед судом истории

лишь ждать сложа руки, подчинясь безропотно судьбе, которую мы собственными усилиями не можем ни отворотить, ни хотя бы изменить? А может быть, она сообщает нам не о конкретностной предопределенности, а лишь о возможностях, о вероятностных направлениях нашего будущего? Практическая разница при этом огромна, ибо при этой альтернативе нам следует не застыть в пассивном оцепенении, а, напротив, взяться за дело. При этой альтернативе урок истории больше похож не на гороскоп астролога, а на навигационную карту, которая дает мореходу, умеющему ею пользоваться, больше возможности избежать кораблекрушения, чем если бы он плыл вслепую, ибо дает ему средство, употребив свое умение и мужество, проложить курс между указанными на карте скалами и рифами.

Мы увидим, что наш вопрос требует уточнения, прежде чем бросимся искать ответ на него. Когда мы спрашиваем себя: «Повторяется ли история?» — действительно ли мы не имеем в виду ничего, кроме того, что «история в отдельных случаях в прошлом повторялась»? Или нас интересует, управляется ли история непреложными законами, которые не только действовали в каждой из подобных ситуаций, но и приложимы к тем ситуациям, что могут возникнуть в будущем? При такой интерпретации слово «может» означает фактически «должно»; при другой трактовке это означало бы «может быть». В этом случае автор данной статьи может с таким же успехом сразу раскрыть свои карты. Он отнюдь не является детерминистом при разгадке тайны человеческой жизни. Он считает, что, пока есть жизнь, есть надежда и что с Божьей помощью человек — хозяин своей судьбы, хотя бы отчасти, хотя бы в чем-то.

Но как только мы останавливаемся на позиции выбора между свободой и необходимостью, который предлагается в варианте с нечетким словом «возможность», мы оказываемся перед необходимостью определить, что подразумевается под термином «история». Если мы ограничим поле истории

лишь рамками событий, полностью контролируемых человеческой волей, тогда, разумеется, для недетерминиста не возникает никаких проблем. Но существуют ли вообще такие события в реальной жизни? Вспомним собственный личный опыт: когда мы принимаем решение, разве мы не оказываемся всегда лишь частично свободными, а частью связанными прошлыми и нынешними событиями, фактами личной жизни, социального и природного окружения? Не является ли история сама по себе, в нашем последнем рассуждении, картиной всего универсума в движении и в рамках четырехмерного пространства-времени? А в этой всеобъемлющей панораме разве не найдется множества таких событий, которые — как неизбежно должны будут признать и самый стойкий сторонник идеи свободной воли, и заядлый детерминист — неумолимо повторяются и абсолютно предсказуемы?

Некоторые из событий этого порядка — несомненно, повторяющихся и предсказуемых — внешне не имеют прямого влияния на дела человеческие, как, например, повторения истории в туманностях за пределами Млечного Пути. С другой стороны, существуют совершенно очевидные циклические процессы в физической природе, которые впрямую и близко затрагивают жизнь человека, как, например, повторяющиеся и предсказуемые смены дня и ночи, времен года. Цикл день-ночь управляет всей человеческой деятельностью, он диктует расписание движения транспортных систем в городах, определяет время часа пик, давит на психику тех пассажиров, которых перебрасывают туда-обратно дважды в сутки между «спальным» районом и рабочим местом. А цикл времен года управляет самой жизнью человека, ибо от него зависит снабжение продуктами питания.

Правда, человек способен, постаравшись, добиться определенной степени свободы от этих природных циклов, свободы, которая недоступна животным или птицам. Хотя отдельному индивиду не дано сбросить тиранию суточного цикла, сколько бы он ни пытался вести бессонный образ

Цивилизация перед судом истории

жизни подобно легендарному египетскому фараону Микерину, общество в целом может повторить мифический подвиг Микерина коллективно, прибегнув к планированию, кооперации и разделению труда. Промышленные предприятия могут работать круглые сутки в несколько смен, где труд рабочих одной смены продолжают рабочие другой, отдыхая днем и работая ночью. Опять же, тирания времен года подорвана западным обществом, распространившимся от северного умеренного пояса через тропики до южного умеренного пояса и выработавшим технику замораживания продуктов. И все же эти победы человеческого разума и воли над тиранией двух природных циклов — дня и года — сравнительно невелики, хотя и замечательны. В целом эти повторяемые и предсказуемые природные события все-таки остаются хозяевами жизни человечества — даже на современном западном уровне технического прогресса, — и они демонстрируют свое владычество, подстраивая человеческую деятельность под свою модель.

Но возможно, существуют и иные виды человеческой деятельности — в другой области, неподвластной (или по крайней мере не полностью подвластной) контролю физической природы? Попробуем рассмотреть этот вопрос на знакомом конкретном примере. В последние дни апреля 1865 года коней, еще в начале месяца служивших кавалерийским и артиллерийским войскам Северной Вирджинии, впрягли в плуги люди, тоже только что вышедшие из армии генерала Ли. Эти люди и эти кони оставили поле брани, чтобы на поле, ждущем плуга, совершать ежегодную сельскохозяйственную операцию, которую из года в год совершали и они сами, и их предшественники из Старого Света, возделывавшие ниву задолго до открытия Нового Света, и многие, многие поколения людей еще до рождения нашего западного общества, выполнявшие каждую весну эту же самую работу. И так было последние пять или шесть тысяч лет. Плуг и пахота — современники тех типов общества, которые мы назы-

ваем цивилизациями; но допахотные методы земледелия — точно так же связанные с годовым циклом — были в ходу, вероятно, и на заре неолита, эпохи, предвосхитившей рождение цивилизации. Земледелие в бывших конфедеративных Штатах Северной Америки очень строго подчинялось сезонным циклам. Задержка на несколько недель — и время упущено с катастрофическими последствиями для всего общества, ибо возможность произвести продукты питания утрачена на целый год.

Итак, в последние дни апреля 1865 года кони и люди бывшей армии Северной Вирджинии совершали исторический акт — весеннюю пахоту, акт, неизбежно повторявшийся по меньшей мере пять или шесть тысяч раз и продолжавший повторяться и в 1947 году (в этот год автор статьи наблюдал весеннюю пахоту в штате Кентукки и заметил беспокойство фермеров, когда в середине апреля их работу прервали сильные дожди).

А как же насчет истории, которую творили люди и кони генерала Ли не в конце, а в начале того апреля? Можно ли считать, что история, представленная последним актом Гражданской войны, имеет такой же повторяющийся характер, как, скажем, пахота или ежедневные поездки, связанные с повторяющимися и предсказуемыми циклами природного свойства? Не встречаемся ли мы здесь с таким типом человеческих действий, которые более или менее независимы от природных циклов и даже способны не принимать их во внимание? Представим, что генерал Ли не был вынужден капитулировать до июня 1865 года. Или, допустим, генерал капитулировал в известное время, но генерал Грант не сделал своей знаменитой уступки, разрешив конфедератам, только что сложившим оружие, забрать своих лошадей к себе на фермы вопреки конкретному пункту только что согласованного договора об условиях капитуляции, предусматривавшему противоположное. Разве не мог каждый из этих гипотетических рукотворных вариантов реального курса истори-

Цивилизация перед судом истории

ческих событий помешать истории повториться в Южных штатах во время весенней пахоты 1865 года?

Область истории, которую мы сейчас рассматриваем, в свое время считалась общим и единственным полем исторического исследования, но это было до того, как открылась изучению область экономической и общественной истории. В той старомодной области битв и политических интриг, полководцев и королей — повторялась ли и там история так же, как она повторяется в области человеческой активности, явным образом управляемой движением природных циклов? Была ли, например, Гражданская война Севера и Юга явлением уникальным или же мы можем отыскать другие исторические события, отражающие достаточное сходство и родство с этим явлением, чтобы мы имели право рассматривать их как ряд явлений одного класса событий, в которых история повторяется хотя бы до некоторой степени? Автор склоняется именно к этой точке зрения.

Кризис, отраженный в американской истории Гражданской войной, был, разумеется, сходным по своей сущности с одновременным кризисом в германской истории, нашедшим свое отражение в Бисмарковых войнах 1864—1871 годов. В обоих случаях выбор между развалом союза и его эффективным управлением был совершен при помощи войны. В обоих случаях сторонники крепкого союза одержали победу, и оба раза одной из причин их победы явилось техническое и индустриальное превосходство над оппонентами. Наконец, в обоих случаях за победой союза последовала великая промышленная экспансия, превратившая и послевоенные Соединенные Штаты и Второй германский рейх в грозных индустриальных соперников Великобритании. И тут мы наткнулись на еще одно повторяемое свойство истории: примерно целое столетие, вплоть до 1870 года, промышленная революция в Великобритании могла восприниматься как уникальное историческое явление, однако начиная с 1870 года она стала выглядеть в истинном ее свете, просто как наиболее раннее

проявление экономической трансформации, охватившей со временем и целый ряд других западных стран, и некоторые страны незападного мира. Более того, если мы перенесем свое внимание с общего экономического свойства индустриализации на общую политическую характеристику федерального союза, мы увидим, что история Соединенных Штатов и Германии в этот период повторяется в истории третьей страны, на этот раз не Великобритании, а Канады, где провинции, ее составляющие, объединились в федерацию в ее нынешнем виде; это произошло в 1867 году, два года спустя после восстановления де-факто единства Соединенных Штатов в 1865 году и за четыре года до объединения Германии во Второй рейх в 1871 году.

В формировании ряда федеральных союзов в современном западном мире и в индустриализации этих и других стран история повторяет себя в том смысле, что дает нам ряд более или менее совпадающих по времени примеров сходного общественного развития. Правда, одновременность этих явлений не более чем приближительна. Промышленная революция в Британии разворачивалась как уникальное явление по меньшей мере за два поколения до ее начала в Америке, а зарождение того же процесса в Германии доказало ее повторяющийся характер. Ненадежно объединенные до Гражданской войны Соединенные Штаты просуществовали «восемьдесят и семь лет», а неустойчивая постнаполеоновская Германская конфедерация — примерно полвека до того, как критические события 60-х годов прошлого века доказали, что федеральный союз — это явление повторяющееся, возникшее впоследствии не только в Канаде, но и в Австралии, Южной Африке и Бразилии. Одновременность не является существенным фактором при повторении истории в политической и культурной сферах человеческой деятельности. Сходные исторические события могут происходить строго параллельно, могут лишь частично совпадать по времени или совершенно не быть современными относительно друг друга.

Цивилизация перед судом истории

Такая же картина открывается, если мы перейдем к рассмотрению величайших общественных институтов и человеческого опыта, известного нам: цивилизаций, их рождения и развития, их надломов, упадка и распада; высших религий в их формировании и эволюции. Если мерить время при помощи субъективной мерной линейки — среднего объема памяти отдельного индивида, доживающего до нормальной старости, — то временной интервал, отделяющий наше нынешнее поколение от эпохи зарождения шумерской цивилизации в четвертом тысячелетии до н.э. или от начала христианской эры, будет, без сомнения, очень велик. И тем не менее он бесконечно мал, если судить по объективной временной шкале, не так давно ставшей доступной нам благодаря открытиям геологов и астрономов. Современная западная естественная наука утверждает, что человеческий род существует на этой планете по меньшей мере 600 тысяч лет, а возможно, и миллион лет, жизнь вообще — не менее 500 миллионов, а может быть, и 800 миллионов лет, сама же планета существует, вероятно, два миллиарда лет. На этой временной шкале последние пять-шесть тысяч лет, увидевших рождение цивилизаций, и три-четыре тысячи лет с зарождения высших религий — периоды настолько краткие, что их практически невозможно отложить на графике общей истории планеты до нынешнего момента ни в каком масштабе. На этой истинной шкале времени все события «древней истории» — фактические современники нашего общества, сколь бы далекими они ни казались сквозь линзу микроскопического индивидуального, субъективного человеческого мысленного взора.

Думается, напрашивается вывод, что история человечества действительно временами повторялась, в значительной мере даже в тех сферах человеческой деятельности, где желание и воля человека были ближе всего к овладению ситуацией и менее всего зависели от влияния природных циклов. Должны ли мы теперь заключить, что детерминисты в конце концов правы, и то, что выглядит как свобода воли, есть лишь

иллюзия? По мнению автора статьи, правильный вывод как раз противоположен этому. С его точки зрения, эта тенденция к повторению, утвердительно проявляющаяся в деятельности человека, есть выражение хорошо известного механизма творческой способности. Результаты процесса творения имеют тенденцию появляться группами: группа представителей данного вида, группа видов данного рода. И смысл таких повторений в конечном итоге не так трудно распознать. Этот процесс творения вряд ли мог бы далеко зайти, если бы каждый новый вид созданий не был представлен множеством яиц, раскиданных по множеству корзинок. Ну как по-иному мог бы создатель, земной ли, божественный ли, обеспечить себя достаточным количеством строительного материала для смелых и плодотворных экспериментов и эффективными средствами для исправления неизбежных ошибок и неудач? Если история человечества повторяется, то лишь в соответствии с общим ритмом Вселенной; но значение этой модели повторений заключается в том, какой масштаб она определяет для движения вперед процесса творения. В этом свете повторяющийся элемент в истории проявляется как инструмент творческой свободы и не означает, что Бог или человек является рабом судьбы.

Какое же отношение имеют эти выводы и заключения об истории в целом к конкретному вопросу о перспективах нашей западной цивилизации? Как мы отметили в начале статьи, западный мир внезапно стал очень обеспокоен собственным будущим, и наше беспокойство есть естественная реакция на угрожающую ситуацию, в которой мы оказались. А ситуация действительно угрожающая. Обзор исторического пейзажа в свете известных нам данных показывает, что к настоящему моменту история повторилась около двадцати раз, воспроизводя общества такого вида, к которому принадлежит наш западный мир, и что, за вероятным исключением нашего собственного общества, все представители этого вида обществ, называемых цивилизациями, уже мертвы или на-

Цивилизация перед судом истории

ходятся в стадии умирания. Более того, когда мы детально рассматриваем эти мертвые или умирающие цивилизации, сравнивая их между собой, мы находим указания на повторяющуюся схему процесса их надлома, упадка и распада. Естественно, мы задаем себе вопрос, не должна ли именно эта глава истории неизбежно повториться и в нашем случае. Предстоит ли и нам процесс упадка и распада как некий неизбежный рок, от которого ни одной цивилизации не уйти? По мнению автора, ответом на этот вопрос должно быть категорическое «нет». Попытка или новое проявление жизни, будь это новый вид человеческого общества, весьма редко — а скорее никогда — не удастся с первого раза. В конце концов, процесс творения не такое уж легкое предприятие. Наивысший успех достигается методом проб и ошибок; и следовательно, неудача первых экспериментов не только не обрекает последующие опыты на очередной неизбежный провал, но фактически дает возможность добиться успеха за счет мудрости, обретенной через страдание. Разумеется, серия предыдущих неудач не гарантирует успеха новичку, но и не обрекает его на неудачу, в свою очередь. Ничто не может помешать нашей западной цивилизации последовать при желании историческому прецеденту, совершив социальное самоубийство. Но мы отнюдь не обречены на то, чтобы заставить историю повторить себя; перед нами открыт путь — при помощи собственных усилий — придать истории новый, не имеющий прецедента поворот. Мы, люди, наделены свободой выбора, и мы не можем сбросить груз ответственности на плечи Господа или природы. Мы должны взять это на себя. Это нам решать.

Что делать, чтобы спастись? В политике — установить конституционную кооперативную систему мирового правительства. В области экономики — найти работающие компромиссы (которые могут варьироваться в зависимости от условий и требований места и времени) между свободным предпринимательством и социализмом. В области духов-

ной — вернуть светские суперструктуры на религиозное основание. Сегодня у нас, в западном мире, предпринимаются усилия, чтобы найти пути к достижению всех трех целей. Если удастся решить все три задачи, то мы будем иметь основания считать, что выиграли нынешнюю битву за выживание нашей цивилизации. Но все это вместе — весьма амбициозные предприятия, которые потребуют тяжелейшего труда и огромного мужества, прежде чем нам удастся заметить хоть какое-то продвижение к цели.

Из трех упомянутых задач религиозный вопрос, конечно, является самым существенным, но два других абсолютно неотложны, ибо, если в ближайшее время потерпим неудачу в этих двух, мы можем навсегда утратить возможность духовного возрождения, которого нельзя добиться с налету, когда захотелось; оно придет только неспешным шагом (если придет), характерным для глубочайших течений духовного созидания.

Из всех трех задач самой неотложной является политическая. Ближайшая проблема здесь имеет отрицательный знак. Поскольку перед нами открывается перспектива, что при нашей нынешней независимости и современных вооружениях, учитывая, что мир стоит на пороге политического объединения тем или иным способом, мы обязаны предотвратить разрушительные последствия в случае, если объединение произойдет при помощи военной силы: знакомый метод насильственного установления Pax Romana может, вероятно, быть избран как линия наименьшего сопротивления при решении кризисных политических проблем, в тисках которых находится наш сегодняшний мир. Могут ли Соединенные Штаты и другие страны Запада наладить сотрудничество с Советским Союзом при посредстве Организации Объединенных Наций? Если ООН смогла бы стать эффективной системой мирового правительства, это было бы наилучшим разрешением нашего главного политического противостояния. Но мы должны считаться и с возможностью неудачи в

Цивилизация перед судом истории

этом предприятии и быть готовыми, в случае провала, к альтернативному решению. Не может ли случиться так, что ООН расколется де-факто на две группы без нарушения мира и порядка? И если предположить, что вся планета была бы мирным путем разделена на американскую и советскую сферы, смогли бы два мира на одной планете жить плечом к плечу на основе «ненасильственного несотрудничества» достаточно долго, чтобы дать шанс постепенному ослаблению и смягчению нынешних разногласий в общественной и идеологической областях? Ответ на этот вопрос будет зависеть от того, сможем ли мы на этих условиях выдержать достаточно долго, чтобы решить стоящую перед нами экономическую задачу — найти средний путь между свободным предпринимательством и социализмом.

Хотя эти загадки иногда трудно разгадать, они на самом деле просто и открыто говорят о том, что́ нам следовало знать прежде всего. Они говорят, что наше будущее зависит от нас самих. Мы не просто заложники неотвратимой судьбы.

ГРЕКО-РИМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Я начну с вопроса, затронутого профессором Гилбертом Мэрреем*. Он утверждает, что в греко-римском мире письменное слово имело функцию, в чем-то схожую с машинописным текстом, обычно используемым диктором в радиостудии. Как и сегодняшний дикторский текст, греко-римская «книга» была на самом деле набором мнемонических приемов для связывания отдельных изречений, а не книгой в современном смысле, предназначенной для чтения про себя и для себя, как наши обычные томики книг, продукция современных издательств.

Однако греко-римский мир ни в какой момент своей истории не охватывал всего человечества в целом. Всегда рядом с ним бок о бок существовали другие общества, и некоторые из этих обществ рассматривали книгу с совершенно противоположной стороны. В сирийском обществе, к которому принадлежали и иудеи, книга определенно не считалась прос-

* См.: Murrey G. G. Greek Studies (Оксфорд, «Кларейдон пресс», 1946) — «Введение в курс греческой литературы». Эта работа проф. Мэррея изначально была прочитана студентам Оксфордского университета как лекция в «подготовительном» курсе перед курсом «Literae Humaniores». Лекция, лежащая в основе данной статьи, была следующей за лекцией проф. Мэррея.

Цивилизация перед судом истории

той памяткой для разговора или дискуссии. Ее почитали как откровение Божие: священный предмет, в котором каждый знак и каждая буква написанного текста имели магическую силу и от этого неизмеримую ценность.

Одна из странностей истории заключается в том, что наш традиционный путь изучения греческой и латинской классики унаследован от иудейского метода изучения закона и пророков. Другими словами, мы общаемся с греческими и латинскими книгами абсолютно не так, как они использовались и как были задуманы их авторами и чтецами в те времена, когда были созданы.

Наш талмудический способ изучения книг имеет свои преимущества, столь очевидные, что нет смысла здесь о них говорить. Если однажды вас вымуштровали в таком духе, вы до конца жизни будете читать все тщательно и подробно, а это, без сомнения, лучше, нежели читать на ходу, как газету по дороге на работу. Это урок, который не следует забывать никогда, но это не последний урок, который преподает нам греко-римская цивилизация. Нельзя ограничивать себя этой узкой и обманчивой перспективой, которая составляет отрицательную черту столь детального, тщательного талмудического изучения священных книг или классиков. Талмудический подход несет в себе два порока. Он склоняет к тому, чтобы воспринимать книгу как вещь в себе — нечто статичное и мертвое, вместо того чтобы видеть в ней то, что есть в действительности, — материальный след или эхо, отголоски человеческой деятельности (ибо интеллектуальные действия есть столь же аутентичная форма деятельности, как волевые усилия или физическая энергия). Второй порок есть практически то же самое, но выраженное более общими или философскими понятиями. Талмудический метод изучения предрасполагает к тому, чтобы рассматривать жизнь в категориях книг, а не наоборот. Противоположный метод — греческий подход — заключается в том, чтобы изучать книги не только ради изложенного в них, но и как ключ к жизни тех, кто их написал.

Если бы кто-то попытался, избрав талмудический, а не эллинский подход, сконцентрировать свое внимание на каком-либо конкретном периоде греческой или римской истории ради одного из знаменитых литературных трудов, дошедших до нас, его видение истории было бы сильно искажено, ибо сохранность одних памятников греческой и латинской литературы и утрата других была обусловлена известными историческими причинами; и эти причины не имеют ничего общего с вопросом о том, насколько эпоха, литература которой дошла до нас, более значима, нежели эпоха утраченной литературы.

Чтобы показать, что я имею в виду, отвлечемся на минуту от латинских книг, дошедших до нас, и обратим внимание на сохранившиеся греческие. Если посмотреть список сохранившихся греческих книг, будет видно, что большинство из них написано в один из двух периодов, разделенных между собой примерно тремя веками. Наиболее известные — в основном «классики» — написаны за период, охватывающий не более пяти-шести поколений и заканчивающийся поколением Демосфена (то есть примерно между 480 и 320 годами до н.э.). Но есть и другая группа, дошедшая до нас, которая начинается с I века до н.э. трудами таких писателей, как Диодор Сицилийский и Страбон. Эта более поздняя группа греческих авторов, пожалуй, обширнее, нежели более ранняя, и включает такие известнейшие имена, как Плутарх, Лукиан, Арриан, Эпиктет и Марк Аврелий. По существу, вся дошедшая до нас греческая литература берет начало либо в «классической», либо в «имперской» эпохе. От промежуточной «эллинистической эры» сохранились либо очень краткие, либо отрывочные, фрагментарные работы.

Почему это так? Подбор на первый взгляд кажется случайным, но нам, к счастью, известна его причина. Причина в том, что при поколении Августа греко-римский мир, к тому времени уже разваливавшийся в течение четырех веков, до 31 года до н.э., сделал отчаянную попытку, имевшую времен-

Цивилизация перед судом истории

ный успех, собраться воедино. Психологически эта попытка приняла форму ностальгии по прошлому, которое уже казалось золотым веком, когда жизнь была счастливее и роскошнее, чем в последние века дохристианской эры. Люди, жившие тогда и ощущавшие эту ностальгию, искали утешения в архаизме, в преднамеренных попытках искусственно восстановить прошлое счастье, красоту и величие. Это архаистическое движение «имперского века» нашло свое отражение в религии и литературе. В литературе оно привело к отказу от современного «эллинистического» стиля ради изучения и воспроизведения более древнего классического, аттического стиля и к абсолютному безразличию к тем книгам, которые не были либо классическими оригиналами, либо, напротив, ультра-современными неоаттическими подражаниями.

Именно этим можно объяснить, почему сохранившаяся греческая литература почти исключительно представляет либо «имперский век», либо «классический век» и почему промежуточный «эллинистический век» по большей части выпадает из этого ряда. Однако для историка это не означает, что «эллинистический век», мол, не стоит того, чтобы его изучать. Как раз напротив, историк думает про себя: такая разница в ощущении счастья, удачи и цивилизации между греко-римским обществом последнего дохристианского века и греческим обществом V века до н.э. есть нечто поразительное и — жуткое, ибо люди последнего дохристианского века были явно правы. Действительно, в промежуточный период имел место чудовищный регресс, невероятный спад. Каким образом и почему этот спад произошел? Историк видит, что греко-римское общество достигло временного подъема во времена Августа после битвы при Акцие. Он видит также, что предшествовавший этому надлом начался с развязывания Пелопоннесской войны четыремя веками ранее. Для него, историка, насущным становится вопрос: что же именно сбилось в общественном механизме в V веке до н.э., продолжаясь до I века до н.э.? Так вот, решение этого вопроса может быть

найден лишь в том случае, если греческая и римская история будет подвергнута исследованию как единое, неделимое целое. Таким образом, с точки зрения историка, дефект нашей традиционной программы в том, что она предусматривает обязательное изучение трудов Фукидида как первой главы этой истории и трудов Цицерона как последней главы, но нимало не побуждает к изучению промежуточных «глав», ибо они не отражены в каких-либо освященных, канонических, «классических» трудах греческой или латинской литературы. А между тем, если эти промежуточные «главы» опущены, труды Фукидида и Цицерона превращаются в отдельные бесформенные обрывки истории крушения, из которых невозможно ни сложить целостную картину краха, ни воссоздать истинный вид корабля-общества.

Представим себе гипотетическую параллель в истории нашего собственного общества. Нарисуем картину последствий войны*, где и Великобритания, и континентальная Европа разрушены до основания, так что в колыбели западной цивилизации — ее европейском доме, пришедшем в упадок, — уже ничего никогда происходить не будет. Эта гипотетическая картина Европы перед концом XX века соответствует реальной картине истории Греции последнего века до нашей эры. Теперь предположим, что «англосаксонской» ветви западной цивилизации удалось каким-то образом выжить — искаленной, чахлой, одичавшей — в заморских англоязычных странах. Далее нарисуем мысленно картину того, как американцы и австралийцы пытаются спасти остатки европейского культурного наследия, в особенности сохранить чистоту английской речи и английского литературного стиля. Что они сделают в такой ситуации? Они декретируют, что единственный «классический» вариант английского языка — это язык Шекспира и Мильтона; они будут преподавать лишь

* Лекция, на которой основана эта статья, была прочитана в период между войнами (1918-1939).

Цивилизация перед судом истории

этот вариант языка в своих школах и писать только на нем — или, вернее, на том, что они СЧИТАЮТ языком Шекспира и Мильтона, — в своих газетах и журналах. И поскольку жизнь станет достаточно тяжелой и жестокой, а книжный рынок сильно сузится, они позволят всей английской литературе промежуточного периода — от Драйдена до Мэнсфилда включительно — просто исчезнуть*.

Такова, мне кажется, точная аналогия в известных нам понятиях того, что на самом деле произошло с греческой литературой. Но представим себе, что то же случилось и в наше время; предположим, что по той или иной причине вся английская литература, от Реставрации до поствикторианской эпохи включительно, была бы дискредитирована и забыта, — разве логично было бы предположить, что XVIII и XIX века, когда была создана большая часть этой литературы, не имели никакого значения в истории западного мира?

Вернемся теперь к латинским книгам. Я попрошу моих читателей рассматривать латинских «классиков» — хотя концепция, которую я хочу предложить в отношении этой литературы, может на первый взгляд удивить — как дополнение к дошедшим до нас греческим трудам «имперского века», как вариант греческой литературы в латинском одеянии. Наиболее ранние из существующих полных трудов на латыни, сохранившиеся пьесы Плавта и Теренция, представляют собой явные переводы «эллинистических» греческих оригиналов. И я должен сказать, что в более тонком смысле вся латинская литература, включая даже такие шедевры, как поэмы Вергилия, является вариантом греческих оригиналов, переведенных на латынь. В конце концов, я мог бы подкрепить свой довод цитатой из одного из самых известных латинских поэтов. Правда, цитата настолько избитая, что я с трудом заставляю себя ее привести: «Покоренная Греция пленила своего дико-

* В тот момент, когда писались эти строки, автор не мог предположить, что доживет до времени, когда его умозрительная фантазия частично сбудется.

го покорителя и познакомила неотесанного латина с искусством» («*Greecia capta ferum victorem capit et artes intalit agresti Latio*»).

Мы все знаем эти строки и знаем, что это верно. Чисто лингвистические различия между латынью и греческим языком нисколько не разрушают литературного стиля и не образуют разрыва в истории литературы. В конце концов, наша собственная современная западная литература создается на десятках различных национальных языков — итальянском, французском, испанском, английском, немецком и др., — и тем не менее никому не придет в голову сказать, что это совершенно различные отдельные литературы и что каждая из них стала бы тем, что она есть, если бы не было постоянного — столетиями — взаимобмена между этими современными друг другу западными разговорными языками. Данте, Шекспир, Гёте и другие гиганты — все они являются выразителями литературы единой и неделимой. Различия между лингвистическими средствами не имеют решающего значения. Латинская литература так относится к греческой, как, я бы сказал, английская к итальянской или французской.

Давайте посмотрим на соотношение между латинской и греческой литературой в другом ракурсе. Воспользуемся сравнением с волновым движением и представим греко-римскую цивилизацию как движение в духовной среде — выделение духовной энергии, которая излучается из источника первичного вдохновения в Греции и распространяет свое влияние вовне, действуя во всех направлениях, концентрическими волнами; природа волнового движения такова, что, проходя через сопротивляющуюся среду, волна слабеет, и тем меньше ее энергия, чем дальше она распространяется от источника излучения, пока в конечном итоге, пройдя определенное расстояние, волна не затухает совсем. А теперь попробуем проследить направление волны греческой литературы на ее пути за пределами Греции.

Цивилизация перед судом истории

В самом начале, вблизи от дома, мощь волны столь велика, что она несет с собой и сам греческий язык. Когда Ксанф Лидийский в V веке до н.э. принялся за написание истории в греческом стиле, он позаимствовал не только стиль, но и греческий язык, и даже совсем вдали от источника. Однако в том же направлении в Каппадокии в IV веке христианской эры влияние греческой литературы столь сильно, что она по-прежнему влечет за собой и греческий язык. Каппадокийцы — Григорий Назианзин и др. — воспользовались этим чужим для них языком, пробудившись к литературной деятельности, в IV веке н.э., ибо волна греческого влияния к тому времени только докатилась до них. Но уже примерно веком позже, когда та же волна, странствуя дальше, достигла Сирии и Армении, она ослабла настолько, что греческий язык остался где-то позади, и литература, созданная здесь в греческом стиле сирийцами и армянами, пишется уже не на греческом, а на восточноарамейском и армянском языках.

Теперь проследим движение волны в противоположном направлении, не на восток, а на запад. В этой стороне, достигнув Сицилии, волна еще так сильна, что она просто сметает негреческий язык аборигенов. Насколько нам известно, никаких литературных трудов, написанных на языке сикулов, в Сицилии вовсе не было, как не было и в Малой Азии ничего написано на лидийском наречии. Греческий язык на столь близком расстоянии пересилил местные языки. Я уже упоминал о труде, написанном по-гречески историком, жившим в I веке до н.э., — Диодором Сицилийским. Сам Диодор происходил из древних сикулов, а не поздних сицилийцев или греческих колонистов. Его родной город Агириум в самой глубине острова был исконным городом сикулов, там никогда не было греческих колоний. Однако же Диодор абсолютно естественно пишет на греческом языке. Правда, в его время существовал вариант греческой литературы на родном языке сикулов и на нем уже начинали создаваться великие произведения искусства. Однако это происходило уже значитель-

но дальше, в центре Апеннинского полуострова в Лации, где волна греческого влияния была слабее. Этот континентальный итальянский вариант греческой литературы создавался в Лации на живом местном латинском языке, который, по видимому, был почти идентичен вымершему языку сикулов, обитавших в Сицилии. Когда волна греческого литературного влияния достигла Лации в своем движении на запад, греческий язык остался позади, уступив место живому местному разговорному языку, точно так же как это было с арамейским и армянским языками при движении на восток — примерно на то же расстояние.

Концепцию греческой цивилизации как излучения из Греции — четырехмерного излучения в пространстве-времени — можно проиллюстрировать и примерами из истории монетной системы. В IV веке до н.э. при македонском царе Филиппе в покоренной им Фракии, близ горы Пангей, началась разработка золотых и серебряных месторождений. Из добытого металла чеканилось большое количество монет. Эти деньги служили не только для подкупа политиков и чиновников греческих городов-государств полуострова; они распространились также на северо-запад, в глубь континентальной Европы. Монеты Филиппа переходили из рук в руки, их копировали один за другим монетные дворы варваров, и, наконец, эта монетная волна пересекла Ла-Манш, разлившись по Британским островам. Нумизматам удалось собрать почти полные серии этих монет, от оригинальных выпусков Филиппа IV века до н.э. до британских копий, отчеканенных двумя-тремя веками позже. (Такое расстояние волна смогла пройти за несколько веков.) В наших музеях есть несколько таких серий, и те черты, которые мы отметили в движении литературной волны, проступают еще ярче в волне монетной. Пока она движется, все дальше удаляясь в пространстве от первоначального места эмиссии и все дальше отстоя во времени от первоначальной даты выпуска, она все более и более слабеет. Латинский вариант греческой литературы ощутимо ниже

Цивилизация перед судом истории

уровнем, нежели оригинал; и точно так же, только в еще более гротескной форме, британские имитации монет царя Филиппа хуже оригинальной чеканки. В самых поздних по времени и дальних по месту изготовления копиях профиль македонского царя и греческая надпись дегенерировали настолько, что превратились в бессмысленный узор. Если бы у нас не было возможности сравнить их с промежуточными выпусками, мы так никогда бы и не узнали, что существует некая художественная связь между этими поздними британскими монетами и их македонским оригиналом. Никто бы просто не догадался, что узор на британских монетах когда-то представлял собой надпись на греческом языке, окружающую человеческий профиль.

Прежде чем мы оставим сравнение с волновым излучением, стоило бы вспомнить еще об одной волне греческой цивилизации, имевшей несколько иное и более неожиданное — а по моему мнению, и значительно более интересное — последствие. Если посмотреть на современный японский шрифт или средневековую китайскую живопись, восходящую, скажем, к периоду династии Сун, то не сразу возникает ассоциация с греческим стилем в искусстве. Действительно, первое впечатление таково, что мы сталкиваемся с искусством, отстоящим от греческого еще дальше, чем от нашего сегодняшнего. И тем не менее если взять какое-либо произведение искусства золотого века Дальнего Востока, скажем, между V и XV веками н.э., то можно провести параллель с движением британских монет последнего века дохристианской эры. То есть мы проследим непрерывную цепь произведений искусства, растянувшуюся назад во времени от II тыс. н.э. и на запад в пространстве от Китая через бассейны Тарима и Окса-Яксарта, Афганистан и Персию, Ирак, Сирию и Малую Азию, пока не достигнем того же пункта в пространстве и времени, к которому нас привели серии монет, а именно к искусству «классического периода» Греции во времена, предшествовавшие поколению Александра Македонского.

И по мере этого движения в кильватере волны японские изображения Будды постепенно, через неощутимые стадии, превращаются в греческие изображения Аполлона.

Но здесь, разумеется, существует очевидное различие между волной, которая начинается в классической Греции и заканчивается британскими монетами, и той другой, что также начинается в Греции того же периода, но заканчивается японским пейзажем и статуей Бодхисатвы. В обоих случаях историческая связь между конечным продуктом и его прототипом неузнаваема до тех пор, пока не встанут на свои места промежуточные стадии; правда, эти две кривые, если воспользоваться математическим термином, совершенно различны по своим свойствам.

В сериях монет мы наблюдаем простой случай вырождения. Искусство становится все беднее, постепенно ухудшаясь по мере удаления в пространстве и во времени от Греции IV века до н.э. Другая кривая, направленная не в Галлию и Британию, а в Китай и Японию, начало имеет сходное. Но по мере того как греческое искусство «эллинистического» и раннего «имперского» периодов распространяется на восток через пространство исчезнувшей империи персов, достигая Афганистана, оно становится все более условным, серийным и безжизненным. А затем происходит нечто, похожее на чудо. В Афганистане это дегенерирующее греческое искусство сталкивается с другой духовной силой, излучаемой из Индии: это одна из форм буддизма — махаяна. И выродившееся греческое искусство, соединившись с искусством махаяны, рождает совершенно новую и в высшей степени творческую цивилизацию — цивилизацию махаянистского буддизма, которая распространилась к северо-востоку через всю Азию, став в конечном итоге цивилизацией Дальнего Востока.

Тут мы сталкиваемся с одним удивительным свойством этих духовных волн. Хотя их естественная тенденция — ослабевать по мере распространения, тенденция эта может быть нейтрализована и преодолена, если сталкиваются и слива-

Цивилизация перед судом истории

ются две волны, излучаемые из различных центров. Слияние греческой и индийской волн способствовало рождению буддийской цивилизации Дальнего Востока. Но существует еще один пример такого чуда, значительно более близкий нам. Та же греческая волна слилась с сирийской, и именно этот союз дал жизнь христианской цивилизации нашего западного мира.

Итак, покончим с нашими сравнениями. Это образный метод, позволяющий несколько ярче представить себе историю различных цивилизаций, но он эффективен только до определенной степени. Если отнестись к этому методу слишком серьезно и не отставить его своевременно в сторону, он может стать препятствием к более глубокому проникновению в историю. Метафорическое приложение законов и процессов мира неживой природы к описанию жизненных процессов, в особенности человеческой жизни, сейчас, видимо, особенно опасно, хотя бы из-за того, что стало чересчур модным. Не так давно опасность грозила совсем с другого конца. Мы привыкли думать о процессах неживой природы антропоморфически, что серьезно мешало прогрессу физической науки, до тех пор пока наконец не был отброшен этот привычный антропоморфический, мифологический подход к явлениям неживой природы. Мне кажется, мы отказались от него окончательно. В физической науке мы тщательно оберегаемся от так называемого патетического заблуждения. Хотя, возможно, в попытках избавиться от «патетического заблуждения» мы произвольно и неосознанно впадаем в противоположное, «апатетическое заблуждение», ничуть не менее ошибочное. Поскольку это выглядит и звучит «научно», а все научное сегодня престижно, мы склонны рассматривать людей как бревна или камни, а жизнь в целом — как излучение или поток протонов и электронов. Сравнение может быть удобным, но я уверен, что этот путь ошибочен. Давайте выберемся из привычной колеи и будем говорить о человеческих цивилизациях в человеческих понятиях.

Итак, как можно в человеческих понятиях описать греческую, или нашу западную цивилизацию, или любую другую из десяти или двадцати цивилизаций, которые можно пересчитать по пальцам? Я должен сказать, что каждая из этих цивилизаций есть своеобразная попытка единого, великого, общечеловеческого творчества или, если смотреть на нее ретроспективно, после ее завершения, это своеобразный пример единого, великого общечеловеческого опыта. Это творчество, или опыт, есть попытка совершить акт созидания. В каждой из этих цивилизаций человечество, я думаю, пытается подняться над собственной природой — над примитивной человеческой природой, я хотел бы сказать, — к более высокому уровню духовной жизни. Эту цель описать невозможно, ибо никому еще не удалось ее достичь, или, я бы сказал, ни одному обществу не удалось ее достичь. Возможно, отдельным людям это удавалось. По крайней мере я мог бы назвать некоторых святых или мудрецов, сумевших, мне кажется, в своей личной жизни достичь этой цели; во всяком случае, того, что мне представляется духовной целью. Однако если и существовали отдельные личности, достигшие преобразования, то такого явления, как цивилизованное общество, никогда не было. Цивилизация, как мы ее понимаем, — это движение, а не состояние, странствие, а не убежище. Ни одна из известных нам цивилизаций не достигла своей конечной цели. Никогда на этой земле не существовало Сообщества Святых. В самом цивилизованном обществе, в самые цивилизованные его переходы подавляющее большинство его членов оставались очень близки к примитивному уровню человеческого существования. И ни одному обществу не удавалось удержаться на том гребне духовного развития, которого ему удавалось достичь. Все цивилизации, о которых мы знаем, включая и греческую, уже распались и исчезли, за исключением, пожалуй, нашей нынешней западной цивилизации, но никто из сынов этой цивилизации, рожденных в нашем поколении, даже не во-

Цивилизация перед судом истории

образит, что наше собственное общество защищено от опасности разделить общую участь.

Я полагаю, что цивилизации рождаются и развиваются, успешно отвечая на последовательные Вызовы. Они надламываются и распадаются тогда, когда встречают Вызов, на который им не удается ответить. Вполне естественно, что в истории существуют Вызовы, с которыми сталкивалась не одна цивилизация. И греко-римская история именно потому представляет для нас особый интерес, что греческая цивилизация надломилась в V веке до н.э., не сумев найти достойного Ответа на тот самый Вызов, который сегодня стоит перед нашей собственной цивилизацией.

Если мы развернем свиток греческой истории, то увидим, что исследуем и сам этот судьбоносный Вызов, и катастрофическую неспособность найти Ответ на него. Чтобы представить, в чем же состояло существо Вызова, я должен напомнить выдающиеся события греческой истории до начала Пелопоннесской войны 431 года до н.э. Первое из таких событий — создание городов-государств вдоль берегов Эгейского моря, принесших закон и порядок на место социального междуцарствия, последовавшего за падением прибрежной Минойской империи. Следующим событием можно считать пресс роста народонаселения в колыбели новой цивилизации — на Ионических островах и в континентальной части Греции — и его несоответствие средствам существования. Третье событие — ослабление этого пресса благодаря колониальной экспансии по всему Средиземноморью: основание колониальных греческих полисов па землях варваров. Четвертое событие — прекращение греческой колониальной экспансии в течение VI века до н.э., частично из-за успешного сопротивления жертв экспансии, частично благодаря политической консолидации соперников Греции по колонизации западной части Средиземноморья со стороны Леванта: Карфагенской и Этрусской держав на западе и Лидийской империи, которую сменила значительно более мощная Персид-

ская империя, на востоке. (С точки зрения греков Персидская империя сама по себе не так была страшна, как финикийцы на своей родине, в Сирии, чей напор усиливался благодаря персидской поддержке.)

В тот период, который мы считаем наиболее выдающимся веком греческой цивилизации, — конец VI и начало V века до н.э. — сами греки ощущали себя окруженными и стесненными со всех сторон. По мнению Фукидида, со времен Кира и Дария «Элладу теснили со всех сторон в течение долгого времени, вследствие чего в этот период она не добилась каких-либо выдающихся достижений, более того, жизнь в городах-государствах захирела» (Фукидид. Книга I, гл. 17).

А на взгляд Геродота, «три последующих поколения — в годы правления Дария, сына Гистаспа, и Ксеркса, сына Дария, и Артаксеркса, сына Ксеркса, — были свидетелями того, что Эллада преодолевала больше трудностей, чем выпало на ее долю за все двадцать поколений, предшествовавших вступлению Дария на трон» (Геродот. Книга VI, гл. 98).

Но между прочим, это был тот период, когда греческому обществу удалось решить новую экономическую проблему, вставшую перед ним вследствие прекращения географической экспансии. Следовало решить, как поддерживать жизненный уровень все растущего населения в условиях, когда географический ареал стал неизменным, перестав расширяться. В истории Греции эта проблема была решена путем успешного перехода от чисто экстенсивной к более или менее интенсивной экономической системе: от смешанного хозяйства, предназначенного лишь для местного пропитания, к специализированному хозяйству на экспорт. Эта революция в сельском хозяйстве вызвала общую революцию в экономической жизни Греции, поскольку новое, специализированное сельское хозяйство потребовало дополнительного развития торговли и производства. Исследовать греческую экономическую революцию можно, изучая историю Афин времен Солона и Писистрата. Эта аттическая экономическая рево-

Цивилизация перед судом истории

люция исторически соответствует английской промышленной революции на рубеже XVIII и XIX веков н.э., и она действительно разрешила экономическую проблему Греции VI века до н.э. Однако решение экономической проблемы, в свою очередь, вызвало к жизни политическую проблему, с которой греческой цивилизации справиться не удалось; именно политическая несостоятельность и стала причиной ее распада.

Новую политическую задачу можно представить следующим образом. До тех пор пока экономика каждого из городов-государств была замкнута на ограниченное, локальное потребление, эти полисы могли позволить себе оставаться замкнутыми и в политическом отношении. Локальная суверенность каждого полиса могла вызвать, и вызывала, постоянные малые войны, однако в тех экономических условиях эти войны не несли с собой социальных катастроф. Однако новая экономическая система, рожденная аттической экономической революцией под прессом прекращения греческой колониальной экспансии, была основана на местном производстве для международного обмена. Она могла действовать успешно лишь в том случае, если полисы отказывались от своего экономического местничества и становились взаимозависимыми. А система международной экономической взаимозависимости могла функционировать только в условиях международной политической взаимозависимости: некоей международной системы политического законодательства и порядка, которые ограничивали бы анархическую местническую суверенность отдельных полисов.

Такой международный политический порядок в готовом виде преподносили греческим полисам VI и V веков до н.э. Лидийская, Персидская и Карфагенская империи. Персидская империя систематически навязывала упорядоченные политические отношения тем греческим полисам, которые она покоряла; а Ксеркс попытался завершить этот процесс завоеванием остатков независимых регионов греческого мира. Эти все еще не покоренные греческие полисы отчаян-

но — и успешно — сопротивлялись Ксерксу, поскольку они справедливо полагали, что персидское господство погубит их цивилизацию. Они не только сохранили свою независимость, но и освободили завоеванные прежде полисы Архипелага и Азиатского материка. Однако, отвергнув персидский способ решения греческой политической проблемы, греки-победители встали перед задачей найти какое-то другое решение. Здесь-то они и потерпели фиаско. Одержав победу над Ксерксом в 480—479 годах до н.э., они потерпели поражение от самих себя между 478—431 годами до н.э.

Греческой попыткой установить международный политический порядок был так называемый Делосский союз, основанный в 478 году до н.э. Афинами и их союзниками под афинским лидерством. Следует мимоходом заметить, что Делосский союз был смоделирован по персидскому образцу. Это очевидно, если сравнить описание системы, принять которую побуждал полисы афинский государственный муж Аристид в 478 году до н.э., с описанием Геродотом (в книге VI, гл. 42) системы, насаждавшейся в этих же самых полисах персидскими властями после подавления так называемого Ионийского восстания, лет за пятнадцать до того. Однако Делосский союз не смог достичь своей цели. И прежняя политическая анархия в отношениях между суверенными, независимыми греческими полисами разгорелась с новой силой уже в новых экономических условиях, что сделало эту анархию не просто пагубной, но смертельной.

Период распада греко-римской цивилизации в результате неспособности заменить международную анархию некоей международной законностью и порядком составляет историю четырех веков — с 431 по 31 год до н.э. После четырех столетий невзгод и экспериментов наступил период частичного временного расцвета во время правления Августа. Римскую империю, которая на самом деле была международной лигой греческих и других связанных с ними в культурном отношении полисов, можно рассматривать как запоздалое решение

Цивилизация перед судом истории

той проблемы, с которой не справился Делосский союз. Но эпитафией Римской империи будет фраза «слишком поздно». Греко-римское общество почувствовало раскаяние лишь после того, как нанесло себе смертельные раны своими собственными руками. Римский мир был миром от изнеможения, миром несозидательным и уже поэтому непостоянным. Это был мир и порядок, опоздавший на четыре столетия. Чтобы понять, чем была Римская империя и почему она распалась, следует внимательно исследовать историю тех унылых четырех веков.

Я пришел к заключению, что мы должны рассматривать историю тех времен в целом. Только в этом случае она проливает свет на нашу собственную ситуацию в нашем собственном мире, в наши дни. И если удастся в лучах этого света что-то разглядеть, то увиденное, поверьте опыту (*experta crede*), оказывается на удивление поучительным.

УНИФИКАЦИЯ МИРА И ИЗМЕНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Осведомленность — это наркотик для воображения: от того лишь, что каждый школьник на Западе знает, что заокеанские открытия, сделанные западными мореплавателями около четырех с половиной веков назад, есть эпохальное историческое событие, взрослые умы склонны принимать все последствия этого как нечто само собой разумеющееся. Поэтому, адресуясь к западной публике, я не буду просить извинения за то, что скажу, сколь драматичны и революционны были последствия этого подвига наших отважных предков, пересекших океан. Этот подвиг вызвал не что иное, как полную трансформацию мировой карты — разумеется, не в физическом смысле, но в смысле «расклада» человечества на том отрезке земной поверхности, на котором оно обитает и который обычно называли ойкуменой.

Это изменение всей среды обитания человека будет моей первой темой, которая, однако, приведет нас к двум другим. Внешние изменения какой-либо величины обычно вызывают соответствующую перестройку человеческих отношений; и в самом деле, оглядевшись внимательно вокруг, мы увидим,

Цивилизация перед судом истории

что у большей части человечества последствия тех путешествий-открытий, какими бы недавними они ни были даже в самом мелком историческом масштабе, уже вызвали решительные изменения в перспективном взгляде на историю. Это и будет моей второй темой, но она вновь потянет за собой новую, обнажив один парадокс. То большинство человечества, о котором я упоминаю, находится, разумеется, вне западного мира, и парадокс состоит в том, что мы здесь, на Западе, остались единственными во всем мире, чей взгляд на историю все еще находится на «до-Васко-да-Гамовском» уровне. Лично я не считаю, что этому допотопному западному взгляду на историю суждено долго оставаться неизменным. Не сомневаюсь, что и нам, в свою очередь, предстоит переориентироваться, и в нашем случае это состоится в прямом смысле этого слова. Но зачем же ждать, пока История, подобно какому-нибудь прусскому солдафону позапрошлого века, схватит нас за шиворот и повернет нам голову прямо? И хотя наши соседи были недавно научены именно таким способом, неприятным и унижительным, мы должны справиться успешнее, ибо нам не удастся сослаться на то, что нас захватили врасплох, как их. Факты смотрят нам в лицо, и, если чуть напрячь историческое воображение, можно предвосхитить то принудительное обучение, что нам предстоит. Греческий философ-стоик Клеанф обращается к Зевсу и Фортуне с мольбой даровать ему способность следовать за ними по собственной воле не отступая; «ибо, — добавляет он, — если я упаду духом или восстану, мне все равно придется пройти этот путь».

Итак, углубимся в предмет нашего разговора, напомнив себе о революционном изменении карты мира.

Известно, что человечество по своей природе склонно — всегда и везде — к опасному преувеличению исторического значения современных ему событий вследствие того, что они важны лично для того поколения, которое охвачено этими событиями. И все-таки я рискну предположить, что когда

век, в котором мы сейчас живем, останется достаточно далеко позади, чтобы будущие историки могли его рассмотреть в более широкой перспективе, то конкретное, современное нам событие, о котором мы ведем речь, встанет над горизонтом прошлого, как горный пик над равниной. Под выражением «век, в котором мы живем» я подразумеваю последние пять-шесть тысяч лет, за которые человечество, существовавшее до того уже по крайней мере 600 тысяч лет, добилось того скромного уровня социальных и нравственных достижений, которые мы называем цивилизацией. Я называю недавнее изменение карты мира «современным», ибо те четыре или пять столетий, в течение которых оно совершается, являются лишь мгновением на временной шкале, что раскрыли перед нами геологи и астрономы нашего времени. А когда я пытаюсь представить себе перспективу, которая откроет события последних пяти-шести тысяч лет будущим историкам, я думаю о тех, кто будет жить на 20 или 100 тысяч лет позже нас, — принимая на веру утверждения современных западных ученых о том, что жизнь на этой планете существует уже около 800 миллионов лет и что планета будет обитаема по крайней мере столь же долго (если, конечно, чрезмерное развитие западного технологического ноу-хау не оборвет историю на полуслове).

Если мое притязание на историческое значение рассматриваемого события покажется слишком нескромным, то давайте вспомним, каким экстраординарным было это изменение карты мира. Оно имеет, я бы сказал, два аспекта, причем второй из них особенно сенсационен. Во-первых, начиная с 1500 года (будем считать в привычных понятиях нашей эпохи) человечество объединилось в единое всемирное общество. От зарождения истории до примерно этого времени земной дом человечества был разделен на множество изолированных жилищ; начиная с 1500-х годов человеческий род стал жить под одной крышей. Это было совершено велением Божиим с помощью человеческой деятельности, и вот здесь-то мы

подходим к поистине сенсационному заключению. Исполнителем этого революционного шага в жизни человечества могло быть любое из различных обществ, представленных на карте мира в тот момент, когда сей шаг совершился, но конкретное общество, которое его реально сделало, как раз наименее соответствовало цели.

Пытаясь вырваться из привычной западной мыслительной установки и посмотреть на эту проблему с менее эксцентричной точки зрения, я стал спрашивать себя, кто из западных известных деятелей, живших во время, когда несколько групп западных мореплавателей пустились в рискованное предприятие по объединению мира, был в самом центре мира и был самым осведомленным наблюдателем; и я нашел такого человека в лице императора Бабур. Бабур был потомком Тамерлана в пятом поколении, то есть потомком того самого трансокеанского завоевателя, который предпринял последнюю попытку объединить мир путем сухопутных вылазок из континентального центра. Во время жизни Бабур (1483—1530) Колумб достиг Америки, следуя морем из Испании, а Васко да Гама — Индии, следуя из Португалии. Бабур начал свой жизненный путь как правитель Ферганы в долине Яксарта: маленькой страны, которая была центром ойкумены со II века н.э. Бабур завоевал Индию 22 года спустя после того, как Васко да Гама прибыл туда морем. Наконец, что не менее важно, Бабур был писателем, его великолепная автобиография на родном для него тюркском языке отражает недюжинный ум и проницательность.

Каков же был кругозор Бабур? К востоку от Ферганы он включал в себя и Индию и Китай, а на западе простирался до отдаленных родственников Бабур — османских турок. Бабур учился у турок военному искусству и восхищался их преданностью исламу и доблестью в распространении ислама. Он называет их «Гази Рума»: счастливыми воинами, которым удалось то, в чем с треском провалились примитивные мусульмане-арабы, то есть ему удалось отвоевать для ислама

родину восточноправославного христианства. Мне не удалось найти ни одного упоминания о западном христианстве ни в мемуарах Бабур, ни в исчерпывающем географическом указателе при великолепном переводе г-жи Беверидж. Разумеется, Бабуру было известно о существовании франков, поскольку он был образованным человеком и хорошо знал свою исламскую историю. Если бы у него был случай упомянуть о них, он, вероятнее всего, описал бы их как жестоких, но не стойких неверных, живущих в отдаленном уголке мира, на самой западной оконечности одного из многих полуостровов Азиатского континента. Примерно за четыреста лет до его времени, продолжил бы автор, эти варвары предприняли дьявольскую попытку вырваться из своего тесного и неприятного уголка на широкие и богатые просторы Рума и Даруль-Ислама. Это был критический момент для судеб цивилизации, но неотесанные агрессоры были остановлены гением Саладина, а к их военным неудачам прибавилось сокрушительное моральное поражение, когда христиане Рума, столкнувшись с необходимостью выбора между двумя возможными будущими повелителями, избрали традиционный путь, предпочтя «тюрбан Пророка» «папской тиаре» и приняв благо османского мира.

Создается впечатление, что прибытие кораблей франков в Индию в 1498 году, за двадцать один год до первого набега самого Бабур в Индию в 1519 году, ускользнуло от внимания Бабур, если только его молчание не объясняется не столько незнанием, сколько ощущением, что блуждания по свету этих морских цыган недостойны упоминания историка. Так что же, этот, как будто образованный трансокеанский ученый и человек дела не заметил предостережения в плавании португальцев вокруг Африки? Неужто он не сознавал, что покорители океана, франки, обошли ислам с фланга и зашли ему в тыл? Да, я думаю, что Бабур был бы страшно удивлен, если бы ему сказали, что та империя, которую он основал в Индии, вскоре перейдет от его потомков к франкским преемникам.

Цивилизация перед судом истории

Он не имел даже отдаленного представления о тех изменениях, что произойдут в мире между его поколением и нашим сегодняшним. Но все сказанное не ставит под сомнение ученость Бабура; это еще один пример странности в определении приоритетного события в истории нашего времени.

С 1500 года карта ойкумены действительно преобразилась до неузнаваемости. До тех пор она представляла собой полосу цивилизаций, охватывающую Старый Свет от Японских островов на северо-востоке до Британских островов на северо-западе: Япония, Индокитай, Индонезия, Индия, Даруль-Ислам, православный христианский мир Восточной Римской империи (Рум) и другой христианский мир на Западе. Хотя эта полоса как бы провисала в середине от северной умеренной зоны к экватору и поэтому проходила через довольно широкое разнообразие климатических зон и природных особенностей, социальная структура и культурный характер этих обществ были на удивление единообразны. Каждое из них состояло из массы крестьян, живших и работавших почти в тех же условиях, что и их предки на заре агрокультуры где-то за шесть — восемь тысячелетий до того, и ничтожного меньшинства правителей, обладавших монополией на власть, избыточное богатство, праздность, знания и мастерство, которые, в свою очередь, умножали их могущество. В Старом Свете существовали одно или два еще более ранних поколения цивилизации того же типа. В 1500 году некоторые из былых цивилизаций еще хранились в памяти, в то время как другие были забыты (и вынесены снова на свет современными западными археологами). В тот же период в Новом Свете существовали две цивилизации такого же типа, неизвестные в Старом Свете и едва знакомые между собой. Живые цивилизации Старого Света контактировали друг с другом, однако не настолько близко, чтобы почувствовать себя членами единого общества.

Их контакт в том виде, в каком он существовал до 1500 года, осуществлялся и поддерживался по двум различным линиям

коммуникации. Существовал морской путь, который более поздним поколениям западных людей будет известен как маршрут пароходной компании «Пенинсулар энд ориентал стимшип Ко.» из Тилбери в Коуби. С 1500 года и практически до недавнего времени, что сказалось и на жизни моего прадеда, командовавшего одним из пассажирских парусников компании «Онорабл Ист-Индия Ко.» (яркое воспоминание детства), ушедшего в отставку до открытия Суэцкого канала и никогда не служившего на паровом судне, этот морской путь по цепи внутренних морей пересекался перешейком между Средиземным и Красным морями или — по-другому — между Средиземным морем и Персидским заливом. В средиземноморской и японской частях этого морского пути движение было зачастую очень оживленным, а примерно со 120 года до н.э. понеслась заразительная волна морских экспедиций, начатая греческими мореплавателями из Александрии, проторившими путь на Цейлон; волна прокатилась на восток до Индонезии и дальше, пока не привела полинезийские каноэ к острову Пасхи. Тем не менее, при всем риске и романтике этих дозападных первооткрывателей, морской путь, открытый ими, так и не получил первостепенного значения как способ коммуникаций между цивилизациями. Основная линия контактов проходила по степям и пустыням, прорезавшим полосу цивилизаций от Сахары до Монголии.

Для человека степь была практически морем, только сухопутным, что до самого конца XV века христианской эры делало ее более удобной для общения, нежели соленое безбрежное море. Это безводное море имело свои сухопутные корабли и порты без гаваней. Галеоны степей — это верблюды, степные галеры — лошади, степные порты — караван-сарай, промежуточные порты — в оазисах, конечные пункты приписки — на берегах, где песчаные волны «Пустыни» разбивались о «Засеянное»: Петра и Пальмира, Дамаск и Ур, тамерлановский Самарканд и китайские торговые ряды у ворот Великой Китайской стены. Лошади, бороздящие степь,

Цивилизация перед судом истории

вместо парусников, бороздивших океаны, были основным средством передвижения, которое связывало отдельные цивилизации, существовавшие в мире до 1500 года, причем связывало в той степени, непрочной и слабой, в какой они действительно поддерживали контакт друг с другом.

В этом мире, как видите, Фергана Бабура была центром мира, а турки во времена Бабура были центральным родом в семействе наций. Тюркоцентричная история мира была опубликована уже в наше время последним из великих прозападных османских турок, президентом Мустафой Кемалем Ататюрком. Это был блестящий прием для поднятия морального духа своих соотечественников и еще более блестящий пример подлинной исторической интуиции, ибо начиная с IV века христианской эры, когда из степей были изгнаны последние из индоевропейских народов, и вплоть до XVII века, увидевшего падение тюркских династий Османов, Сефевидов и Тимуридов, соответственно в Малой Азии, Иране и Индии, тюркоязычные народы действительно были краеугольным камнем азиатской дуги, державшей на себе пояс цивилизаций «до-Васко-да-Гамовского» периода. Все эти двенадцать столетий сухопутные связи между отдельными цивилизациями были под контролем тюркской степной мощи, и из своей центральной позиции в этом «до-Васко-да-Гамовском мире» турки совершали свои завоевательные нашествия на восток и на запад, на север и на юг, в Маньчжурию и Алжир, на Украину и в Декан.

Теперь мы подходим к великой революции: технической революции, благодаря которой Запад составил свое состояние, одержал верх над всеми остальными живыми цивилизациями и насильно объединил их в единое общество всемирного характера в буквальном смысле этих слов. Революционное изобретение Запада — это использование океана вместо степи в качестве основного средства всемирной коммуникации. Передвижение по океану вначале на парусниках, затем на пароходах позволило Западу объединить весь оби-

таемый мир, включая обе Америки. Фергана времен Бабура была центром мира, объединенного конным сообщением через пространство степей; но в течение жизни Бабура центр мира вдруг сделал неожиданный огромный прыжок. Из глубин континента он прыгнул на его крайнюю западную оконечность и, покружив вокруг Севильи и Лиссабона, устроился на время в елизаветинской Англии. В наши дни мы наблюдаем, как этот ветреный центр мира перепорхнул вновь, на этот раз из Лондона в Нью-Йорк, хотя это перемещение в еще более эксцентричное положение на другом берегу «селедочной лужи» (Атлантического океана) — всего лишь событие местного масштаба, несравнимое по значимости с прыжком времен Бабура из степных портов Центральной Азии к океаническим портам Атлантики. Тот огромный прыжок был вызван внезапной революцией в средствах передвижения. Степные порты были выведены из строя, поскольку океанские парусники вытеснили верблюда и лошадь; а сейчас, когда на наших глазах океанские пароходы вытесняются самолетами, мы можем задать вопрос, не собирается ли центр мира вновь совершить прыжок — и на этот раз столь же сенсационный, как и в XVI веке, — побуждаемый технической революцией, не менее радикальной, чем замена типчака Бабура в XVI веке каравеллами Васко да Гамы. Я вернусь к этой возможности к концу нашего разговора. А пока, перед тем как мы свернем сухопутную карту мира от Бабура и развернем морскую карту, державшую позиции со времен Бабура до наших дней, попробуем сделать переключку среди отдельных цивилизаций, на которые была разделена человеческая раса до поколения Бабура, и кратко поинтересоваться их историческим мировоззрением.

Однородность, которую эти отдельные цивилизации демонстрируют в сфере культурного развития и социальной структуры, распространяется и на их историческое мировоззрение. Каждое из этих обществ было убеждено в том, что оно единственное цивилизованное общество в мире, а остальное

Цивилизация перед судом истории

человечество — варвары, неприкасаемые или неверные. При такой точке зрения очевидно, что по крайней мере пять или шесть цивилизаций до Васко да Гамы должны были пребывать в заблуждении, а продолжение истории показало, что на самом деле ни одна из них не была права. Все варианты заблуждения, без сомнения, в равной мере ошибочны, но они могут не быть в равной мере абсурдны, так что весьма поучительно посмотреть на полдюжины соперничающих и взаимно исключаящих версий всеобщего мифа «простого народа» в порядке возрастания пренебрежения здравым смыслом.

Для китайцев их сектор земного шара обозначался как Поднебесная, иначе — все поднебесье, а территория под непосредственным правлением имперского правительства называлась Срединным царством. Эта точка зрения с невозмутимой уверенностью изложена в знаменитом ответе великого императора Цзяньлуня (правил в 1735—1795 годах) на письмо короля Великобритании Георга III, предложившего установить между монархами дипломатические и торговые отношения.

«Что же до твоей просьбы о том, чтобы аккредитовать одного из твоих подданных при моем Небесном Дворе и доверить ему контроль над торговлей с Китаем, то она противоречит всем традициям моей династии и не может никак быть исполнена... Церемонии и законы наши настолько отличаются от ваших, что если даже твой посланник и усвоит что-либо из них, то и тогда ты не сможешь привить их на твоей чужой для нас почве... Управляя всем миром, я преследую одну цель, а именно: сохранить благое правление и исполнить предназначение Государства... Чужие и дорогостоящие цели меня не интересуют. Я не придаю особого значения вещам экзотическим или примитивным, и в товарах твоей страны мы не нуждаемся»*.

* Полный текст см.: Ф. У а й т. Китай и другие державы. Оксфорд, Университи пресс, Лондон, 1927, приложение.

Если бы посланец варваров лорд Макартни разгласил деликатный секрет, что его правитель периодически терял рассудок, император ничуть бы не удивился. Ни одному варварскому князьку в здравом уме не пришло бы в голову обращаться к Сыну Неба, как если бы он был ему ровней; а уж тон составителя британского послания, даже принимая во внимание его невежество, должен был показаться поистине наглым в свете всей истории, как ее понимали Цзяньлунь и его окружение.

Цзяньлунь самостоятельно творил историю, покорив последние из диких кочевых племен Евразийских степей и прекратив таким образом дуэль между «Пустыней» и «Засеянным», которая была одной из основных нитей в ткани истории последних трех тысячелетий. Сын Неба достиг этого исторического свершения практически в одиночку. Единственный, кто мог бы претендовать на свою долю участия в этом процессе, был царь Московский. «Варвары Южного моря» (как китайцы называли западных морских цыган, которых прибило к южному берегу Китая с той стороны) не принимали абсолютно никакого участия в достижении этой великой победы во славу оседлой цивилизации. Однако личные достижения государственного мужа и воина Цзяньлуня мало что добавляли к сиянию, исходившему от Сына Неба *ex officio* (по должности). Империя, которой он правил, была самой древней, самой преуспевающей и самой милосердной из всех существовавших политических институтов. Основание ее в III веке до н.э. дало цивилизованному миру цивилизованное правительство, составленное из отобранных на конкурсной основе и в высшей степени культурных гражданских служащих, вместо международной анархии, в которую ввергли человечество отдельные суверенные государства, руководимые по наследству феодальным нобилитетом и развязывавшие постоянные междоусобные войны. В течение предыдущих двадцати веков этот тщательно обустроенный мир время от времени давал сбои, но эти сбои всегда оказывались

кратковременными, и к концу правления Цзяньлуня последнее из возрождений Срединного царства было в своем апогее. В этой политической оболочке сохранилось интеллектуальное сокровище: наследие философских школ, искавших ответы на фундаментальные вопросы метафизики и этики. И сыны Срединного царства показали, что их врожденная интеллигентность и искусство управления государством были под стать широте взглядов, которую они проявили, восприняв великую иноземную религию, рожденную в Индии, — махаяну, — для удовлетворения духовных запросов, которым их собственная оседлая цивилизация не смогла предложить адекватных решений.

Исходя из этих исторических предпосылок, спросим себя, был ли Цзяньлунь не прав, отвечая таким образом Георгу III. Несомненно, многие из моих западных читателей улыбнутся, читая его ответ. Разумеется, они улыбаются оттого, что знают последствия, но что эти последствия доказывают? Только то, без сомнения, что император Цзяньлунь и его советники не подозревали о том, какую безграничную мощь обрели «варвары Южного моря» благодаря практическому применению новых открытий физической науки. Во время миссии лорда Макартни в Китае было немало образованных людей, причем многим из них, находившимся тогда в цветущем возрасте и при ответственных постах на императорской службе, довелось дожить до того времени, когда Великобритания развязала войну с Китаем и диктовала свои условия под дулами пушек. Но не доказывает ли такое продолжение истории, что Цзяньлунь был столь же мудр в своей политике необщения, сколь и неинформирован относительно военной мощи «варваров Южного моря»? Его интуиция предостерегла его от приобретения «экзотических и примитивных» британских товаров, а одним из самых экзотических товаров, предложенных британскими купцами императорским подданным, был опиум. Когда власти запретили эту торговлю, как и должно было сделать уважающее себя правительство, варвары воспользо-

вались своим военным преимуществом, чтобы пушечным огнем с моря ввести в Китае британскую торговлю на британских же условиях. Я понимаю, что это весьма упрощенное описание «опиумной войны», но по существу это правда, и единственное, что можно сказать в пользу виновников данного международного преступления, — это то, что с тех самых пор они стыдились своей акции. Я хорошо помню это, надеюсь, искупающее ощущение стыда, переданное мне еще в детстве моей матерью, когда я спросил ее об «опиумной войне» и она рассказывала мне о ней.

Голос Истории, который, как сирена, внушил пекинскому Сыну Неба иллюзию, будто он является уникальным представителем Цивилизации с большой буквы, сыграл ту же злую шутку в 1500 году с его «двойником» — царем Московским. Он также был правителем последнего воплощения мировой империи, которая временами переживала упадок, однако каждый раз неизменно возрождалась вновь. Универсальный мир, установленный Августом в Первом Риме, на берегах Тибра, был вновь установлен Константином при Втором Риме, по сторонам Босфора; а когда Константинопольская империя после троекратного падения и возрождения — в VII, XI и XIII веках христианской эры — покорилась неверным туркам в 1453 году, скипетр перешел к Третьему Риму — Москве, чье царство, как предполагалось, будет вечным (так должны были думать все благочестивые москвиты). Московский наследник Римской державы унаследовал к тому же культурные достижения греческих предшественников Рима; и как будто этого недостаточно, он был еще и Богоизбранным защитником великой иноземной религии — христианства, принятого языческим греко-римским миром в надежде на духовное возвышение. Наследник Греции, Рима и Христа, а через Христа — Богоизбранного народа Израиля! Призвание Московии выглядело в глазах москвитов столь же убедительным, сколь и уникальным.

Если бы притязания царя дошли до внимания Сына Неба, он, вероятнее всего, воспринял бы их с некоторой долей

Цивилизация перед судом истории

снисходительности. Когда за пятнадцать столетий до революционного переворота Васко да Гамы, изменившего карту мира, первая империя Цинь предприняла дерзкий бросок через сухопутное степное море и чуть-чуть задела «кончиками усиков» окраины первой Римской империи, китайские покорители пустынь высокопарно озаглавили свое необычное открытие Да Цинь — Великий Китай на Дальнем Западе. Но Цинь и Да Цинь всегда были разъединены между собой соседями, заявлявшими свои претензии и на ту и на другую стороны. В глазах индусов, например, буддизм, который Китай столь ревностно воспринял от Индии, был не чем иным, как некоей абберацией индуистской ортодоксии (благополучно забытой у себя дома). Только брахманы держали монополию на истинные обряды, священные книги и верную теологию. Большая часть населения даже в Индии и, разумеется, каждый человек — мужчина, женщина или ребенок — за пределами Священной земли арьев были в положении неприкасаемых изгоев. Мусульманские покорители Индии хотя и обладали сильнейшей материальной мощью, но в глазах индуса им не под силу было очиститься от их ритуальной нечистоты.

Мусульмане со своей стороны были так же строги к индуистам, как индуисты — к китайцам и мусульманам. С точки зрения мусульман, пророки Израиля были вполне приемлемы, и Иисус был последним и величайшим Пророком Господа до его главного Посланника — Мухаммеда. Претензии мусульман были обращены не к пророку Иисусу, а к христианской церкви, которая поработила Рим, капитулировав перед языческим греческим политеизмом и идолопоклонством. Из этого постыдного предательства Откровений Единого истинного Бога ислам вычленил и восстановил чистую религию Авраама. Между христианским политеизмом, с одной стороны, и индуистским политеизмом — с другой, вновь засиял свет монотеизма: ислам давал надежду миру.

Традиционная шкала ценностей ислама очень ярко проявляется в заключительной фразе великого египетского ис-

торика Аль-Габарти его описания событий, происшедших в год Хиджры 1213: «Итак, этот год подошел к своему концу. Среди беспрецедентных событий, происшедших в этот год, самым зловещим было прекращение паломничества из Египта [в священные города Хиджаза]. Они не прислали святых Покровов (kiswah) для Каабы и не прислали Сумы (surrah). Ничего подобного не случалось в нашем времени и никогда во время правления Бану Османа. [Поистине] расположение событий подвластно лишь одному Господу»*.

Что же это за удивительный год? По нашим западным понятиям, год, соответствующий году Хиджры 1213, — это период с 1798-го по июнь 1799 года. Это был год, когда Наполеон высадился в Египте, а слова Аль-Габарти, которые я процитировал, венчают его чрезвычайно яркое и проникновенное описание этой поистине драматической «войны миров». Я, как марсианин, был, помню, ошеломлен, когда впервые прочитал эту фразу. И тем не менее нельзя, читая Аль-Габарти, не относиться к нему серьезно. Он, несомненно, занял бы одно из первых мест в списке ведущих историков цивилизованного общества на сегодняшний день. Я еще вернусь к этому высказыванию и попытаюсь убедить моих западных коллег, что наше обывательское стремление посмеяться над ним должно превратиться в смех над собственным далеким узкоместническим мышлением.

Ибо сейчас мы подходим к двум действительно достойным смеха поразительным случаям, когда локальная цивилизация вообразала себя единственной цивилизацией на Земле.

Японцы искренне верили, что их страна — это «Земля богов» и оттого она неприступна для завоевателей (хотя сами японцы незадолго до того сами завоевали эту страну до самого северного побережья, где жили их менее удачливые

* Шейх Абд-ар-Рахман Аль-Габарти. *Aga-al-Athar fit-Tarajim wal-Akbar*. Каир, г.х. 1322 в 4-х томах (т. III, с. 63. Французский перевод: Каир, Imprimerie Nationale a Paris, Leroux, A.D. 1888—1890, в 9 томах), т. VI, с. 121.

Цивилизация перед судом истории

северные предшественники, «волосатые айны»). Япония — Срединное царство! Да в 1500 году Япония была еще феодальным обществом в состоянии безобразной анархии, от которой Китай был избавлен императором Цинь Ши-хуанди еще в 221 году до н.э. Того, чего Китай добился для себя так давно и без посторонней помощи, Япония не могла достичь спустя и тысячу лет, пользуясь всеми благами заимствованной у Китая мирской цивилизации и высшей индийской религии, также перенесенной на ее почву через Китай. Могло ли быть большее безрассудство? Кстати, кажется, могло, ибо западный вариант вселенского заблуждения определенно переплюнул японский. Франки в 1500 году серьезно утверждали, что истинной наследницей Израиля, Греции и Рима была не восточноправославная церковь, но их собственная и что именно не западная, а восточная церковь была церковью схизматиков! Послушать франкских теологов, так можно было вообразить, что именно четыре восточных патриархата, а не римский патриархат изменил Символ Веры, включив в него *filioque*. А если прислушаться к «римским императорам германской нации» в их политической полемике с греческими и русскими последователями Августа и Константина, то можно представить, будто не в латинских, а в греческих и восточных провинциях погибло римское имперское правительство в V веке после Рождества Христова, чтобы уже никогда не возродиться вновь. В 1500 году дерзость франкских притязаний на то, чтобы называться избранным народом, могла ошеломить любого достаточно информированного и беспристрастного третейского судью. Но следует отметить еще один, даже более удивительный, факт. С тех пор протекло четыре столетия — и каких столетий! — а франки и сегодня поют все ту же старую песню; правда, сегодня поют ее соло, ибо остальные голоса в хоре цивилизаций, тянувшие в унисон этот ложный напев в 1500 году, постепенно, один за другим к нашему времени изменили свою мелодию.

Успешное перевоспитание незападного большинства человечества в то время, пока западные умы все еще вязнут в архаической тине, само по себе не является свидетельством врожденной остроты ума или добродетели. Рождение мудрости — это спасительный шок, а незападные общества пережили громадное потрясение, вызванное бурным воздействием западной цивилизации. И только Запад один избежал такого бесцеремонного обращения; не затронутая — пока — переворотом собственного изготовления, наша цивилизация все еще тешится самодовольной и небрежной иллюзией, которой баловалась ее «противная сторона», пока не почувствовала вразумляющего толчка нацеленных рогов альтруиста поневоле — западного быка. Рано или поздно отголоски этого толчка, без сомнения, докатятся и до самого Запада, но на данный момент этот двуликий Янус продолжает дремать: атакующий бык где-то за границей, у себя дома — одинокая теперь Спящая Красавица.

Шоковые удары, полученные другими цивилизациями, были действительно столь сильны, что могли бы разбудить Семерых. Представьте себе психологический эффект британского давления 1842 года на некоторых китайских ученых и государственных мужей, достаточно пожилых, чтобы помнить обращение Цзяньлуня с миссией лорда Макартни за сорок девять лет до этого! Почитайте Аль-Габарти! Я смогу привести здесь лишь его описание одного инцидента, последовавшего за внезапным появлением — в пятницу восьмого месяца Мухаррам года Хиджры 1213 — двадцати пяти иностранных кораблей на рейде египетского порта Александрия.

«Пока горожане недоумевали, что здесь понадобилось иноземцам, небольшая лодка причалила к берегу и из нее высадились десять человек... Эти иноземцы сказали, что они англичане, и добавили, что ищут каких-то французов, которые отплыли в неизвестном направлении в составе довольно значительного флота. Они сказали, что боятся, как бы французы не предприняли неожиданную атаку на Египет, по-

Цивилизация перед судом истории

сколько им известно, что народ Египта не сможет отразить атаку захватчиков и помешать им высадиться... Иноземцы продолжали: «Мы готовы остаться в море на кораблях, чтобы защитить город и охранять побережье; мы не просим у вас ничего, кроме провизии и воды, и готовы заплатить за это». Знатные люди, однако, отказались... вступить в какие-либо отношения с англичанами и сказали им: «Эта страна принадлежит Султану, и ни французам, ни другим иноземцам делать здесь нечего; поэтому будьте добры покинуть наш город». При этих словах английские посланцы вернулись на корабли и поплыли искать провизию и воду где-нибудь в другом месте, дабы Бог мог завершить труд, предопределенный Его волей».

Когда читаешь дальше, понимаешь, что эти *gesta Dei per Francos* побудили восприимчивого доктора университета Аль-Азхар к тому, чтобы начать собственное перевоспитание немедленно же. Одним из первых актов французов после оккупации Каира было устройство научной выставки с демонстрацией приборов, и наш историк был среди посетителей. Отметив, что французы, очевидно, приняли мусульман за детишек, которых можно увлечь всякими трюками, и что это скорее говорит об инфантильности самих французов, Аль-Габарти тем не менее откровенно выражает свое восхищение показанными достижениями французской науки. (Он отмечает, что из того ущерба, который французы потерпели в результате восстания, спровоцированного их же собственным высокомерным и властным поведением в самом начале, больше всего их, по-видимому, удручала утрата некоторых научных приборов, уничтоженных в доме известного ученого Кафарелли.) Но интерес Аль-Габарти к французской науке уступает тому впечатлению, которое произвело на него французское правосудие. Французские солдаты за мародерство приговариваются к наказанию и по личному приказу Наполеона платят за свои преступления жизнью. (А когда командующий оккупационной французской армией генерал Клебер

был убит фанатиком-мусульманином, то убийцу ждал настоящий справедливый суд. Это искренне восхищает Аль-Габарти, и он, как всегда, откровенно записывает свое мнение, отмечая, что мусульмане в подобных обстоятельствах не поднялись бы до такого нравственного уровня. Он настолько глубоко заинтересован процедурой и так стремится точно воспроизвести ее, что включает в свои записи судебный протокол, воспроизводя документы дословно на плохом арабском языке французской военной канцелярии.)

Когда наблюдаешь, с какой быстротой и готовностью египетский ученый, мусульманин Аль-Габарти, усвоил французский урок, причем весьма далекий от того, чтобы быть «без печали», мысли обращаются к ряду выдающихся османских государственных деятелей прозападного направления: это Мехмед Али из Каваллы, македонский армейский командир, пришедший в Египет и увидевший, что там делают французы, а затем продолживший революционный труд Наполеона после его ухода*; это султан Селим III, лишившийся жизни в Константинополе за девять лет до высадки Наполеона в Александрии в пионерской попытке перестроить Османскую империю на западный лад; это и султан Махмуд II, которому удалось после долгого — в полжизни — терпеливого ожидания осуществить политическое завещание своего сородича-мученика, и, наконец, последний — по времени, но не по важности — президент, Мустафа Кемаль Ататюрк, который завершил уже в наше время революцию в жизни османских турок, начатую еще султаном Селимом примерно за

* Продолжая писать историю своего времени, Аль-Габарти одинаково честно относился и к Мехмеду Али и к Наполеону или Абдалле Мену. В недобрый для историка час диктатор услышал о его труде и повелел узнать о его содержании, после чего записки Аль-Габарти о Мехмеду Али резко обрываются. Однажды, возвращаясь темной ночью домой верхом на осле (если быть точным, это была ночь 27 Рамадана года Хиджры 1237, то есть 22 июня 1822 г.), наш слишком правдивый информатор «тихо и незаметно исчез». Его неблагоприятное суждение об исламском правосудии оказалось пророческим.

шесть поколений до того. Эти османские имена вызывают в памяти имена подобных им фигур в других частях мира: архизападника Петра Великого и его большевистских духовных наследников; искусных архитекторов Реставрации Мэйдзи в Японии; бенгальского синкретиста Рам Мохан Роя, который, перенеся это понятие в область религии, выразил характерное индусское уважение к истинным ценностям материи и духа — с каким бы негодованием ни отряхивали пыль оскверненного порога этого ересиарха со своих незапятнанных ног ортодоксальные индусские пандиты.

По вдохновению или повелению этих могущественных «иродиан» — а движущей силой была обычно смесь увещевания и принуждения — молодое поколение незападных обществ, когда-то разделенных, а ныне сметенных Западом в одно, опутанное всемирной сетью, в наше время в буквальном смысле учится в западных школах. Оно усваивает урок Запада из первых рук в университетах Парижа или Кембриджа и Оксфорда, в Колумбийском университете или Чикагском; и когда я разглядываю лица в своей аудитории Сенат-Хаус в Лондонском университете, я с удовлетворением замечаю там представителей этих обществ. Элита во всех незападных обществах сейчас уже практически полностью рассталась со своим традиционным эгоцентричным локальным мировоззрением. Часть этой элиты, увы, заразилась западной идеологической болезнью национализма, но даже национализм с точки зрения незападных обществ обладает хотя и отрицательным, однако достоинством экзотического пророка. Он также извлекает их из их племенной раковины. Короче говоря, тем или иным путем эмоционально трудный, но интеллектуально стимулирующий опыт ураганного штурма со стороны Запада позволил этим незападным людям, изучающим социальные науки, осознать (а какого усилия воображения это требует!), что прошлая история Запада не есть лишь узкая забота одного только Запада, но также и их собственная история. Она есть их история потому, что Запад — подобно

тем французским солдатам-мародерам в Каире, о казни которых сообщает Аль-Габарти, — вторгся в жизнь своих беззащитных соседей; теперь этим соседям приходится знакомиться с западным образом жизни в новом, всемирном обществе, членами которого Запад сделал их только с помощью силы.

Парадокс нашего поколения состоит в том, что весь мир выиграл в результате просвещения, которое Запад нес с собой, кроме (как мы уже наблюдали) самого Запада. Запад сегодня все еще продолжает смотреть на историю со своей старой, узкоместнической, эгоцентрической точки зрения, которую другие сообщества к нашему времени были вынуждены преодолеть. Тем не менее раньше или позже Запад, в свою очередь, будет вынужден пройти то переобучение, которое другие цивилизации прошли в процессе унификации мира в результате влияния Запада.

Каков же возможный путь грядущей интеллектуальной и нравственной революции Запада? Поскольку мы двигаемся, отворотив нос от железного занавеса, который лишает нас возможности заглянуть в собственное будущее, кое-какой свет для нас могли бы пролить истории наших старших современников, про которых мы знаем все, ибо действующие лица (*dramatis personae*) уже простились с жизнью. Например, каковы были последствия влияния греко-римской цивилизации на ее соседей? Если мы проследим нить событий сквозь шестнадцать или семнадцать веков от катасиса товарищей Ксенофонта по оружию до последних достижений — под влиянием Греции — мусульманской науки и философии перед монгольским катаклизмом, то мы увидим, как казавшееся непреодолимым наступление Греции по всем позициям — политической, военной, экономической, интеллектуальной и творческой — постепенно было остановлено и повернуто вспять контрмерами его негреческих жертв. По всем позициям, где они были атакованы, контр наступление восточных народов было успешным в целом, но в частностях удача не

Цивилизация перед судом истории

раз им изменяла, а последствия иногда были нелепо ироничными. Есть, однако, один момент — религия, ахиллесова пята греков, — где восточный контрудар достиг цели и вошел в историю.

Эта законченная, хотя и почти современная история имеет отчетливый отголосок в нашей собственной перспективе, ибо духовный вакуум, как провал в самом сердце эллинистической культуры, которую греки на какое-то время навязали миру, недавно проявился и в западной христианской культуре в той форме, в какой эта культура была «обработана» для экспорта. В течение двух десятилетий начиная со времен Васко да Гамы наши западные предки, стремительно несшиеся по миру, делали героические попытки пропагандировать западное культурное наследие в полном объеме, включая как его религиозный стержень, так и технологическую оболочку; и это было вполне обоснованно, ибо любая культура есть нечто целое, части которого взаимозависимы, и экспорт плевел без пшеницы может быть столь же смертельным, как излучение электронов атома без ядра. Однако примерно на рубеже XVII и XVIII веков нашей христианской эры произошло нечто, что — я рискую предположить — в ретроспекции будет выглядеть как эпохальное событие современной западной истории, когда эта локальная история будет рассматриваться в ее истинном свете, как один из моментов всеобщей истории человечества. Это — двойное событие-предостережение, в котором провал иезуитов акцентируется одновременным успехом Королевского общества. Иезуиты не сумели обратить китайцев и индусов в католичество, то есть римскую ветвь западного христианства. Они потерпели неудачу, несмотря на то что имели в своем распоряжении психологическое ноу-хау, ибо, когда настало время, ни папа, ни Сын Неба, ни брахманы не захотели поддержать их. В том же поколении сотоварищи этих трагически неудачливых иезуитов, западные католики и протестанты, у себя дома пришли к опасному выводу, что религия, спорная и

разделенная на части, во имя которой они ведут бесконечную, столетнюю братоубийственную войну, на самом деле не самый существенный элемент в их культурном наследии. Почему бы не прекратить религиозные войны, разделив самое религию, и не сконцентрировать внимание на применении открытий физической науки к практической жизни — стремление, не вызывавшее полемики и обещавшее выгоду всем? Этот поворот на пути западного прогресса, наступивший в XVII веке, имел колоссальные последствия, ибо западная цивилизация, с тех пор распространившаяся по всему миру с быстротой молнии, не была чем-то однородным и монолитным; скорее это было вспышкой угара — техническая окантовка с вырванной религиозной сердцевиной. Этот «утилитарный» образец западной цивилизации было, разумеется, сравнительно нетрудно воспринять: Петр Великий проявил гениальность, ухватившись за товар сразу же, как только тот был выставлен в витрине. Столетием позже более тонкий и возвышенный Аль-Габарти проявил большую проницательность. Французские технические достижения поразили его, но он не спешил, ожидая знамения. Для него пробным камнем западной цивилизации, как и его собственной, была не технология, но правосудие. Этот каирский ученый постиг самую суть вопроса, то, что Западу еще только предстоит завоевать в самом себе. «Если... знаю все тайны и имею всяческое познание... а не имею любви, то я ничто» (1 Кор. 13:2); «Есть ли между вами такой человек, который, когда его сын попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» (Мф. 7:9, 10).

Это возвращает нас к вопросу, вызванному фразой Аль-Габарти и все еще ждущему нашего ответа. Что же на самом деле было главным событием года Хиджры 1213? Наполеоновское нашествие в Египет или прекращение паломничества из Египта в священные города?

Исламский институт паломничества сам по себе, конечно, не более чем строгое соблюдение внешнего ритуала, но

как символ оно объединяет всех мусульман в духовном братстве. Таким образом, если паломничество отпадет, ислам окажется в опасности, как мы уже знаем из опыта нашего времени; а Аль-Габарти был особенно чувствителен к этой опасности, ибо он высоко ценил духовное богатство, которым была наполнена его религия. Как же мы сами оцениваем ислам? Может ли человечество позволить себе обойтись без социальной основы исламского духовного братства в той главе истории, где власть над миром, похоже, находится в руках белолицых, печально известных расовыми предрасудками англоговорящих покорителей морей? Однако сама эта социальная сфера, при всей ее ценности и благородстве, не составляет существа ислама, что Аль-Габарти не преминул бы нам разъяснить, хотя сам оказался живым воплощением именно этого достоинства собственной веры. Как это и отражено в его фамилии, Аль-Габарти был наследственным представителем одной из тех «наций», что составляли контингент университета Аль-Азхар, так же как их современники — представители Сорбонны. И кто же составлял его нацию — Габарт? Это были вedomые по всей Абиссинии галла и сомалийцы: истинно верующие эбеново-черные сыны Хама. Вы поймете, что фамилия и личное имя нашего героя замечательно подходят друг другу: фамилия Аль-Габарти означает «эфиоп», а личное имя — Абдеррахман — «слуга милосердного Господа». Однако этот поклонник сострадательного Бога подтвердил бы, что, если паломничество есть только лишь символ братства, преодолевающего различие в цвете кожи и классовой принадлежности, само это единство между истинно верующими есть, в свою очередь, просто перевод на язык действия здесь, на Земле, их истинной веры в единство Бога. Творческий дар ислама человечеству — монотеизм, и мы, разумеется, не можем себе позволить отбросить прочь этот дар.

А что же насчет Битвы у Пирамид? В прошлом году, когда я во второй раз в своей жизни участвовал в мирной кон-

ференции в Париже, одним воскресным утром я оказался на временной деревянной трибуне, перед которой проходил французский «марш победы» — всадники на белоснежных лошадях, тунисская пехота, перед которой степенно шли обученные и нарядно убранные овцы, — а прямо передо мной в дальнем конце процессии виднелась Триумфальная арка. На этой внушительной каменной громаде я стал рассматривать ряд круглых щитов, укрепленных под карнизом. На каждом из щитов было выведено название одной из побед Наполеона. «Хорошо, пожалуй, — поймал я себя на мысли, когда дошел глазами до угла, — что у этого монумента всего четыре грани, а не восемь, будь там больше места, они дошли бы до Седана и Битвы за Францию». И тут перед моим мысленным взором выстроились другие, столь же нелепые окончания в цепочках национальных побед: германской, где после Битвы за Францию следовала Битва за Германию, — или цепь британских побед в Индии, начиная с Плесси и Ассэя и кончая целым рядом звучных пенджабских названий мест, где происходили решительные сражения в англосакских войнах. К чему, в конце концов, привели все эти западные национальные победы? Да все к тому же нулевому результату, что и национальные завоевания — не менее знаменитые в свое время — тех китайских «борющихся царств», которые Цинь Ши-хуанди смел с лица земли в III веке до н.э. Суета сует! Ислам, однако, продолжает существовать, неся в себе мощный духовный заряд.

Так кто же смеется последним в этом споре относительно чувства меры у Аль-Габарти? Его западные читатели или все-таки сам Аль-Габарти?

Итак, что мы, люди Запада, должны сделать, чтобы, подобно Клеанфу, последовать за Зевсом и Фортуной по собственной воле и разуму, не вынуждая эти мрачные божества построить нас в шеренгу унижительным методом силы и принуждения?

Первое, что я бы предложил, — мы должны переориентировать собственное историческое мировоззрение в том же

Цивилизация перед судом истории

направлении, что и образованные представители родственных обществ нескольких последних поколений. Наши незападные современники осознали факт, что в результате недавней унификации мира *наша* прошлая история стала неотъемлемой частью *их* собственной. Теперь и мы, все еще дремлющие западные люди, должны со своей стороны понять, что благодаря той же революции, которую мы сами в конце концов и устроили, прошлое наших соседей готовится стать жизненно важной частью западного будущего.

Заставляя свое воображение сделать нужное усилие, нам нет необходимости начинать все с самого начала. Мы всегда осознавали и признавали, чем мы обязаны Израилю, Греции и Риму. Но все они, разумеется, цивилизации исчезнувшие, и нам удавалось воздавать им должное, не сдвинувшись со своей традиционной эгоцентрической точки зрения, ибо мы, в слепом эгоизме своем, принимали как само собой разумеющееся то, что «наши благородия» суть *raison d'être* (смысл бытия) этих «мертвых» цивилизаций. Мы представляли себе, что они живут и умирают ради того, чтобы подготовить путь нам, играя как бы роль Иоанна Крестителя по отношению к нам, выступающим в роли Христа (я прошу простить мне богохульство этого сравнения, но оно ярче всего отображает, насколько искривлено наше мироощущение).

В последнее время мы осознали также важность вклада в наше прошлое ряда цивилизаций, которые не только угасли, но и были преданы полному забвению, до тех пор пока мы не раскопали их развалины. Очень легко быть щедрыми на признания в отношении минойцев, хеттов или шумеров, ибо открытие их культур добавляет престижа нашей науке, и, таким образом, они вновь появились на исторической арене, уже под нашим покровительством.

Труднее признать тот не менее простой факт, что прошлая история наших громогласных, а зачастую злоязычных живых современников — японцев и китайцев, индусов и мусульман и наших старших братьев, православных христиан, — станет

частью нашего западного прошлого для того будущего мира, который не будет ни западным, ни незападным, но унаследует все культуры, которые мы заварили все вместе в одном тигле. И однако, это очевидная истина, если честно взглянуть ей в лицо. Уже наши собственные потомки не будут лишь западными жителями, как мы. Они будут наследниками Конфуция и Лао-цзы, так же как и Сократа, и Платона, и Плотина; наследниками и Гаутамы Будды, так же как и Второ-Исайи, и Иисуса Христа; наследниками Заратустры и Мухаммеда, так же как и пророков Или и Елисея, и апостолов Петра и Павла; наследниками Шанкары и Рамануджи, так же как и Климента и Оригена; наследниками каппадокийских отцов православной церкви, так же как и нашего африканского Августина и нашего Умбрийского Бенедикта; наследниками Ибн Хальдуна, так же как и Боссюэ; наконец, наследниками (если все еще будут барахтаться в болоте политики) Ленина и Ганди, и Сунь Ят-сена, так же как и Кромвеля, Джорджа Вашингтона и Мадзини.

Перестройка исторического мироощущения требует соответствующего пересмотра методов исторического исследования. Восстановив, если сможем, старинную манеру мыслить и чувствовать, мы должны будем с великим смирением признаться, что велением Бога западному человеку было предназначено историческое достижение — совершить что-то не просто для себя, но для всего человечества, нечто столь крупное, что наша собственная внутренняя история будет поглощена результатами этого свершения. Делая историю, мы превзошли собственную историю. Не осознавая, что именно мы делаем, мы воспользовались предоставленной нам возможностью. Иметь возможность осуществиться, преодолеть себя, — великая привилегия любого из созданий Божьих.

С этой позиции — позиции смиренной и одновременно гордой — основной путь современной западной истории видится не как локальная политика западного общества, начертанная на триумфальных арках десятка местных столиц или

Цивилизация перед судом истории

записанная в национальных или муниципальных архивах эфемерных «великих держав». Основной путь — это даже не экспансия Запада по всему миру, если только мы упорно не рассматриваем эту экспансию как частную инициативу собственно западного общества. Основной путь — это успешно возвести руками Запада строительные леса, внутри которых все ранее разбросанные общества построили бы одно общее. Испокон веков человечество было разъединено; в наши дни мы наконец-то объединены. Ручная работа Запада, сделавшая это объединение возможным, исполнялась отнюдь не с открытыми глазами, как бескорыстные труды Давида во благо Соломона; она производилась в беззаботном неведении о ее цели и результате, подобно тому как крошечные морские обитатели строят коралловый риф, начиная со дна моря, и строят до тех пор, пока он вдруг не поднимется атоллом над поверхностью моря. Однако наши строительные леса созданы из менее прочного материала. Самым очевидным компонентом в них является технология, но человек не может жить одной техникой. Когда пробьет час, когда многоквартирное экуменическое здание будет твердо стоять на прочном фундаменте и временные западные технологические леса будут разобраны — а я в этом не сомневаюсь, — будет абсолютно ясно, что фундамент крепок, ибо покоится на прочном основании — религии.

Мы достигли Геркулесовых Столбов, и настало время спускать паруса, ибо видимость впереди не слишком хороша. В этой главе истории, к которой мы подошли, центр материальной силы смещается все дальше от его первоначального «до-Васко-да-Гамовского» местонахождения. От крошечного островка Британии, лежащего на расстоянии вытянутой руки от азиатского побережья, он сдвигается к большому острову Северной Америки, удаленному уже на расстояние полета стрелы. Однако это перемещение трезубца Посейдона из Лондона в Нью-Йорк может обозначить кульминационный момент в беспорядочных метаниях текущего века

океана, века взаимного общения; ибо мы теперь переходим в новую эпоху, где материальное средство человеческого общения будет не степь и не океан, но воздух, а в век воздуха человечеству, может быть, удастся отряхнуть со своих крыльев то, что его привязывало к причудливой конфигурации земной поверхности, как твердой, так и жидкой.

В век воздуха местонахождение центра тяжести человеческой деятельности может быть определено не физической, а человеческой географией: не расположением океанов и морей, степей и пустынь, рек и горных хребтов, дорог и троп, но распределением численности человечества, его энергии, способностей, мастерства и нравов. И среди этих человеческих факторов вопрос численности может в конечном итоге стать более весомым, чем в прошлом. Отдельные цивилизации времен до Васко да Гамы создавались и использовались себе во благо чрезвычайно малым числом образованного меньшинства, как Морской Старик верхом на Синдбаде-Мореходе. Вот это неолитическое крестьянство было последним и самым могучим Спящим (не считая самого Запада), которого Запад разбудил.

Пробуждение этой пассивно трудолюбивой массы человечества было делом долгим. Афины и Флоренция по очереди сверкнули своим огоньком в сонные очи Спящего, но каждый раз он лишь переворачивался на другой бок и вновь погружался в сон. На долю современной Англии выпало урбанизировать крестьянство с достаточной энергией и с таким размахом, чтобы запустить это движение на орбиту вокруг Земли. Крестьянин воспринял это пробуждение отнюдь не с удовольствием. Даже в обеих Америках он умудрился остаться таким же, каким был в Мексике и в андских республиках; кроме того, он пустил новые корни на девственной земле провинции Квебек. Однако пробуждение все-таки постепенно набирало силу: Французская революция перенесла его на континент; Российская революция распространила его от моря до моря; и несмотря на то что на сегодня существуют

Цивилизация перед судом истории

около полутора миллиардов еще не пробудившихся — почти три четверти живущего сейчас человечества — в Индии, Китае, Индокитае, Индонезии, Дар-аль-Исламе и в Восточной Европе, вопрос их пробуждения — это вопрос времени, а когда оно произойдет, фактор численности начнет сказываться.

Гравитационная сила этой пробудившейся массы сможет тогда сместить центр тяжести человеческой деятельности с Ultima Thule на островах моря в какое-либо место, равноудаленное от западного полюса мирового населения — в Европе и Северной Америке — и от его восточного полюса — в Китае и Индии, — а это может указывать на местность недалеко от Вавилона, на древней сухопутной дороге через перешеек между континентом и Аравийским полуостровом и Африкой. Центр может переместиться даже дальше в глубь континента, куда-то между Китаем и Россией (двумя историческими укротителями евразийских кочевников), а это может означать строительную площадку по соседству с бабуровской Ферганой, в знакомом трансокеанском месте встреч и диспутов религий и философий Индии, Китая, Ирана, Сирии и Греции.

В одном мы можем быть достаточно уверены: скорее всего религия окажется той платформой, на которой центроостремительное контрдвижение впервые заявит о себе; эта вероятность предоставляет нам еще одну возможность пересмотреть наши традиционные западные методы постижения истории. Если основным объектом будет познание нашей собственной истории не ради нее самой, но ради определения той роли, которую Запад сыграл в объединении человечества, то нашим следующим объектом в постижении истории в целом должна стать задача отвести экономическую и политическую историю на второстепенные позиции и оставить первенство за религией. Ибо религия в конечном итоге есть действительно серьезное занятие человечества.

ЕВРОПА СУЖАЕТСЯ*

Перед войной 1914—1918 годов Европа, вне всякого сомнения, пользовалась господствующим влиянием в мире, и та особая модель цивилизации, которая сложилась в Западной Европе за последние тысячу двести лет, казалось, будет преобладать повсеместно.

Господствующее влияние Европы было отмечено тем фактом, что пять из восьми великих держав, существовавших в то время в мире, а именно Британская империя, Франция, Германия, Австро-Венгрия и Италия, имели корни на европейской почве. Шестая, Российская империя, располагалась в непосредственной близости, в континентальной глубине Европейского полуострова, и за последние два с половиной столетия она срослась с Европой, частью благодаря широкой торговле между аграрной Россией и промышленной Европой (торговле, которая развивалась на фоне индустриализации стран Западной и Центральной Европы), частью за счет присоединения к России окаймляющих ее государств — носителей традиций европейской цивилизации, таких как Польша, Финляндия, Балтийские регионы, и частью в силу восприятия

* В основе этой работы лежит лекция, прочитанная в Лондоне 26 октября 1926 года. За прошедшие двадцать лет многие из упомянутых возможностей стали свершившимся фактом.

Цивилизация перед судом истории

самими россиянами западных технологий, институтов и идей. Оставшиеся две великие державы — Япония и Соединенные Штаты — по географическому положению не принадлежали к Европе и поэтому не играли практически никакой роли в драме международной политики перед Первой мировой войной — драме, разыгранной в то время на европейской сцене. Можно, правда, отметить, что Япония, как и Россия, поднялась до ранга великой державы благодаря частичному заимствованию достижений западной цивилизации, родиной которой была Европа. Что же касается Соединенных Штатов, то они дитя Западной Европы и до 1914 года еще в значительной степени жили за счет европейского капитала — человеческого капитала, подпитываемого иммиграцией, и материального капитала в форме товаров и услуг, финансируемых за счет европейских кредитов, что было необходимо для освоения своих природных ресурсов.

Усиление влияния Европы в мире шло рука об руку с распространением западной цивилизации. Эти два движения дополняли друг друга, и трудно определить, что здесь причина, а что — следствие. Естественно, распространение западной цивилизации облегчалось господствовавшим положением Европы, ибо сильным и умелым всегда подражают слабые и нерешительные — частично по необходимости, частично из восхищения (независимо от того, имеет ли это внешнее выражение или нет). С другой стороны, распространение западной цивилизации дало неопределимые преимущества тем народам, которым европейская культура была близка по природе, по сравнению с теми, для которых она была экзотикой.

За столетие до 1914 года мир был покорен в экономическом отношении не только новой западной индустриальной системой, но и теми нациями, которые эту систему изобрели и построили; а преимущество, которым обладает изобретатель оружия в битве, ведущейся его оружием, ярко продемонстрировала Первая мировая война. Тот факт, что война 1914—1918 годов велась с применением западной техники — что, естественно, подразумевает использование и западных

промышленных технологий, — дал Германии абсолютное военное превосходство над Россией, хотя человеческие ресурсы Германии были в то время едва ли не вполонину меньше российских. Если бы в эти годы преобладала не западная военная техника, а, скажем, среднеазиатская, как это было в Средние века, то российские казаки могли бы наголову разбить прусских улан. (Оба типа кавалерии имеют среднеазиатское происхождение, что выдают их тюркские названия — «oghlan», по-турецки «парень», а «quasaq» — «землекоп».)

Господство западной цивилизации во всем мире накануне судьбоносного 1914 года было в самом деле беспрецедентным, хотя и не очень давним. Беспрецедентным оно было в том смысле, что многие цивилизации прежде европейской распространяли свое влияние далеко за пределы своих границ, однако ни одна из них не смогла раскинуть свои сети вокруг всего земного шара.

Цивилизацию восточноправославного христианства, родившуюся в средневековой Византии, россияне распространили до Тихого океана, но вместо того чтобы продвинуть ее в западном направлении, они, напротив, сами уступили западному влиянию в конце XVII века. Исламская цивилизация двинулась от Ближнего Востока в Центральную Азию и Центральную Африку, распространилась до атлантических берегов Марокко и тихоокеанских островов Ост-Индии, но в Европе исламу не удалось укорениться, как не удалось ему и пересечь Атлантику, чтобы обосноваться в Новом Свете. Цивилизация Древней Греции и Рима во времена Римской империи простерла свое политическое господство на всю Северо-Западную Европу, а творческое влияние даже достигло Индии и Дальнего Востока, где греко-римские художественные образы стимулировали развитие буддийского искусства. Тем не менее Римская империя и Китайская сосуществовали на одной планете в течение двух веков, почти не вступая в прямые взаимоотношения ни в политике, ни в экономике. В самом деле, контакт был настолько слабым, что каждое из

Цивилизация перед судом истории

обществ видело неясно и смутно загадочную, полумифическую страну. Иными словами, и греко-римская цивилизация, и современная ей дальневосточная расширились до предельных габаритов в одном и том же столетии, так и не войдя в соприкосновение друг с другом. То же можно сказать и о других цивилизациях. Древняя Индия с ее искусством, религией, торговлей и колонистами распространялась на Дальний Восток и Ост-Индию, но не проникла на Запад. Цивилизация шумеров на земле Сеннаар оказала влияние на обширные территории вплоть до самой долины Инда, Транскаспия и Юго-Восточной Европы. Но попытки доказать, что эта цивилизация была родоначальницей, с одной стороны, китайской цивилизации или, с другой, египетской, оказались несостоятельными. Существует блестящая воинствующая антропологическая английская школа, утверждающая, что корни всех известных цивилизаций, включая и центральноамериканскую и перуанскую, можно вывести из одного египетского источника. Антропологи этой школы указывают на то, что нынешняя экспансия западной цивилизации служит доказательством в пользу их тезиса. Если наша собственная цивилизация охватила весь мир в наше время, утверждают они, почему не предположить, что египетской цивилизации удалось то же самое несколько тысячелетий назад? Интересный тезис, однако он является предметом острой полемики и должен считаться недоказанным. Как нам достоверно известно, единственная цивилизация, достигшая всемирного охвата, — это наша цивилизация.

И более того, это произошло лишь совсем недавно. Сейчас мы склонны забывать, что Западная Европа предприняла две неудачные попытки, прежде чем ей это удалось.

Первой из попыток было средневековое движение в районе Средиземноморья, общепотребительное название которого — крестовые походы. Во время крестовых походов попытка установить экономическое и политическое господство Западной Европы над другими народами окончилась пол-

нейшей неудачей; более того, в результате культурного взаимобмена западноевропейцы испытали в конечном счете большее влияние со стороны мусульман и византийцев, нежели сами оказали на них. Вторую попытку предприняли в XVI веке испанцы и португальцы. Она была более или менее успешной в Новом Свете — современные латиноамериканские сообщества обязаны именно ей своим существованием, однако в других местах западная цивилизация, насаждавшаяся испанцами и португальцами, была отвергнута после примерно столетнего испытания. Неудачу этой второй попытки ознаменовало изгнание испанцев и португальцев из Японии, португальцев — из Абиссинии, что произошло во второй четверти XVII века.

Третью попытку начали в XVII веке голландцы, французы и англичане. Именно эти три западноевропейские нации явились основными зачинщиками и распространителями того мирового влияния, которым пользовалась западная цивилизация в 1914 году. Англичане, французы и голландцы заселили Северную Америку, Южную Африку и Австралию, дав начало новым нациям европейского замеса, начавшим свою жизнь с багажом европейского социального наследия; они-то и вывели весь остальной мир на орбиту Европы. К 1914 году сеть европейских средств коммуникации стала общемировой. Почти весь мир вступил в Почтовый и Телеграфный союзы, повсеместно входили в обиход европейские технические средства передвижения — пароходы, железные дороги, автомобили. В политическом плане европейские страны не только колонизировали Новый Свет, но и захватили Индию и Центральную Африку.

Политическое влияние Европы, однако, было более сомнительным, нежели экономическое, хотя внешне казалось более внушительным. Дочерние заморские нации уже вступили на тропу войны за национальную независимость. Соединенные Штаты и латиноамериканские республики к этому времени уже отвоевали свою независимость посредством

революционных войн, а британские доминионы, имевшие самоуправление, находились в процессе мирного, эволюционного установления суверенитета. В Индии и Тропической Африке европейское владычество осуществлялось горсткой европейцев, живших в этих странах временными колонистами. Они не сумели акклиматизироваться настолько, чтобы воспитывать в тропиках своих детей, а это означало, что их влияние над этими районами не стало совершенно независимым от европейского опорного пункта. Наконец культурное влияние западноевропейской цивилизации на россиян, мусульман, индусов, китайцев и африканцев было еще таким новым, недавним, что невозможно было угадать, испарится ли эта закваска без последствий, или тесто перебродит и скиснет, или все-таки опара удачно взойдет. Такова была — очень приблизительно — позиция Европы в мире накануне войны 1914—1919 годов. Европа, без сомнения, пользовалась особым вниманием, и та своеобразная цивилизация, которую она построила для себя, была близка к тому, чтобы стать общемировой. Однако эта позиция, блестящая сама по себе, была не только беспрецедентной, но одновременно и неустойчивой. Неустойчивой в основном потому, что в то самое время, когда европейская экспансия подходила к своей кульминации, основы западноевропейской цивилизации надломились, открыв великие пустоты там, где высвободились две стихии в социальной жизни Европы — стихия индустриализма и стихия демократии, между которыми установилось лишь временное и неустойчивое равновесие в виде формулы национализма. Очевидно, что Европа, находившаяся под колоссальным двойным прессом внутренней трансформации и внешней экспансии, справляясь с обеими на пределе сил, не могла бездумно разбрасываться своими ресурсами, непродуктивно тратить свое материальное богатство и рабочую силу или истощать свою мускульную или нервную энергию. Если ее ресурсы и превосходили в целом запасы любой другой цивилизации, то они были относительно малы при том

спросе, каким они пользовались; а обязательства Европы накануне 1914 года, так же как и ее имущество, были огромны. Европа не могла себе позволить даже одной мировой войны; когда же мы сравниваем ее позиции в мире после Второй мировой войны с положением перед 1914 годом, мы наблюдаем такой контраст, что он поражает воображение.

В определенном смысле Европа все еще остается центром мира, и в определенном смысле мир все еще подпитывается той западной цивилизацией, родной дом которой — Западная Европа; но сам «смысл» этот в обоих случаях изменился настолько, что чистой констатации недостаточно, без комментариев она заведет нас в тупик. Вместо центра, из которого во внешний мир излучается энергия и инициатива, Европа стала центром, куда стекается неевропейская энергия и инициатива. Теперь не мир является театром, где разыгрывается драма европейских усилий и соперничества, а, напротив, сама Европа, уже став ареной двух мировых войн, прокатившихся по ее земле, вновь стоит перед опасностью в третий раз сделаться ареной конфликтов между неевропейскими силами. Конечно, арену можно рассматривать как центральное, публичное место, однако вряд ли это место почетное или безопасное.

Справедливо также, что влияние нашей западной цивилизации на остальной мир еще чувствуется. В самом деле, это влияние даже стало более интенсивным, если определять его в чисто количественных понятиях. Например, перед двумя войнами новые средства передвижения были доступны лишь очень ограниченному зажиточному меньшинству европейцев и американцев. Во время войн эти средства стали использоваться для транспортировки не только европейцев и американцев, но и людей из Азии и Африки *en masse*, либо в районы военных действий, либо для работы в тылу, по всему миру. За последние двадцать — тридцать лет появились дополнительные технические средства сообщения, доступные уже не только меньшинству, но и широким слоям общества.

Цивилизация перед судом истории

Автомобиль сумел покорить пустыню, самолет обогнал автомашину, а радио усилило действие телефона и телеграфа в качестве мгновенной междугородней связи. В отличие от железных дорог и телеграфа автомобилем и радиоприемником люди могут пользоваться индивидуально, что особенно увеличивает их ценность как средств коммуникации. Принимая во внимание всеобщее смешение народов во время двух войн и наличие новых технических средств сообщения после войны, совсем неудивительно, что фермент западной цивилизации проникает во все уголки мира глубже и быстрее, нежели раньше.

В наше время мы видим, как китайцы или турки, которые еще на нашей памяти были связаны по рукам и ногам конфуцианскими и исламскими социальными традициями, перенимают не только материальные, технические методы Запада (индустриальную систему и все, что ей сопутствует), воспринимают не только внешние приметы нашей культуры (мелочи вроде фетровых шляп и кинотеатров), но и наши общественные и политические институты: западный статус женщины, западную систему образования, западную структуру парламентского представительства и управления. В этом примере турки и китайцы являются лишь наиболее заметными участниками движения, которое распространяется по всему исламскому миру, индуистскому миру, Дальнему Востоку, по всей Тропической Африке; и создается впечатление, что радикальная вестернизация всего мира уже неизбежна. Незаметно наше отношение к этому необычайному процессу изменилось. Прежде наше внимание было приковано к двум, по-видимому, изолированным примерам — Японии и России, и мы воспринимали их как «соревнование» — благодаря, вероятно, некоему отличительному качеству социального наследия этих двух стран, сделавшему их народы особенно восприимчивыми к вестернизации; а может быть, благодаря персональному гению и напористости отдельных государственных деятелей, таких как Петр Великий, Екатерина, Алек-

сандр Освободитель или та группа японских сановников, которая намеренно насаждала элементы западного образа жизни среди широких масс в своей стране начиная с 60-х годов прошлого века. Теперь мы видим, что Япония и Россия явились всего лишь предвестниками того движения, которое впоследствии стало универсальным.

Наблюдая процесс вестернизации мира и следя за тем, как он набирает силу, европейцы могли бы воскликнуть почти восторженно: «Какое имеет значение, потеряет ли Европа свое влияние в мире, если весь мир становится европейским? *Europae, si monumentum requiris, circumspice!*»

Если это чувство восторга и охватило бы ненадолго европейские умы, то быстро рассеялось бы под влиянием сомнений. Распространение западной культуры из Европы по всему миру, может быть, и великое дело в количественном отношении, но как насчет качества? Если бы в этот момент Европа была вычеркнута из Книги Жизни, смогла бы западная цивилизация поддержать европейские стандарты в условиях чуждого окружения, куда она пересажена? Если бы Европа исчезла, смогла бы вообще западная цивилизация сохраниться? Или, если Европа остается в живых, но лишается своей позиции превосходства — что со всей очевидностью и наступает ее, — сможет ли западная цивилизация, хоть и спасенная от разрушения, избежать упадка и вырождения?

Еще больше тревог и сомнений возникает, когда мы изучаем современную историю России — а Россия представляется самым поучительным примером, ибо в России процесс вестернизации проходил дольше, чем где бы то ни было, а значит, проще будет вычислить результат. В России влияние Западной Европы ощущалось на два столетия раньше, чем в Китае или Японии, и на сто лет раньше, чем среди мусульман и индусов. Таким образом, то состояние, в которое привела Россию вестернизация, дает нам возможность представить по аналогии хотя бы возможные пути, лежащие перед Дальним Востоком, исламским миром, Индией и Африкой на

Цивилизация перед судом истории

ближайшие несколько поколений. Тот же вероятный путь, что открывается перед Россией, — а это, разумеется, не более чем одна из возможных альтернатив — вызывает смущение и расстройство в западных умах.

Европейцы рассматривали себя как избранный народ — нет необходимости стыдиться признать это: всякая из прошлых цивилизаций смотрела на себя и свое наследие таким образом; и когда они (европейцы) видели, как иные нации одна за другой отбрасывают собственное культурное наследие в пользу европейского, они без колебаний могли поздравить и себя, и новообращенных. «Еще один грешник, — благоговейно говорили себе европейцы, — очистился от скверны язычества и обратился в Истинную веру».

Итак, первые результаты общения — по крайней мере среди тех народов, что приняли западную цивилизацию до двух войн, — казалось, подтверждали эту набожную и оптимистическую точку зрения. Полстолетия, прошедшие после революции 1868 года, показали, что Япония как будто вышла целой и невредимой из той колоссальной трансформации, которой она подвергалась; и Россию, на первый взгляд стороннего наблюдателя, и в 1815 году, и даже много позже, в 1914 году, можно было бы считать идущей по пути прогресса, проложенному Петром Великим, хотя в любом случае этот путь оказался длиннее, круче и утомительнее, чем у Японии. Беспристрастный свидетель, живший в любом из вышеупомянутых периодов, сказал бы, что уровень западной цивилизации, недавно перенесенной в Россию, оставался значительно ниже, нежели в Европе, в ее родном доме; однако он заметил бы, что, несмотря на отсталость, несмотря на слишком частые препятствия, Россия довольно быстро догоняла передовую Европу на марше западной цивилизации. «Вспомните, — сказал бы он, — что на этом марше у Европы была фора в десять веков, и тогда вам придется признать, что скорость, с которой Россия догоняет Европу, делает ей честь».

Но что бы сказал о России сегодня этот беспристрастный наблюдатель? Я не предлагаю рассуждать о нравственных оценках, которые он мог бы вынести, это не относится к предмету нашего разговора, но каковы бы ни были его заключения, думаю, что ему не избежать двух выводов: во-первых, что «Евангелие» от Ленина и Сталина имеет тот же западный источник, что и «Евангелие» от Петра и Александра; и во-вторых, что воздействие Запада на Россию изменило свой знак с плюса на минус. Если российские пророки первого поколения вдохновлялись западными идеями, которые приобщали их к социальному наследию западной цивилизации, то российских пророков «нового завета» привлек другой набор идей, также имевших западное происхождение, но побудивших их рассматривать Запад как некий апокалипсический Вавилон. Мы можем сполна оценить эффект вестернизации России на сегодняшний день лишь в том случае, если будем рассматривать и большевистскую реакцию XX века, и петровскую реакцию XVII столетия в перспективе как последовательные и, видимо, неделимые фазы единого процесса, начало которому положило столкновение двух различных цивилизаций. В этой перспективе мы сможем смотреть на процесс вестернизации без излишнего самодовольства, вспомнив следующую притчу: «И когда нечистый дух покинул человека, он ходил по иссохшей земле в поисках покоя и, не найдя его, сказал: я вернусь в мой дом, откуда я ушел. И когда он вернулся в дом, он нашел его убранным и украшенным. И он пошел и взял с собой семерых других, более нечистых, чем он сам, и они пришли и жили там; и стала жизнь этого человека хуже, чем вначале».

С западной точки зрения «нечистым духом», владевшим Россией вначале, было ее византийское наследие. Когда Петр Великий совершил свое паломничество в Европу и узрел Соломонову мудрость во всей ее славе, старой приверженности в нем не осталось. Верность Византии не покинула Россию совсем, но ушла глубоко в подполье, и в течение десяти веков россияне бродили по иссохшей земле в поисках

Цивилизация перед судом истории

покоя, не находя его. Не в состоянии выжить в прибранном, украшенном доме, они распахнули двери пошире и позвали всех духов Запада прийти и жить с ними; и, переступив порог, эти духи обратились в семерых дьяволов.

Мораль, похоже, такова, что социальное наследие плохо переносит трансплантацию. Духи культуры, являющиеся ангелами-хранителями родных пенатов — на родной почве, где они чувствуют себя своими, где существует гармония между ними и обитателями дома, — превращаются в духов-разрушителей, попадая в дом, заселенный незнакомцами: ведь эти незнакомцы, естественно, не знают о тайных, неуловимых обычаях, к которым расположены души их новых богов. Пока Ковчег завета Господня находился в Израиле среди избранного народа Иеговы, он служил их талисманом, но когда Ковчег захватили филистимляне, рука Господа обрушивалась на каждый город, где он хранился, а избранный народ и сам был поражен чумой, которой были наказаны иноверцы за их святотатство.

Если этот анализ верен, для европейцев будет весьма неутешительным развенчание Европы, даже при той перспективе, что влияние европейской цивилизации станет доминирующей силой в мире. Тот факт, что эта мощная сила происходит из Европы, будет для них менее значительным, нежели столь же очевидный факт, что в какой-то момент, на какой-то стадии эта сила совершит поворот к насилию и разрушению. На самом деле это разрушительное действие, рикошетом ударяющее по самой Европе, оказалось одной из главных опасностей, которой подвергалась Европа в своем новом положении, сложившемся с начала мировых войн. Для того чтобы оценить другую серьезную угрозу для Европы, стоящую перед ней в настоящий момент, нам придется отвлечься от отношений между Европой и Россией и переключить свое внимание на отношения Европы и Соединенных Штатов.

Полный переворот в отношениях Европы с Соединенными Штатами, происшедший с 1914 года, сообщает им новое

измерение, ибо мировое движение с центром в Европе превратилось из центробежного в центростремительное. Соединенные Штаты, прежде чем оказаться в том состоянии, в котором они находились в 1914 году, были в течение трех столетий объектом излучения европейской энергии. Их население — более 100 миллионов человек — было создано живой силой Европы, а кривая миграции через Атлантику шла резко вверх до того самого года, когда разразилась Первая мировая война. Опять же развитие материальных ресурсов огромной территории Соединенных Штатов, сравнимой со всей Европой без российской части, зависело не просто от влияния европейской живой силы, но и от импорта европейских товаров и услуг. Положительный ток экономической циркуляции в форме эмигрантов, товаров и услуг в 1914 году тек в сторону Соединенных Штатов; отрицательный ток в форме переводов выплаты процентов за товары и услуги, поставленные в кредит, тек в обратном направлении, из Соединенных Штатов в Европу. В результате двух войн направление тока изменилось на диаметрально противоположное.

Факты эти настолько общеизвестны, настолько глубоко и постоянно давят на наше сознание, что я, пожалуй, готов извиниться за упоминание о них. С момента, когда разразилась Первая мировая война, поток европейских эмигрантов в Америку прекратился, а к концу войны Соединенные Штаты, которые прежде не только приветствовали европейских эмигрантов, но и засылали по городам и весям вербовщиков для поисков рабочей силы, буквально принуждавших людей к выезду, внезапно осознали, что европейская иммиграция — это не национальное приобретение, а национальная угроза, что это сделка, где вся выгода достается иммигранту, а не стране, приютившей его. Эта внезапная перемена в отношении европейской иммиграции также быстро получила практическое выражение в двух ограничительных актах 1921 и 1924 годов. Их воздействие на экономическую жизнь Европы, или, точнее, тех европейских стран, откуда шел наибольший поток эмигрантов в Соединенные Штаты, было весьма серьезно.

Цивилизация перед судом истории

Возьмем классический пример Италии. В 1914 году число итальянских иммигрантов в США дошло до 283 738 человек; годовая же квота для Италии, объявленная президентом Кулижем 30 июня 1924 года в соответствии с Актом этого года, составила 3845 человек. Как следствие поток итальянских иммигрантов был частично остановлен, а частично переведен в другое русло — от Соединенных Штатов, притягивавших людей тем, что Америка являлась новым миром в процессе его становления и развития, к Франции, где вакуум образовался вследствие того, что Европа была полем битвы, разоренным старым миром. В XVIII веке французская и английская армии пересекли Атлантику, чтобы воевать на берегах рек Огайо и Св. Лаврентия за обладание Американским континентом. В XX веке американские войска пересекли Атлантику, чтобы решить судьбу мира на боевых фронтах Европы. До 1914 года обогащающий поток европейской эмиграции в Америку все еще увеличивался в объеме. С 1921 года и далее этот поток был сознательно ограничен и за время между войнами сменился на тоненький, нерентабельный ручеек американского туризма в Европу.

Разумеется, этот ручеек, хотя и был невелик и непродуктивен в сравнении с широкой рекой эмигрантов, текшей ранее из Европы в Америку, все-таки был значительно мощнее любого другого вида передвижений в неэкономических целях когда бы то ни было, а тот факт, что этот туристический поток мог быть финансирован, приводит меня ко второму моменту, где отношения между Соединенными Штатами и Европой поменялись на противоположные; этот момент настолько очевиден, что я упомяну о нем не обсуждая. Соединенные Штаты почти в мгновение ока из самого крупного в мире должника превратились в крупнейшего кредитора, и, несмотря на свою традиционную неприязнь к европейским связям, американцы были вынуждены, в силу требований новой экономической ситуации, искать рынки кредитов в Европе, а также рынки для американских товаров и услуг. Однако до-

военные европейские инвестиции в Соединенных Штатах отличались по своей природе от американских инвестиций в Европе в период между войнами, причем не в пользу Европы. До 1914 года Европа предоставляла США кредиты под производственные затраты. Во время двух войн Европа брала займы у Америки средства для подготовки собственного разрушения; а сегодня она снова занимает у Америки, но не для того, чтобы развивать новые ресурсы Европы, а для того лишь, чтобы подлатать кое-что из разрушенного в ходе двух войн.

Столкнувшись с такой болезненной переменой в отношениях с Соединенными Штатами, европейцы задают себе вопрос: «Считать ли эту беду случайной и, следовательно, исправимой и временной, только лишь побочным эффектом этих исключительных катастроф? Или она имеет более давние и глубокие корни, отчего ей значительно труднее противостоять?» Лично я рискну предположить, что вторая вероятность ближе к истине, ибо, хотя две войны и ускорили процесс перемен в отношениях, придав ему революционный, драматический внешний облик, тем не менее процесс этот был неотъемлемой частью мировой ситуации и должен был совершиться — хотя и в более постепенной мягкой форме, — даже если бы эти войны не состоялись.

В подтверждение своей точки зрения я предлагаю рассмотреть два момента: первый — это природа индустриальной системы, которую Европа создала полтора века назад и которая нынче распространилась по всему миру, и второй — это судьба некоторых центров ранних цивилизаций, скажем средневековой Италии или античной Греции, предвосхитивших Европу в распространении своей цивилизации за пределы собственных границ, хотя и не в таких широких масштабах, как это удавалось современной Европе.

Первое: рассмотрим индустриальную систему. Она была изобретена в Великобритании в те времена, когда устойчивым базисом английской жизни стало представительное парла-

ментское правление в рамках национального государства. Очень скоро стало очевидно, что сообщество, построенное в географическом масштабе Великобритании и обладающее сплоченностью и солидарностью, которые ей обеспечили политические институты представительного правления еще до конца XVIII века, есть тот минимальный размер территории и населения, при котором индустриальная система может действовать эффективно. Распространение индустриализма из Великобритании по всему Европейскому континенту явилось, я должен заметить, одним из факторов национального объединения Италии и Германии — двух заметных политических объединений территории и населения в Европе, завершенных в пределах столетия после Промышленной революции в Англии. Примерно около 1875 года можно было подумать, что Европе удастся достичь равновесия, организовавшись в ряд индустриальных демократических национальных государств типа Великобритании, Франции, Германии и Италии в том виде, в каком они существовали между 1871 и 1914 годами. Теперь мы видим, что ожидать равновесия на базе национального элемента — это иллюзия. Структурообразующими силами являются индустриализм и демократия. В 70-е годы прошлого века они были в зародыше, и мы не можем предугадать, до каких предельных величин они могут вырасти, или предсказать, какие многообразные формы они могут принять. Что мы можем сейчас сказать с уверенностью, так это то, что Франция и Великобритания XVIII века и Италия и Германия XIV века слишком маленькие и хрупкие суденышки, чтобы сдерживать эти силы. Новое вино индустриализма и демократии было разлито в старые бутылки и разнесло их вдребезги.

Пока еще с трудом поддается осмыслению, что минимальной эффективно действующей единицей индустриальной системы может быть никак не менее чем вся пригодная к освоению поверхность нашей планеты и все человечество. А в политическом плане подобным же образом минимальный

предел также обнаруживает тенденцию к увеличению — в соответствии с расширением индустриальных операций — до всемирного масштаба. Эта тенденция в области экономики сопровождалась в политическом плане созданием всемирных политических организаций — ООН и ее предшественницы — Лиги Наций; и в этой связи я замечу, что экономическая и техническая деятельность ООН пусть не столь заметна, но не менее важна. Однако помимо всемирной Организации Объединенных Наций на нынешней политической карте мы видим определенные эластичные ассоциации независимых государств, как, например, британское Содружество наций или Панамериканский союз, в каждой из которых сгруппировано значительное число национальных государств. А внутри этих групп мы можем различить ряд политических объединений меньшего масштаба и более тесно связанных, нежели любая из тех ассоциаций, к которым они принадлежат, но все-таки не таких маленьких, как типичные европейские национальные государства вроде Франции или Италии.

Эти неевропейские государственные образования национального свойства открыли для себя новую политическую форму, подходящую для их масштаба: они отказались от унитарной централизованной организации французского типа в пользу федерализма, который сочетает в себе преимущества разнообразия и перехода функций с возможностью единого, объединенного действия в целях, общих для всего союза. До настоящего времени единственным развитым государством такого типа и качества являются Соединенные Штаты, и они уже показали поразительный пример экономической мощи и энергии, которые способна развить политическая организация нового образца. Можно представить, однако, что Соединенные Штаты являются лишь первым достигшим совершеннолетия государством среди молодых государств, организовавшихся или организующихся на тех же федеративных принципах и в сравнимом с ними географическом масштабе. В отличие от Соединенных Штатов большинству неевропей-

Цивилизация перед судом истории

ских государств этого типа еще недостает некоего элемента, необходимого для полного раскрытия их потенциальных возможностей. Содружеству Австралии и Аргентинской Федеративной Республике не хватает населения; Южно-Африканский Союз стоит перед расовой проблемой, гораздо более острой, чем в Соединенных Штатах. Остальным не хватает то населения, то образования, то политического опыта и стабильности, а то и нескольких этих качеств сразу; многие из этих государств, без сомнения, настолько отягощены проблемами, что им, пожалуй, так и не удастся развить свои потенциальные возможности. Еще трудно предсказать будущее Соединенных Штатов, Бразилии, Мексиканской республики, Китайской республики, нарождающихся государств Индии и Пакистана; а судьба Союза Советских Социалистических Республик непостижимо загадочна. Тем не менее, если даже из этих молодых федеративных государств заокеанского типа и масштаба некоторые и окажутся на обочине, весьма возможно, что в течение жизни следующего поколения вне Европы разовьются новые федеративные государства типа и масштаба Соединенных Штатов — числом не меньше, чем национальных государств в Европе типа и масштаба Великобритании, Франции и Италии. Не одно из этих неевропейских государств еще можно будет сравнить по масштабам со всей Европой.

Таким образом, Европа в целом переживает процесс, когда ее затмевает заокеанский мир, который она сама же и вызвала к жизни, в то время как отдельные национальные государства Европы, каждое по отдельности, затмевают федеративные государства этого нового заокеанского света. Какое же будущее ожидает Европу перед лицом этой ситуации?

Кое-что из ее будущего можно предугадать по аналогии с прошлым. В конце концов, то, чего Европа достигла на сегодня, если беспрецедентно по размаху, то вовсе не беспрецедентно по характеру. И античная Греция, и средневековая Италия предвосхитили ее в свое время. Каждое из этих го-

сударств было разъединено на ряд городов-государств (полисов), которые в пропорциях своего соответствующего мира значили ничуть не меньше, нежели европейские национальные государства в пропорциях мира сегодняшнего. Каждое из этих обществ создало столь высокую цивилизацию и дало выход столь интенсивной и эффективно направленной энергии, что, несмотря на внутреннее разобщение — неистовый партикуляризм полисов и их постоянную братоубийственную борьбу, — Древняя Греция и средневековая Италия, каждая в свое время, сумели утвердить свое политическое, экономическое и культурное господство над окружающими варварами. И каждая из них в пору своего расцвета с презрением отбрасывала афоризм о том, что дом, разделенный раздорами, не устоит. Тем не менее конец их истории оказался трагическим свидетельством правоты этого суждения.

И в том и в другом случае избранный народ учил варваров следовать его образу жизни, и в том и в другом случае варвары научились следовать ему, но на более высоком материальном уровне. Греческие полисы оказались карликами по сравнению с более мощными державами — Македонской, Сирийской и Египетской монархиями, Карфагенской империей, Римской конфедерацией, — которые выросли по берегам Средиземноморья после экспансии греческой цивилизации в век Александра, а Греция сразу же стала местом паломничества, университетом и полем боя между этими эллинизированными державами. То же случилось и со средневековой Италией — и здесь история имеет определенную аналогию: новыми силами, вызванными к жизни продвижением итальянского Ренессанса за пределы Альп и начиная с конца XV века подавившими города-государства Милан, Флоренцию и Венецию, были те самые европейские национальные государства — такие как Испания и Франция, — которые ныне на наших глазах подавляются влиянием Соединенных Штатов.

Когда мы задумываемся об этих прецедентах, естественно, возникают два вопроса — первый: как случилось, что ново-

обращенные варвары, которые во всем остальном были пассивными учениками и неловкими имитаторами своих греческих и итальянских учителей, смогли решить ту единственную жизненно важную проблему политического строительства в широком масштабе, которую их учителя неоднократно пытались разрешить, причем без всякого успеха? И второй: почему греки и итальянцы вновь и вновь терпели неудачу в отношении политической консолидации, когда им уже было совершенно ясно, что расплатой за эти постоянные неудачи будет политическое и экономическое крушение? В Греции IV—II веков до н.э. и в Италии XV—XVII веков христианской эры все и каждый оплакивали сохранение старого партикуляризма, все пытались преодолеть его, и каждая такая попытка кончалась неудачей, пока наконец и греки, и итальянцы, отчаявшись, смирились с судьбой, казавшейся неизбежной. Почему же народы, обладавшие изобретательностью и творческим потенциалом во всех других областях, оказались столь неумелыми в этой единственной области, даже несмотря на высший стимул к самосохранению?

На первый вопрос ответить сравнительно легко. Иноверцам удалось построить вокруг Храма политические организации более широкого масштаба, чем те, что были у греческих или итальянских городов-государств, не потому, что они обладали большей политической мудростью или опытом — напротив, у них не было ни того ни другого, — а потому лишь, что политическое строительство гораздо легче идет в новой стране на окраинах цивилизации, чем в старой стране в ее центре. Легче, ибо больше свободного места, нет старой застройки в том месте, где архитектор задумал новый проект. В новой стране на краю земли политический архитектор имеет много места и никаких обязательств. Даже если архитектор этот не слишком способен, ему не так трудно построить нечто более просторное и удобное, как его высокопрофессиональному и талантливому коллеге, которому приходится работать в условиях тесной строительной площадки в

самом сердце перенаселенного древнего города, под сенью памятников прошлого. Это всего лишь преимущество географического положения, а не заслуга местного архитектора, недаром размахистое строительство всегда начиналось на окраинах городов, а не в центрах; но, хотя в том нет вины талантливых обитателей центра, последствия, навлекаемые на них, ничуть не менее серьезны.

Пытаясь ответить на первый вопрос, мне кажется, я указал и ответ на второй — почему греки и итальянцы, когда их полисы померкли, а их независимость оказалась под угрозой из-за роста больших государств вокруг них, так и не смогли объединить эти города-государства под единой политической структурой на порядок выше. Ответ, похоже, в том, что они не смогли высвободиться из-под власти собственных великих традиций. В эпоху расцвета Древней Греции — эпоху создания великой цивилизации, которая впоследствии покорила весь мир, — независимые Афины, независимый Коринф, независимая Спарта были выдающимися деталями политического ландшафта. Отбросьте мысленно независимость этих великих полисов в великую эпоху, и все, что было великого в то время и в той цивилизации, может померкнуть. Независимость полисов имела те же корни, что и сама цивилизация, а это означает, что она неискоренима, покуда существует данная цивилизация. Без независимых Афин и независимой Спарты не могло быть мира Греции. С другой стороны, новые греческие полисы, основанные Александром и его последователями на азиатской земле, не имели той драгоценной традиции независимости, которая препятствовала бы им объединяться с другими полисами того же типа или образовывать федеративную организацию большего масштаба. Во времена, когда спасение зависит от нововведений, парвеню найдет свое спасение скорее, нежели аристократ.

В заключение я попытаюсь проследить, как эти прецеденты могут повлиять на перспективы Европы в новую эпоху двух мировых войн — эпоху, наиболее поразительной ха-

Цивилизация перед судом истории

рактикой которой стало сужение Европы. Сегодняшние европейцы, так же как итальянцы XVII века и греки III века до н.э., прекрасно осознают угрожающую им опасность. Они понимают, насколько она серьезна, понимают — во всяком случае, в общих чертах, — что им следует предпринять, чтобы отвести от себя эту опасность. Еще с 1914 года европейцы много думали над идеей европейского союза, хотя, возможно, громче звучали голоса публицистов, но люди действия — в промышленности, финансах и даже дипломатии — много работали над этим.

За отправную точку мы можем взять блестящую книгу д-ра Фридриха Ноймана «Центральная Европа» («Mitteleuropa»), опубликованную в 1915 году. Вполне естественно, что идея европейского политического союза, более крупного, нежели национальное государство, зародилась в центре Европы в период, когда напряжение было особенно сильным, а именно во время войны; и без того нелегкое существование резко затруднилось для центральных держав из-за необходимости борьбы на два фронта и морской блокады. Столь же естественно и то, что германский писатель, помнивший об истории таможенного союза, начал с идеи наднационального таможенного союза и уже отсюда перешел к планам кооперации в других областях общественной жизни. Между двумя войнами концепция Ноймана о Центральной Европе была подхвачена другими публицистами континента и развита в идею Пан-Европы — общего европейского союза, который, как и ноймановская «Центральная Европа», должен был базироваться на таможенном союзе. Этот проект Пан-Европы прошел первую проверку в период между войнами в Австрии — в стране, для которой разделение Европы на ряд независимых фрагментов, изолированных друг от друга политически и экономически, было почти невыносимым в тех границах, которые были определены для Австрии по мирному договору 1919—1920 годов. После Второй мировой войны это движение за объединение Европы возродилось вновь и

получило сейчас мощную поддержку из Америки в виде плана Маршалла.

Серьезность, с которой план Маршалла был принят в Европе, свидетельствует о том, что Европа осознает стоящую перед ней опасность, знает, каковы должны быть меры защиты, и готова эти меры предпринять. Но главный вопрос таков: является ли желание Европы удержать или вернуть какую-то часть своей прежней позиции в мире достаточной побудительной силой, чтобы преодолеть препятствия, стоящие на этом пути?

Наиболее значительными являются, видимо, следующие три препятствия: первое, любые проблемы, создаваемые британским Содружеством наций и Советским Союзом — государственными устройствами наднационального характера, существующими частично внутри Европы, а частично вне ее; второе, сохранившаяся тенденция индустриальной системы расширять масштаб своих операций — тенденция, которая уже взорвала границы национального государства и может взорвать границы любого, самого крупного регионального союза в своем стремлении к всемирному объединению; третье, бремя европейской традиции, которая делает невозможным для англичан или французов представить себе Европу — а тем более принять ее таковой — без суверенной, независимой Великобритании или суверенной, независимой Франции, так же как афиняне или спартанцы III—II веков до н.э. не смогли бы себе представить Элладу без независимых Афин или Спарты. Зададимся вопросом, можно ли преодолеть все эти препятствия или хотя бы частично устранить их.

Следует откровенно признать: препятствие, которое является собой Советский Союз ныне после Второй мировой войны, стало преодолеть еще труднее, нежели до войны. В своих предвоенных границах Советский Союз в отличие от прежней Российской империи лежал в основном вне пределов Европы, ибо на той стадии не включал в себя цепь стран с западной культурной традицией, которые, собственно, и вводили Рос-

сийскую империю в сообщество европейских государств. В результате войны 1914—1918 годов, успешного вторжения германских войск в Российскую империю и двух последовательных русских революций 1917 года эти западные пограничные области расстались с Россией и вошли в европейское сообщество на правах независимых национальных государств — Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши. В результате войны 1939—1945 годов, однако, произошел обратный процесс и все вернулось почти к ситуации 1914 года. Три Балтийских государства были аннексированы Россией и объявлены республиками Советского Союза, и не только Финляндия, но и вся Польша (включая бывшие прусские и австрийские доли ее), Чехословакия, Румыния, Болгария и Венгрия были включены в сферу влияния Советского Союза, если и не де-юре, то де-факто, как страны-сателлиты. Учитывая германские территории восточнее Северной Нейсе и Одера, которые Советский Союз отдал Польше в качестве компенсации за западноукраинские и белорусские провинции довоенной Польши, вновь отошедшие к Советскому Союзу, и прибавив сюда советские оккупационные зоны в Германии и Австрии, мы увидим, что западные пределы советского мира выдвинулись теперь в середину Европы с севера на юг, от Балтики до Адриатики.

Позволит ли когда-нибудь советское правительство своей половине послевоенной Европы объединиться с другой половиной ее в нечто вроде панъевропейской ассоциации? Можно догадаться, что Москва позволит это лишь при одном условии, а именно если Европа сформирует свой союз вокруг российского ядра и под гегемонией России. Это условие совершенно неприемлемо для западноевропейских стран, что означает, что если плану Маршалла не удастся привести Европу к объединению, то скорее всего союз будет образован странами, лежащими к западу от пределов советской сферы влияния.

Если российское препятствие европейскому союзу стало более труднопреодолимым, то британское препятствие, по-

видимому, преодолеть теперь легче. Любой проект объединения Европы угрожает вырасти в дилемму для Великобритании. Если бы ее континентальные соседи сформировали панъевропейский союз или хотя бы союз более узкий, западноевропейский, Великобритания вряд ли смогла бы позволить себе остаться вне его. Однако ей также трудно было войти в европейский союз ценой разрыва своих связей с заокеанскими англоязычными странами: Соединенными Штатами и заокеанскими членами Содружества наций. Эта дилемма, правда, не возникает, если союз, в который предложено вступить Великобритании, будет поддержан Соединенными Штатами и рассчитан на то, чтобы служить основой для более тесных отношений между объединенной Европой и Америкой. Собственно, Великобритании облегчают дело именно те намерения и предложения плана Маршалла, которые совершенно неприемлемы для Советского Союза. Условия плана Маршалла позволяют Великобритании взять от обоих миров лучшее: она сможет войти в ассоциацию со своими соседями на Европейском континенте без риска усложнить отношения с партнерами за океаном; а европейский союз при этих условиях может быть уверен в искренней поддержке Великобритании.

Однако можно ли считать слово «объединение» верным обозначением для целого созвездия сил, которые мы рассматриваем? Не точнее ли употребить слово «разъединение»? Ибо если Восточная Европа будет ассоциирована с Советским Союзом под его гегемонией, а Западная Европа — с Соединенными Штатами под руководством Америки, то разделение Европы между этими двумя титаническими неевропейскими державами явится, на взгляд европейцев, самой значительной характеристикой новой карты мира. Не приходим ли мы к выводу, что Европе уже не по силам вернуть себе прежнюю позицию в мире, преодолев разъединение, которое всегда было ее погибелью? Мертвый груз европейской традиции стал сейчас легче перышка, ибо Европе уже не придется ре-

Цивилизация перед судом истории

шать собственную судьбу. Ее будущее находится в руках двух гигантов, которые ныне затмевают ее.

План Маршалла устраняет еще одно из тех препятствий объединению Европы, о которых мы упоминали. Тенденция индустриальной системы к расширению масштаба своих операций до общемирового уровня определенно дает аргументы против простой региональной европейской группировки. Если план Маршалла принесет ожидаемые плоды, то это в конце концов поможет спасти страны Западной Европы, встроив их в экономическую систему, которая группируется вокруг Соединенных Штатов и как результат будет охватывать весь мир, за исключением советской сферы; ибо западноевропейские страны приведут за собой свои африканские и азиатские владения и протектораты, а Соединенные Штаты — латиноамериканские страны и Китай, и можно рассчитывать, что при этих условиях к союзу присоединятся и члены британского Содружества наций. При таком размахе экономических операций европейский союз, даже если бы он охватывал всю Европу целиком, был бы не более эффективен как экономическая единица, чем национальное государство «город-государство» типа средневековой Венеции. С экономической точки зрения дело выглядит таким образом, как будто Пан-Европа стала уже анахронизмом, еще не будучи созданной; и, пожалуй, европейцам не стоит сожалеть о том, что Пан-Европа оказалась мертворожденной, если им предлагается альтернатива войти в почти всемирную ассоциацию. Если некогда бесспорному господству Европы в мире суждено стать лишь преходящей исторической достопримечательностью, обреченной на гибель, то план Маршалла по крайней мере дает Западной Европе утешительную возможность по-христиански похоронить свое почившее в Бозе превосходство. Эвтаназия, однако, это не выздоровление и не воскрешение. Сужение Европы после Второй мировой войны можно безошибочно считать свершившимся фактом.

БУДУЩЕЕ СООБЩЕСТВА*

Когда я сравниваю последствия двух войн, я вижу не только явно сходные черты, но и заметные различия. По окончании Первой мировой войны мы полагали, что война эта была ужасным, но не значительным препятствием на пути разумного, цивилизованного исторического развития. Мы смотрели на нее как на несчастный случай, вроде железнодорожной катастрофы или землетрясения; и мы воображали, что, как только похороним мертвых и расчистим завалы, мы вернемся к удобной, насыщенной жизни, которая в то время казалась чем-то само собой разумеющимся, как бы врожденным правом человека — во всяком случае, тому незначительному и исключительно привилегированному меньшинству человечества, которое было представлено средним классом демократических индустриальных стран Запада. На этот раз мы, напротив, четко осознаём, что конец боевых действий не останавливает хода истории.

Что же вызывает такое беспокойство сегодня, причем повсюду — среди американцев и канадцев, у нас в стране, у наших европейских соседей и у русских (после краткого

* Эта работа основана на лекции, прочитанной 22 мая 1947 г. в Лондоне, В Чэтем-Хаус, по возвращении из поездки в Соединенные Штаты и Канаду, продолжавшейся с 8 февраля по 26 апреля 1947 г.

знакомства с русскими в Париже прошлым летом я могу сказать, что мы можем оценивать ощущения русских вполне адекватно по аналогии с нашими собственными)?

Я изложу вам собственную точку зрения, достаточно спорную, как вы увидите. Я полагаю, что это угрожающее положение — вопрос политический, а не экономический и что вопрос не в том, будет ли мир объединен политически в скором времени. Я уверен — и это, пожалуй, самое спорное из моих утверждений, но я искренне говорю то, что думаю, — что скорое политическое объединение мира — вопрос предрешенный. (Если вы возьмете всего два фактора — степень нашей нынешней взаимозависимости и смертоносный характер сегодняшних вооружений — и свяжете их друг с другом, я не вижу, к какому иному выводу можно прийти.) Я думаю, что самый главный и трудный политический вопрос сегодняшнего дня не в том, будет ли мир объединен политически, а в том, в каком из двух альтернативных направлений может пойти объединение.

Существует старомодный и неприятно знакомый путь постоянных военных столкновений, который приведет к горькому концу, когда одна уцелевшая великая держава «нокаутует» последнего из оставшихся соперников и установит мир на земле при помощи силы. Именно таким путем греко-римский мир был объединен Римом в I веке до н.э., а Дальний Восток — в III веке до н.э. княжеством Цинь по тому же римскому рецепту. Кроме того, существует новый опыт кооперативного правления миром — нет, пожалуй, не совсем новый, ибо и раньше предпринимались тщетные попытки найти совместный выход из всех бед, закончившиеся тем, что силовыми методами были приняты Pax Romana и Pax Sinica; правда, в наши дни наши собственные попытки добиться второго, более приемлемого варианта настолько более решительны и осознанны, что мы вполне можем рассматривать их как отправную точку. Первой нашей попыткой было создание Лиги Наций, следующей — Организация Объединенных На-

ций. Совершенно очевидно, что здесь мы вступаем на почти неизведанную почву трудных первопроходческих политических инициатив. Если такая инициатива будет успешной — хотя бы настолько, чтобы уберечь нас от «нокаута», это могло бы открыть совершенно новые перспективы для человечества: перспективы, которые еще ни разу не открывались за последние пять или шесть тысяч лет, когда человечество делало попытки цивилизованного развития.

Возрадовавшись этому проблеску надежды на горизонте, мы рискуем впасть в состояние эйфории, если не примем во внимание протяженность и сложность лежащего между нами и нашей целью. И нам не удастся отвести от себя нокаутирующий удар, если мы не изучим все обстоятельства, которые, к сожалению, говорят о его возможности.

Первое из неблагоприятных обстоятельств, с которыми приходится бороться, — это тот факт, что в течение жизни одного поколения число великих держав высшего материального уровня — если измерять этот уровень в понятиях чисто военного потенциала — сократилось с восьми до двух. Сегодня на арене чисто силовой политики стоят лицом к лицу лишь Соединенные Штаты и Советский Союз. Еще одна мировая война — и может остаться одна-единственная держава, которая даст миру политическое единство старым дедовским способом — по праву победителя.

Поразительно быстрое сокращение числа великих держав высшего материального уровня объясняется внезапным скачкообразным повышением материального уровня жизни, из-за чего державы типа Великобритании или Франции уменьшились в сравнении с державами типа Советского Союза и Соединенных Штатов. Такие внезапные скачки уже случались в истории. Примерно четыре-пять столетий назад державы размером с Венецию или Флоренцию подобным же образом померкли перед только что возникшими державами размера Великобритании и Франции.

Цивилизация перед судом истории

Со временем европейские державы, без сомнения, померкли бы по сравнению с Советским Союзом и Соединенными Штатами. Это — неизбежное следствие открытия широких просторов Северной Америки и России и освоения их ресурсов путем широчайшего применения технических методов, частично разработанных в лабораториях Западной Европы в исторически недавнее время. Но этот неизбежный процесс мог идти целое столетие, если бы не кумулятивный эффект двух войн, сжавший это время до трети и даже четверти требуемого времени. Если бы не ускорение, процесс шел бы постепенно, давая всем участникам время приспособиться к нему более или менее безболезненно. После того как войны подтолкнули этот процесс, он принял революционный характер, поставив всех участников в трудное положение.

Европейскому наблюдателю следует понять (как понимают те, кто непосредственно наблюдает реакцию на этот процесс в Соединенных Штатах), что это ускорение перераспределения материальной силы от старых держав во внутреннем кольце Европы к молодым державам во внешнем кольце, в Америке и Азии, для американцев столь же затруднительно, как и для нас самих. Американцы испытывают ностальгию по сравнительно безмятежному существованию в прошлом веке. В то же время они представляют себе гораздо более ясно и в более общих чертах, нежели мы после войны 1914—1918 годов, что невозможно повернуть время вспять, к удобному довоенному часу. Они знают, что им придется выдержать все до конца, как бы ни раздражала эта мрачная перспектива. Они смотрят в лицо новой незваной главе своей истории со спокойной уверенностью, думая о том, что им предстоит — как предупредил их президент — заняться работой по техническому и экономическому переоснащению Греции, Турции и других зарубежных стран. Но они приходят в смятение, когда им напоминают, что не хлебом единым жив человек и поэтому им придется заняться не только экономикой, но и политикой, если они хотят успешно внедрить де-

мократию в западном понимании этого слова в тех незападных странах, в которые они вступают с этой целью. «Просветить» политических узников в Руритании и проследить за тем, чтобы руританские власти выпустили тех, кого следует выпустить? Обеспечить трансформацию руританской полиции из ведомства по выкручиванию рук политическим оппонентам из теневого правительства в агентство по защите прав и свобод подданных? Провести подобную же реформу руританского правосудия? Если вы скажете американцам, что, вмешавшись однажды в дела Руритании, им уже не удастся бросить эти политические проблемы на полпути, они скорее всего воскликнут, что Соединенные Штаты не располагают кадрами для подобной работы за рубежом.

Неловкость перед необходимостью брать на себя политическую ответственность в отсталых в этом отношении странах возникла у американцев в связи с внезапной заботой о будущем Британской империи. Эта забота, как и большинство человеческих чувств, частью диктуется собственными интересами, частью бескорыстна. Собственные интересы американцев состоят в том, что, если Британская империя распадется, она оставит после себя огромный политический вакуум — много больше и опаснее, нежели ничейная земля в Греции и Турции, — куда Соединенным Штатам придется вступить, чтобы опередить Советский Союз. Американцы осознали удобство (для них) существования Британской империи как раз тогда, когда эта империя начала распадаться. Правда, это недавно возникшее беспокойство за судьбу империи одновременно и вполне бескорыстно, и добросердечно. Традиционное американское обличение британского империализма шло, мне кажется, бок о бок с подсознательным ощущением, что Британская империя, плохо ли, хорошо ли, есть один из самых устойчивых и прочных институтов в мире. Теперь, когда американцы убедились, что империя находится в предсмертной агонии, они начинают сожалеть о неизбежной потере такого крупного и знакомого объекта

на их политическом ландшафте, начинают сознавать, какую службу сослужила империя для всего мира, которую, кстати, они не ценили и вряд ли замечали, пока могли принимать ее как нечто само собой разумеющееся.

Такая резкая перемена отношения американцев к Британской империи в течение зимы 1946/47 года была следствием их оценки текущих событий. В то время воображение американцев поразили два факта: физические страдания населения Великобритании и решимость правительства Соединенного Королевства уйти из Индии в 1948 году. Взятые вместе, эти два факта создали в американских умах картину крушения Британской империи; и американские комментаторы в обычном для них сенсационном стиле сжали в одно моментальное событие всю эволюцию Британской империи с 1783 года и в то же время заявили, что перемены были абсолютно произвольными, непреднамеренными. По мнению большинства американцев, Соединенное Королевство внезапно слишком ослабело, чтобы силой удерживать империю; не многие из них осознали, что британский народ усвоил колоссальный урок, полученный в результате утраты Тринадцати колоний, и что он всегда старался применять усвоенные знания в дальнейшем.

В несведущих американских умах рождалось ощущение, что империя Георга III существовала в практически неизменном виде до вчерашнего дня, а сегодня вдруг развалилась в одночасье; каким бы далеким от истины ни казалось нам это суждение, на самом деле оно не так уж удивительно, как звучит для британских ушей. Обычно обо всем, с чем мы впервые сталкиваемся во взрослом возрасте, мы имеем тенденцию судить на основе простых и критически не переосмысленных мнений, внушенных нам в детстве. Существует или по крайней мере до недавнего времени существовала британская полудетская легенда, что французы не способны управлять зависимыми территориями или отсталыми народами. Понятие среднего американца о Британской империи

также основано на легенде времен Революционной войны, о которой ему рассказывали в школе, а не на собственном взрослом наблюдении существующих фактов. Многие из американцев обнаруживают невежество даже в отношении сегодняшнего статуса Канады, хотя они, вероятно, постоянно общаются с канадцами и не могут не видеть, что это гордые, свободные люди, под стать самим американцам. Тем не менее, вместо того чтобы трезво оценить обстановку, и без того ясную как дважды два, и посмотреть в лицо фактам свежим взглядом, они скорее всего так и думают, что Канадой все еще управляет Даунинг-стрит и что их северная соседка платит налоги казначейству в Уайтхолле, чего, кстати, она вообще никогда не делала.

Это в достаточной мере объясняет, почему и темпы, и характер изменений, происшедших в составе Британской империи, были превратно поняты многими американцами. Но когда мы сделаем все необходимые поправки на незнание, британский критик, в свою очередь, должен признать тот факт, что мощь империи в отличие от ее состава претерпела изменения не только очень большие, но и действительно очень быстрые. Истина в том, что в смысле откровенной политики, основанной на чисто военном потенциале, только две великие державы — Соединенные Штаты и Советский Союз — противостоят сегодня друг другу. Именно признанием этого факта в Соединенных Штатах объясняется стремление проанализировать ситуацию, вызванную объявлением «доктрины Трумэна». Американцы осознают, что это по двум причинам поворотный пункт в американской истории. Во-первых, он выводит Соединенные Штаты из их традиционной изоляции; и, во-вторых, этот шаг президента может означать — даже если это далеко от его истинных намерений — поворот всего хода международных отношений, отказ от новых методов сотрудничества в попытке достичь политического единства и возврат к старому, избитому способу: выиграв последний раунд в

Цивилизация перед судом истории

силовом противостоянии, прийти к политическому объединению мира через «нокаут».

Итак, обзрев те обстоятельства, которые говорят в пользу второго, старинного решения, мы должны заставить себя преодолеть эти обстоятельства, вспомнив, сколь разрушительным может быть этот «нокаут». Он приговорит человечество по крайней мере к еще одной мировой войне. Третья мировая война будет вестись атомным и другим, возможно, не менее смертоносным оружием. Более того, в прежние времена — скажем, при насильственном объединении китайского региона княжеством Цинь или же греко-римского мира Римом — долгожданная политическая унификация через «нокаут» достигалась недопустимой ценой моральных травм, нанесенных обществу в тот момент, когда ему навязывали это единство с помощью грубой силы.

Если мы проанализируем эти травмы в понятиях материальных, попытавшись оценить способность различных цивилизаций как к возрождению, так и к разрушению, нам нелегко будет начертить четкие сравнительные графики нашей западной цивилизации, с одной стороны, и греко-римской или китайской — с другой. Без всякого сомнения, у нас сегодня намного больше возможностей и для реконструкции, и для разрушения, чем имели китайцы или римляне. С другой стороны, более простая социальная структура обладает большей стихийной восстановительной силой, нежели более сложная. Когда я вижу, как наши восстановительные программы в Великобритании задерживаются из-за нехватки квалифицированной рабочей силы или высокотехнологичных материалов, а иногда — и не в меньшей степени — из-за сбоев административного механизма, я вспоминаю, как мельком видел в 1923 году восстановление турецкой деревни, разрушенной под самый конец греко-турецкой войны 1919—1922 годов. Турецкие крестьяне не зависели от привозных материалов или рабочей силы, равно как и от милостей бюрократов. Они перестраивали свои дома и ремонтировали

домашнее имущество и сельскохозяйственный инвентарь собственными руками из дерева и глины, что находились вокруг. Кто может предвидеть, будет ли Нью-Йорк после третьей мировой войны жить материально так же спокойно, как деревня Йени-Кей после 1922 года, или так же тяжело, как Карфаген после 146 года до н.э.? Правда, те раны, которые цивилизация наносит себе и от которых в конце концов погибает, совсем не материального свойства. Во всяком случае, в прошлом неизлечимыми оказались как раз раны духовного порядка; и поскольку под слоем самых различных культур лежит однородная духовная природа человека, можно предположить, что духовное опустошение, производимое «нокаутом», по своей разрушительной силе убийственно, и именно оно каждый раз приводит к гибели.

Тем не менее если принудительный метод политического объединения мира беспредельно разрушителен, то метод сотрудничества со своей стороны изобилует трудностями.

В настоящий момент, например, мы наблюдаем, как великие державы пытаются — вероятно, это неминуемо — одновременно делать две вещи, не просто противоположные, но воинствующе противоположные и абсолютно несовместимые в конечном счете. Они пробуют запустить в действие новую систему кооперативного мирового правления, не имея возможности прогнозировать ее шансы на успех, и пытаются застраховать себя от провала, маневрируя друг перед другом в том самом старом стиле силовой политики, который может привести лишь к третьей мировой войне и «нокауту».

Организацию Объединенных Наций можно со всей справедливостью назвать политическим механизмом для осуществления возможно более тесного сотрудничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом — двумя великими державами, которым суждено быть основными антагонистами в последнем раунде голой силовой политики. Нынешняя структура ООН представляет собой именно эту форму сотрудничества, какой Соединенные Штаты и Совет-

ский Союз могут достичь в данный момент. Эта структура есть очень свободная конфедерация, а наш замечательный председательствующий в Четем-Хаус, Лайонел Кэрти, заметил, что политические ассоциации подобного шаткого типа никогда в прошлом не были устойчивыми и долговечными.

Организация Объединенных Наций находится в той же стадии после войны 1939—1945 годов, в какой Соединенные Штаты пребывали после Войны за независимость. В том и другом случае во время войны общий страх перед опасным общим врагом удерживал некрепкую ассоциацию государств-штатов и делал ее спаянной. Существование этого общего врага служило как бы спасательным кругом, держащим ассоциацию на плаву. Однако после победы, когда общего врага не стало, ассоциация, только из-за него и создававшаяся, должна или утонуть, или выплыть, лишенная поддержки, пусть и не намеренной, но весьма эффективной, которую предоставляло наличие общего врага. В этих обстоятельствах свободная ассоциация не может долго существовать в своем первоначальном виде: раньше или позже она распадется либо трансформируется в действительно эффективную федерацию.

Для того чтобы федерация была долговечной, ей, по-видимому, требуется высокая степень однородности составляющих ее государств. Правда, мы видим, что Швейцария и Канада являются удивительными примерами эффективно работающих федераций, успешно преодолевших сложные различия в языках и религиях. Но может ли кто-то из трезво мыслящих наблюдателей сегодня отважиться на то, чтобы предсказать день и час, когда станет практически возможным союз Соединенных Штатов и Советского Союза? А это как раз те два государства, которые должны объединиться в федеративный союз, чтобы спасти нас всех от третьей мировой войны.

И все-таки эти очевидные трудности на пути кооперативного достижения совершенно необходимой цели — мирового единства — не должны останавливать нас, ибо этот метод

обладает рядом уникальных преимуществ, не имеющих альтернативы.

Разве что будет найдена какая-либо конституционная форма мирового правления, при помощи которой державы могут продолжать считаться великими — и действительно играть эту роль, — несмотря на то что их военный потенциал не будет паритетным военному потенциалу Советского Союза и Соединенных Штатов. В таком частично организованном мировом сообществе Великобритания, континентальные страны Западной Европы и доминионы могут по-прежнему иметь влияние в международных делах, влияние, отнюдь не обусловленное отношением их военного потенциала с потенциалом «большой двойки». Даже на полупарламентарном международном форуме политический опыт, зрелость и выдержка таких стран имели бы значительный вес в балансе сил, противостоя грубой силе меча. С другой стороны, в мире политики с позиции силы эти высокоцивилизованные, но менее мощные в материальном отношении государства не будут иметь никакого веса в сравнении с Соединенными Штатами и Советским Союзом. В третьей мировой войне все они, за исключением, возможно, Южной Африки, Австралии и Новой Зеландии, превратятся в арену боевых действий. В особенности это коснется Великобритании и Канады, в чем канадцы и англичане прекрасно отдадут себе отчет.

Глядя в лицо этой опасности, мы должны коснуться еще нескольких вопросов.

В политике в отличие от личных отношений пословица «третий лишний» совершенно не соответствует истине. Там, где можно объединить для решения проблемы кооперативного правления миром, скажем, восемь великих держав или хотя бы три, решить эту проблему много легче, чем если их всего две. Это очевидное соображение порождает вопрос, нельзя ли вызвать к жизни какую-либо третью мировую державу, которая была бы сравнима с Соединенными Штатами и Советским Союзом по всем статьям: на арене силовой по-

Цивилизация перед судом истории

литики не уступала бы их военному потенциалу, а в плане моральном и политическом была бы равной участницей международного совещательного органа в случае, если человечеству удастся его нынешняя пионерная политическая инициатива по введению механизма конституционального правления вместо слепых игр грубой силы в международных отношениях.

Не может ли роль этой третьей великой во всех отношениях державы — роль, которая одному Соединенному Королевству уже не под силу, — коллективно взять на себя британское Содружество наций? Думаю, краткий ответ на этот вопрос будет таким: в чисто стратегическом плане — да, в географическом и политическом — нет.

В совещательных органах конституционально управляемого мира государства — члены Содружества будут занимать достаточно весомое место, ибо они представляют собой большое сообщество некрупных политически зрелых государств, а также потому, что они смогут выступить единым строем — не оттого, что их политика унифицирована или заранее скоординирована, но просто потому, что в жизненно важных политических вопросах, в области социальных и духовных традиций они имеют много общего, ибо не перестали жить в очень тесных и дружественных отношениях между собой, хотя и двинулись каждое своим путем к главной цели — самоуправлению. Однако чтобы трансформировать Содружество в третью великую державу, сделав ее настолько же мощной коллективно, насколько ее члены влиятельны внутри сообщества, странам Содружества придется сплотиться в единый, цельный военный союз, столь же высокоцентрализованный, как Советский Союз во все времена и как Соединенные Штаты в годы войны; и достаточно только выразить эту идею словами, как сразу становится ясно, насколько она осуществима. Это означало бы повернуть вспять то движение, к которому Содружество шло намеренно и последовательно начиная с 1783 года, и отказаться от накопленных результатов

той эволюции, драгоценных результатов совместных усилий народа Соединенного Королевства и народов других стран Содружества, добившихся самоуправления наравне с Соединенным Королевством за последние полтора века.

За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Невозможно вложить все свои силы в прогрессивный процесс, имеющий своей целью добиться максимального самоуправления для всех субъектов Содружества, проявляющих готовность к независимому правлению, и в то же время ожидать, что можно будет создать коллективную военную машину, такую, какую Москва — если взять наиболее яркий случай — последовательно и сознательно строила последние шесть столетий ценой свободы, плюрализма и других политических и социальных благ, которых добились для себя страны Содружества за счет коллективного могущества. Страны Содружества не могут отречься от своих идеалов и распутать сеть истории, которую они для себя сплели; они не могли бы сделать этого при всем своем желании, но даже если им и удалось бы совершить это сомнительное чудо, то они напрасно отказались бы от своих неотъемлемых прав, ибо, даже пожертвовав всеми достоинствами и достижениями, присутствующими Содружеству, они не смогли бы достичь той степени единства — ни политически, ни географически, — которая в век ядерных вооружений поставила бы его вровень с Соединенными Штатами и Советским Союзом в военном отношении. На поле силовой политики единое Содружество смогло бы сыграть лишь роль пешки, в лучшем случае коня, но ферзя — никогда.

Если Британское Содружество после мировой войны 1939—1945 годов не может играть роль «третьей великой державы», не могли бы сделать это, скажем, Соединенные Штаты Европы? На первый взгляд эта идея несет в себе многообещающую перспективу, однако она тоже не выдерживает критического анализа.

Цивилизация перед судом истории

Гитлер сказал однажды, что если Европа действительно хочет быть серьезной силой мирового масштаба (а под силой Гитлер, разумеется, понимал только грубую военную мощь), то она должна приветствовать и проводить политику фюрера; и это жесткое высказывание есть истинная правда. Гитлеровская Европа — объединенная силой германского оружия и под германской гегемонией — есть единственный вариант Европы, способный сравняться с Советским Союзом и Соединенными Штатами по военному потенциалу; но Европа, объединенная под господством Германии, абсолютно ненавистна всем европейцам за пределами Германии. Некоторым пришлось дважды пережить опыт германского господства; для большинства этот опыт пришелся на Вторую мировую войну, а те, кому удалось этого избежать, находились слишком близко к пожару, и жар его опалил их достаточно сильно, чтобы понять и разделить чувства тех, кто сгорел в этом горниле.

В Европейском союзе без Советского Союза и Соединенных Штатов — а это *ex hypothesi* — есть отправная точка для строительства европейской «третьей великой державы». Германия должна рано или поздно, тем или иным путем выдвигаться на первое место, даже если Объединенная Европа начнет свою новую жизнь при разоруженной и децентрализованной Германии, возможно, даже разделенной на части. В пространстве, лежащем между Соединенными Штатами и Советским Союзом, Германия занимает стратегически господствующее центральное положение; германская нация самая многочисленная в Европе; в сердце Европы, населенном немцами (не учитывая ни Австрию, ни немецкую часть Швейцарии), находится большая часть европейских ресурсов — сырья, производственных мощностей и квалифицированной рабочей силы, — необходимых для тяжелой индустрии; наконец, насколько немцы искусно организуют сырьевую базу для ведения войны, включая и человеческое сырье, настолько же они не способны управлять самими собой и нетерпимы

в качестве правителей других народов. На каких бы первоначальных условиях ни вошла Германия в Объединенную Европу, в которой не будет ни Соединенных Штатов, ни Советского Союза, она непременно займет там в конечном итоге главенствующее положение; и если превосходство, которого она не могла добиться силой в течение двух войн, будет достигнуто на этот раз мирно и постепенно, ни один европеец все равно не поверит, что, когда германцы почувствуют в своих руках власть, им хватит мудрости удержаться от того, чтобы, натянуть поводья и, пришпорить. Этот германский фатум может оказаться непреодолимым препятствием в строительстве Европы как «третьей великой державы».

Да в нашем сегодняшнем мире объединенная в военном плане Европа и не может питать сколько-нибудь обоснованных надежд — не более чем Британское Содружество, — на то, чтобы стать достойным соперником Соединенных Штатов или Советского Союза ценой отказа от взлелеянных свобод. В Западной Европе особенно (а Западная Европа — это сердце Европы) традиции национальной индивидуальности настолько сильны, что любой практически возможный европейский союз будет весьма слабо связан и станет не более чем пешкой в партии силовой игры, даже если эта объединенная Европа будет включать в себя и Британское Содружество на Западе, и страны, находящиеся под российским влиянием на Востоке, да и в том случае, если бы народы Европы попытались стерпеть неприятную гитлеровскую доктрину.

Но где же тогда нам найти нашу «третью великую державу»? Если не в Европе и не в Британском Содружестве, то уж никак не в Китае или в Индии, ибо, несмотря на их древние цивилизации и огромное население, обширные территории и ресурсы, эти мастодонты наверняка не смогут напрячь свои латентные силы в течение того критического периода истории, который, как представляется, предстоит нам пройти. Итак, мы вынуждены сделать заключение, что нам не удастся ослабить напряженность нынешнего международного положения,

добавив даже одну державу высшего военного порядка к тем двум, что противостоят друг другу сейчас. Это приводит нас к финальному вопросу: если мы не в состоянии найти быстрый путь к объединению мира через конституциональное сотрудничество, нельзя ли каким-то образом оттянуть неприятную альтернативу — объединение силовыми методами? Не могут ли два политически различных мира размежеваться — один под водительством Соединенных Штатов, другой под влиянием Советского Союза? И если бы между ними оказалось возможным провести демаркационную линию по всему земному шару, не могли бы американский и советский мир сосуществовать бок о бок на одной планете в течение длительного времени без столкновений, как в свое время при других социальных и технологических условиях сосуществовали римский и китайский миры в течение нескольких веков, не только не воюя, но и почти не соприкасаясь? Если бы мы могли выиграть время для мира, прибегнув временно к спасительному средству — изоляции, возможно, что социальный климат в обоих политических универсумах с каждой стороны разделительной линии постепенно стал бы оказывать взаимное влияние, пока они не сблизились бы достаточно, чтобы позволить Советскому Союзу и Соединенным Штатам в некий благоприятный момент вступить в полосу эффективного политического сотрудничества, в данный период недостижимого по причинам идеологической и культурной пропасти, разделяющей их.

Каковы же перспективы того, чтобы Соединенные Штаты и Советский Союз соблюдали режим «ненасильственного несотрудничества» по отношению друг к другу в течение, скажем, тридцати, пятидесяти или ста лет? Если провести демаркационную линию через весь мир, достаточно ли пространства останется для каждого из них в своей сфере? Если бы можно было рассуждать лишь в понятиях экономических, ответ был бы вполне обнадеживающим, ибо каждый из этих гигантов имеет достаточный экономический простор не

только в своей сфере влияния, но и внутри собственных политических границ. Одной из причин, подвигнувших правителей нацистской Германии и современной Японии на агрессивные войны, была их неспособность предоставить основной массе молодых людей работу, удовлетворяющую их ожиданиям, а иногда и вообще какую-нибудь работу. В противоположность им Россия и Америка имеют более чем достаточно рабочих мест для подрастающего поколения и на многие годы вперед. Если бы человек жил одной экономикой, у Америки и России не было бы никаких причин сталкиваться друг с другом в течение жизни нескольких поколений. Но к сожалению, человек жив еще и политикой. Ему необходимо бороться не только с нуждой, но и со страхом, а в плане идей и идеологий Россия и Америка постоянно перебегают друг другу дорогу, вместо того чтобы спокойно сидеть дома и обрабатывать собственный просторный сад. В этом плане социальный климат обеих великих держав, без сомнения, будет влиять друг на друга, но это взаимовлияние отнюдь не обязательно должно иметь мирный исход или вести к взаимной ассимиляции; напротив, оно может вызвать грозу или взрыв. Ни капиталистический, ни коммунистический мир не иммунны против влияния другого, ибо ни тот ни другой не есть рай на земле, как они оба стараются это представить; и оба они обнаруживают свои страхи, принимая защитные меры против влияния соперника. Железный занавес, которым Советский Союз пытается отгородиться от внешнего мира, весьма красноречиво говорит сам за себя. Но и на стороне капиталистического мира существует не меньший, хоть и не столь парализующий, страх перед миссионерской коммунистической активностью; и пусть в демократических странах этот страх не выражается в государственных запретах на личные контакты, он тем не менее всегда готов перерасти в паническую истерию.

Таким образом, страх может сделать то, чего нужда скорее всего не добьется, — заставить Россию и Америку схлестнуться-

Цивилизация перед судом истории

ся друг с другом. Но как, спросите вы, может это привести к открытому военному столкновению, когда силы у антагонистов столь явно неравноценны? Соединенные Штаты с их колоссальным превосходством в промышленном оснащении, подкрепленном теперь монопольным ноу-хау в производстве атомного оружия, настолько сильнее Советского Союза, что, если не считать тех стран, на которые Советский Союз уже накинуд свою узду, Соединенные Штаты могут по своему желанию утвердить свой протекторат практически над любой страной на ничейном пространстве без всякого риска открытого военного сопротивления со стороны Советского Союза. Это можно проиллюстрировать тем, как безнаказанно удалось Соединенным Штатам распространить свое покровительство на Грецию и Турцию, несмотря на то что эти две страны лежат на самых подступах к главной житнице и арсеналу Советского Союза — Украине и Кавказу. Это могло бы означать, что во власти Соединенных Штатов провести демаркационную линию между американской и российской сферами влияния по краям сегодняшних границ политических владений Советского Союза. При делении земного шара это дало бы Соединенным Штатам львиную долю территории, то есть, как могло показаться при поверхностном взгляде, весьма значительно увеличило бы и без того серьезное превосходство Америки над Россией.

По зрелом размышлении, однако, это заключение может быть и пересмотрено. При подобном делении мира превосходство Соединенных Штатов статистически будет действительно огромным, но это, в конце концов, чисто теоретическая и, вероятно, обманчивая основа для сравнения. Будет ли выигрыш в политическом, социальном и идеологическом плане таким же, как и в плане прироста территорий, населения и производительности? Смогут ли те три четверти или пять шестых мира, что окажутся под американским влиянием, сплотиться политически и идеологически так тесно, чтобы стать невосприимчивыми к миссионерской активности

России? Или, если поставить вопрос с головы на ноги, реально ли ожидать, что большинство населения нашей гипотетической американской сферы влияния действительно увлекутся сегодняшней, довольно консервативной американской доктриной отъявленного индивидуализма?

Нынешняя американская идеология придает очень большое значение личной свободе, однако отнюдь не так остро чувствует необходимость социальной справедливости. Это вовсе не удивительно для доморощенной идеологии, ибо в Соединенных Штатах сегодня минимальный жизненный уровень настолько велик, что нет нужды в том, чтобы ограничивать свободу способных, сильных и богатых ради того, чтобы раздавать благотворительные подачки социальной помощи неумелым, слабым и бедным. Однако сегодняшнее материальное благосостояние народа в Соединенных Штатах, конечно, представляет собой нечто совершенно особое в нынешнем мире. Подавляющее большинство населения нашей планеты сегодня — начиная с беднейших слоев «дна» самих Соединенных Штатов, иностранцев по рождению, и кончая почти миллиардом китайских и индийских крестьян и кули — практически лишены средств к существованию и все острее осознает свое униженное положение. На разделенной на неравные доли планете большая часть этой громадной массы примитивного и страдающего человечества окажется на территории, контролируемой американской стороной; и для того чтобы понять и оценить эти до крайности неамериканские проблемы несчастной толпы, со стороны ее американских пастырей потребуются почти нечеловеческие участие и симпатия. Для американцев это окажется их ахиллесовой пятой, а для русских — лишней возможностью посеять плевелы на поле соперника. Если смотреть на ситуацию глазами русских, то в этих обстоятельствах может показаться перспективным попытаться хотя бы частично подправить путем пропаганды баланс сил, нарушенный с открытием американцами ноу-хау по производству атомной бомбы.

Цивилизация перед судом истории

В разделенном мире, где американцам пришлось бы бороться результатов русской пропаганды среди многочисленных неамериканских народов, собранных под эгидой Соединенных Штатов, а советское правительство со своей стороны пугалось бы того, что капиталистический образ жизни привлекает тех советских граждан, кто непосредственно с ним соприкоснулся, — в этом мире перспектива стабильности и покоя оказалась бы слишком шаткой, не будь в этой ситуации других факторов. К счастью, Великобритания и ряд континентальных западноевропейских стран и представили бы в этом случае третий фактор, причем вполне конструктивный.

В этой послевоенной главе истории ряд западноевропейских стран находится в промежуточной позиции между Соединенными Штатами и заморскими доминионами Британского Содружества, с одной стороны, и отсталыми в политическом и экономическом плане странами — с другой. Послевоенные условия жизни в Западной Европе не настолько плохи, чтобы отчаянные рецепты, предлагаемые коммунизмом, имели для англичан, голландцев, бельгийцев и скандинавов такую же привлекательность, как для вопиюще не обеспеченного материальными благами большинства мексиканцев, египтян, индийцев или китайцев; в то же время Западная Европа не настолько процветающий регион, чтобы позволить себе принять в чистом виде тот режим частной инициативы, который по-прежнему превалирует в Северной Америке, к северу от Рио-Гранде. В этих условиях Великобритания и ее западноевропейские соседи пытаются найти действенный компромисс, приспособленный к их собственным экономическим условиям «здесь и сейчас» и могущий видоизменяться в соответствии с изменением этих условий в ту или иную сторону — между неограниченным свободным предпринимательством и беспредельным социализмом.

Если эти западноевропейские социальные эксперименты достигнут хотя бы малейшего успеха, они могут оказаться ценным вкладом в благосостояние мира в целом. Не то чтобы

они могли послужить рабочими чертежами — кальками — для автоматического применения где угодно, ибо различные народы мира, которые внезапно оказались в тесном контакте благодаря многочисленным изобретениям Запада, все еще разделены политическими, экономическими, социальными и психологическими различиями, для преодоления которых требуется время. В мире, находящемся на нынешней стадии социальной эволюции, какое-либо конкретное и частичное решение проблемы невозможно применить «слово в слово» вне той страны, где оно было найдено методом проб и ошибок и применительно к местным условиям. Хотя как раз здесь мы, вероятно, нащупали, какую именно службу может сослужить миру Западная Европа сегодня. Неудобоваримой чертой как американской идеологии свободного предпринимательства, так и русской идеологии коммунизма является то, что оба эти подхода предлагают свои социальные «кальки» как панацею от любого мыслимого социального зла и при любом известном наборе социальных условий. Но это не соответствует фактам реальной жизни. На деле любая общественная система, которую мы можем наблюдать непосредственно или реконструировать по анналам, представляет собой систему смешанную, лежащую где-то между теоретическими плюсами безбрежного социализма и беспредельной свободной инициативы. Задача государственного деятеля состоит в том, чтобы взять именно ту ноту, которая гармонирует с конкретными социальными условиями своего времени и места, найти правильную смесь свободной инициативы и социализма, для того чтобы провести свой экипаж-государство по тому конкретному склону, по которому он движется в данный момент. Что требуется сейчас миру более всего, так это снять жесткую антитезу свободного предпринимательства и социализма и научиться подходить к этому вопросу без полурелигиозной веры и фанатизма, просто как к практическому вопросу, подвластному здравому смыслу и разрешае-

Цивилизация перед судом истории

мому методом проб и ошибок, а в каком-то смысле — волею обстоятельств и адаптации.

Если бы Западной Европе удалось повлиять на весь остальной мир в этом направлении в ближайшей главе истории, еще предстоящей нам, это было бы не только крупным вкладом в процветание, но и ощутимой поддержкой мирному сосуществованию. Это могло бы стать тем воздействием, которое постепенно сломало бы социальные, культурные и идеологические барьеры между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Но, как неоднократно говорилось в этой статье, для того чтобы страны такого материального уровня, как Соединенное Королевство или Нидерланды, могли использовать свое влияние в мировом сообществе, где в результате изменений материального уровня жизни и в силу других причин единственными великими державами в смысле чисто военного потенциала остались лишь два колоссальных гиганта — Соединенные Штаты и Советский Союз, — в этом сообществе должен существовать хотя бы минимум конституционального правления.

Итак, могло ли бы западноевропейское влияние иметь благотворный объединяющий эффект в мире, разделенном на неравные сферы влияния — американскую и русскую? Если да, то это могло бы стать линией отступления в случае, если наша вторая попытка кооперативного мирового правления потерпит такую же неудачу, как и первая. Но разумеется, было бы много лучше, если бы Организация Объединенных Наций могла осуществить свои задачи полностью, и я бы сказал, что это именно та цель, к которой мы должны стремиться всеми силами, не позволяя себе разочароваться или отступить, какие бы трудности ни ожидали нас на этой еще очень ранней стадии существования ООН.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ

I

С егодняшний западный взгляд на историю чрезвычайно противоречив. Если наш исторический горизонт значительно расширился и в пространстве, и во времени, то наше историческое видение — то, что мы фактически видим в противоположность тому, что могли бы увидеть при желании, — быстро суживается до поля зрения зашоренной лошади или перископа подводной лодки.

Это, конечно, поразительно, однако же это всего лишь одно из многих противоречий, характеризующих, по-видимому, времена, в которые мы живем. Нетрудно найти примеры, принимающие иногда угрожающие формы в глазах многих из нас. Скажем, наш мир возвысился до беспрецедентно высокой степени гуманистического сознания. Мы признаем социальные права человека любого класса, нации и расы; и одновременно мы погрузились в пучину классовой борьбы, национализма и расизма. Эти низменные страсти находят выход в хладнокровных, планомерных жестокостях; и эти два несовместимых состояния души и нормы поведения сегодня можно видеть идущими бок о бок не просто в одном мире, но и в одной и той же стране и даже в одной и той же душе.

Цивилизация перед судом истории

Другой пример — беспрецедентная производительная мощь соседствует со столь же беспрецедентным дефицитом. Мы изобрели машины, которые работают за нас, но сейчас, как никогда раньше, не хватает рабочей силы в сфере услуг, даже в такой необходимой и элементарной области, как помощь матерям в уходе за детьми. Мы наблюдаем постоянное чередование широчайшей безработицы и острой нехватки рабочей силы. Несомненно, противоречие между расширенным историческим горизонтом и суженным историческим видением есть некая характеристика нашей эпохи. Однако если рассматривать это явление само по себе, какое же здесь удивительное противоречие!

Давайте вспомним, каким образом наш горизонт расширился в первый раз. В пространстве наше поле зрения раздвинулось до размеров всего человечества и всей обитаемой земной поверхности, а также звездного космоса, в котором наша планета — лишь исчезающе малая пылинка. Во времени наше историческое поле зрения раздвинулось, вобрав в себя все цивилизации, расцветшие и погибшие за последние шесть тысяч лет; всю предыдущую историю человеческого рода до его генезиса где-то между 600 тысячами и миллионом лет назад; историю жизни на этой планете за примерно 800 миллионов лет. Какой великолепный исторический горизонт! И тем не менее в это же самое время наше поле исторического видения имело тенденцию суживаться во времени и пространстве до границ конкретного королевства или республики, к которым каждый из нас принадлежит. Самые старые из западноевропейских стран — скажем, Англия или Франция — насчитывают на сегодня не более тысячи лет непрерывного политического существования; самая большая из существующих стран — например, Бразилия или Соединенные Штаты — занимает лишь малую толику обитаемого пространства планеты.

Прежде чем началось расширение нашего горизонта — до того как западные мореплаватели совершили кругосветные плавания, а западные космографы и геологи раздвинули гра-

ницы нашей Вселенной и во времени, и в пространстве, — наши донационалистические средневековые предшественники обладали более широким и точным историческим видением, нежели мы сегодня. Для них история не означала лишь историю какого-либо местного сообщества, она охватывала историю и Израиля, и Греции, и Рима. И даже если они ошибались, считая, что мир был создан в 4004 году до н.э., то в любом случае лучше охватить взглядом период до 4004 года до н.э., нежели всего лишь до Декларации независимости или плавания «Мейфлауэр», Колумба или Хенгиста и Хорсы. (Между прочим, 4004 год до н.э. оказался, хотя предки этого и не знали, очень важной датой: он отмечает примерное время возникновения первых представителей вида человеческих обществ, называемых цивилизацией.)

И еще, для наших предков Рим или Иерусалим означал гораздо больше, нежели просто город. Когда наши англосаксонские предки в конце VI века христианской эры были обращены Римом в христианство, они узнали латынь, открывшую им доступ к сокровищам религиозной и светской литературы, стали совершать паломничество в Рим и Иерусалим — и это в те времена, когда трудности и опасности путешествия далеко превосходили тяготы сегодняшнего передвижения даже в военное время. Наши предшественники, похоже, обладали широким мышлением, что представляет собой великое достоинство как в интеллектуальном, так и нравственном плане, ибо национальные истории неумопостигаемы в пределах собственного пространства и времени.

II

Во временном измерении нельзя понять историю Англии, если начать с того момента, когда первые англичане пришли в Британию, равно как нельзя понять историю Соединенных Штатов, ведя отсчет времени с прихода англичан в Северную

Цивилизация перед судом истории

Америку. В пространственном измерении точно так же вы не сможете понять историю страны, вырезав ее контур из карты мира и отбросив все, что берет начало вне конкретных границ этой страны.

Что же можно считать эпохальными событиями в национальной истории Соединенных Штатов и Соединенного Королевства? Листая историю от сегодняшнего дня в прошлое, я бы назвал две мировые войны, Промышленную революцию, Реформацию, западные географические открытия, Ренессанс, обращение в христианство. Теперь пусть кто-нибудь попробует объяснить историю либо Соединенных Штатов, либо Соединенного Королевства, не принимая во внимание эти кардинальные события вообще или считая их лишь локальными английскими или американскими эпизодами. Чтобы толковать эти крупнейшие события в истории любой из западных стран, придется взять за минимальную единицу отсчета не меньше, чем весь западный христианский мир. Под западным христианским миром я понимаю римско-католический и протестантский мир, то есть сторонников Римского епископата, как сохранивших лояльность Папскому престолу, так и отрекшихся впоследствии от него.

Но и история западного христианства также неинтеллигентна в рамках собственного пространства и времени. Хотя как единица отсчета западное христианство и более приемлемо для исторического исследования, чем, скажем, Соединенные Штаты, Соединенное Королевство или Франция, но и оно по зрелом размышлении оказывается неадекватным. Во времени оно восходит лишь к концу Средневековья, непосредственно за падением западной части Римской империи, то есть отстоит от нас не более чем на 1300 лет, а 1300 лет — это меньше четверти тех шести тысяч лет, в течение которых существует вид общества, представленный западным христианством. Западное христианство как цивилизация принадлежит к последнему из трех поколений цивилизаций, существовавших до сих пор.

В пространственном отношении узость пределов западного христианства поражает еще больше. Если посмотреть на физическую карту мира в целом, то мы увидим, что небольшая часть нашей планеты, занятая сушей, состоит из единственного континента — Азии, — который имеет несколько полуостровов и островов, расположенных вдали от суши. Так до каких же дальних пределов сумело распространиться западное христианство? Мы найдем его на Аляске и в Чили, если двигаться на запад, и в Финляндии и Далмации — если двигаться на восток. То, что лежит между ними, и есть самое широкое пространство Западного христианства. Так какой же величины это пространство? Всего лишь оконечность Европейского полуострова Азиатского континента, да еще пара крупных островов. (Под этими крупными островами я, разумеется, подразумеваю Северную и Южную Америку.) Даже если мы добавим сюда далекие и ненадежные форпосты западного мира в Южной Африке, Австралии и Новой Зеландии, все равно его сегодняшней ареал составит лишь очень небольшую часть общей обитаемой поверхности планеты. И невозможно постичь историю западного христианства лишь в пределах его географических границ.

Западный христианский мир есть производная от христианства, однако зародилось христианство не на Западе; оно возникло вне границ западного христианского мира, в регионе, который нынче лежит на территории другой цивилизации, ислама. Западные христиане лишь однажды предприняли попытку отбить у мусульман колыбель нашей религии в Палестине. Если бы крестовые походы оказались успешными, западное христианство слегка расширило бы свои точки опоры на важнейшем Азиатском материке. Но Крестовые походы закончились неудачей.

Западное христианство — это всего лишь одна из пяти цивилизаций, которые сохранились в мире сегодня; да и они — всего лишь пять из примерно двадцати, которые можно идентифицировать как таковые с момента появления первого представителя такого вида обществ, что произошло около шести тысяч лет назад.

III

Возьмем для начала четыре другие существующие цивилизации; если прочность опоры цивилизации на континенте — под чем я подразумеваю сплошную сушу Азии — может считаться приблизительным показателем вероятной продолжительности жизни цивилизации, то четыре другие существующие ныне цивилизации «живучее» (если воспользоваться жаргоном страхового бизнеса), чем наша собственная.

Родственная нам цивилизация — православное христианство — охватывает континент от Балтики до Тихого океана и от Средиземноморья до Северного Ледовитого океана, занимая северную половину Азии и восточную половину Европейского полуострова. Россия выходит «на зады» всех остальных цивилизаций: со стороны Белоруссии и Северо-Восточной Сибири она смотрит соответственно на польскую и Аляскинскую оконечности нашей западной цивилизации; со стороны Кавказа и Средней Азии — на исламский и индуистский миры; со стороны Центральной и Восточной Сибири она выходит на «задний двор» дальневосточного мира.

Наша единокровная сестра — исламская цивилизация — также имеет прочный фундамент на континенте. Царство ислама распростерлось от самого сердца Азиатского континента в Северо-Западном Китае до западного берега Африканского полуострова Азии. У Дакара исламский мир контролирует подходы с континента к проливам, отделяющим Африканский полуостров Азии от острова Южная Америка. Ислам имеет и крепкий опорный пункт на азиатском полуострове Индостан.

Что же касается индуистского и дальневосточного обществ, то нет нужды доказывать, что 400 миллионов индийцев и от 400 до 500 миллионов китайцев имеют прочный фундамент на континенте.

Однако мы не должны преувеличивать значение любой из существующих цивилизаций только на том основании, что

они существуют в данный момент. Если вместо общепринятого понятия «продолжительность жизни» использовать понятие «достижения», то примерным показателем относительно достижений можно считать то, сколько данная цивилизация произвела на свет личностей, подаривших человечеству свет и благо.

Итак, кто же эти личности, величайшие благодетели нынешней генерации человечества? Я бы назвал таких, как Конфуций и Лао-цзы, Будда, пророки Израиля и Иудеи, Заратустра, Иисус и Магомет, Сократ. И никто из этих благодетелей человечества на все времена не принадлежит ни к одной из пяти существующих цивилизаций. Конфуций и Лао-цзы рождены исчезнувшей дальневосточной цивилизацией раннего поколения; Будда — дитя угасшей индской цивилизации раннего поколения; Осия, Заратустра, Иисус и Магомет рождены исчезнувшей сирийской цивилизацией; Сократ — дитя умершей греческой цивилизации.

В последние 400 лет все пять живущих цивилизаций вступили в контакт друг с другом в результате инициативы, принятой двумя из них: экспансии западного христианства от оконечности Европейского полуострова Азии через океан и экспансии православного христианства по суше через всю ширь Азиатского континента. Экспансию западного христианства характеризуют две специфические черты: будучи заокеанской, она является единственной на сегодня всемирной экспансией в том смысле, что захватывает всю обитаемую поверхность планеты; а благодаря «покорению пространства и времени» при помощи современных технических средств распространение материальных достижений западной цивилизации как никогда сблизило различные части земного шара. Но даже при этом экспансия западной цивилизации отличается от экспансии русского православия, равно как и от экспансии других цивилизаций в прежние времена, лишь количественно, но не качественно.

Существовали и более ранние экспансии, внесшие значительный вклад в нынешнюю унификацию человечества, а

Цивилизация перед судом истории

значит, и в ее следствие — унификацию нашего видения человеческой истории. Исчезнувшая ныне сирийская цивилизация была продвинута финикийцами до атлантических берегов Европейского и Африканского полуостровов Азиатского континента на западе и химьяритами и несторианами. Она распространилась в двух направлениях через морские воды, а в третьем направлении — по суше. Всякий, кто приедет в Пекин, может увидеть поразительное свидетельство трансконтинентальных культурных завоеваний сирийской цивилизации. В трехязычных надписях маньчжурской династии в Пекине маньчжурские и монгольские тексты написаны не китайским письмом, а сирийской разновидностью нашего алфавита.

В качестве других примеров экспансии ныне угасших цивилизаций можно назвать распространение греческой цивилизации к западу морем до Марселя самими греками, к северу до Рейна и Дуная — римлянами и сушей к востоку до внутренних районов Индии и Китая — македонянами; а также экспансию шумерской цивилизации во всех направлениях по суше из ее колыбели — Ирака.

IV

В результате этих последовательных экспансий различных цивилизаций весь обитаемый мир объединился в одно огромное общество. Движение, в конечном итоге завершающее этот процесс, — это нынешняя экспансия западного христианства. Однако нам следует иметь в виду, во-первых, что эта экспансия всего лишь довершила унификацию мира, то есть была лишь исполнителем последней стадии общего процесса, и, во-вторых, что, хотя унификация мира и была достигнута усилиями Запада, сегодняшнее западное господство — и это совершенно очевидно — не продержится долго.

В объединенном мире восемнадцать незападных цивилизаций — четыре живых и четырнадцать угасших, — без сомнения, еще заявят о себе. И по мере того как через новые века и поколения объединенный мир постепенно будет находить путь к равновесию между различными составляющими его культурами, западная составляющая со временем займет то скромное место, на которое она и может рассчитывать в соответствии с ее истинной ценностью в сравнении с теми другими культурами — живыми и угасшими, — которые западная экспансия привела в соприкосновение друг с другом и с собой.

История, увиденная в этом ракурсе, я чувствую, делает вызов историкам не только нашего поколения, но и всех последующих поколений. Если мы намерены сделать все, что в наших силах, чтобы сослужить важную службу — помочь своим собратьям сориентироваться в унифицированном мире, — мы должны напрячь свое воображение и силу воли, чтобы вырваться из темницы локальной мимолетной истории наших стран и культур и приучить себя к синоптическому взгляду на историю в целом.

Нашей первой задачей будет рассмотреть — и представить остальному человечеству — историю всех известных цивилизаций, как живых, так и ушедших, как единое целое. По моему мнению, есть два способа сделать это.

Один путь — это исследовать столкновения между цивилизациями, о четырех случаях которых я уже упоминал. Эти встречи цивилизаций исторически поучительны не только потому, что собирают несколько цивилизаций в единый фокус, но и потому, что из этих встреч и столкновений рождаются высшие религии — поклонение Богоматери и ее Сыну (возможно, шумерского происхождения), который страдает, умирает и воскресает вновь; иудаизм и зороастризм, возникшие на стыке сирийской и вавилонской цивилизаций; христианство и ислам, возникшие при соприкосновении сирийской и греческой цивилизаций; Махаяна, форма буддизма и ин-

Цивилизация перед судом истории

дуизма, возникшая при столкновении индийской и греческой цивилизаций. Будущее человечества, если оно намерено иметь будущее, зависит, я считаю, от этих высших религий, возникших за последние четыре тысячелетия (собственно, все, кроме первой, — в последние три тысячи лет), а отнюдь не от цивилизаций, чьи встречи дали жизнь этим высшим религиям.

Второй путь исследования истории всех известных цивилизаций в целом — это сделать сравнительное исследование индивидуальной истории каждой из них, рассматривая их как некое количество представителей определенного вида человеческого общества. Если мы нарисуем схему основных фаз истории цивилизаций — рождение, рост, надлом и падение, — мы сможем сравнить их опыт от фазы к фазе; действуя таким методом, мы, вероятно, сможем сопоставить общие моменты в их истории как некие специфические черты, отделив их от единичных моментов, представляющих черты индивидуальные. Таким способом мы сможем разработать морфологию видов общества, называемых цивилизацией.

Если, пользуясь этими двумя методами исследования, мы сможем прийти к универсализированному постижению истории, то нам, видимо, придется сделать далеко идущие поправки в той перспективе, в какой история различных цивилизаций и народов видится сквозь наши сегодняшние специфические западные очки.

Собираясь настраивать нашу оптику, мы поступим разумно, если сделаем одновременно два альтернативных допущения. Одно из них — что будущее человечества в конце концов не обязательно должно быть трагическим и что, даже если Вторая мировая война окажется не последней, мы переживем эту серию мировых войн, как пережили первые два раунда, и в конечном счете выйдем в спокойные воды. Другая возможность — это то, что первые две мировые войны есть лишь прелюдия к некоей высшей катастрофе, которую мы на себя неминуемо навлечем.

Второй, более неприятный вариант превратился в практическую возможность в результате того, что человечество научилось обращаться с атомной энергией прежде, чем ему удалось упразднить институт войны. Эти противоречия и парадоксы в жизни современного мира, которые я взял за точку отсчета, выглядят симптомами серьезного социального и духовного заболевания, и их существование — одна из зловещих характеристик современной истории — еще одно указание на то, что нам следует рассматривать второй, весьма неприятный для нас вариант как серьезную возможность, а не просто как злую шутку.

При рассмотрении любой из альтернативных возможностей, я считаю, нам, историкам, надлежит сконцентрировать свое внимание — и направить внимание наших слушателей и читателей — на истории тех цивилизаций и народов, которые в свете их прошлых проявлений способны выйти в объединенном мире на первый план при любой из альтернативных перспектив, возможно ожидающих человечество.

V

Если будущее человечества в объединенном мире окажется в целом счастливым, то я предвижу, что в Старом Свете будущее — за китайцами, а в Северной Америке — за франкоговорящими канадцами. Каким бы ни было будущее человечества в регионе Северной Америки, я абсолютно уверен, что уж франкоговорящие канадцы по крайней мере будут на своем месте, как бы ни повернулись события.

Если предположить, что будущее человечества окажется очень трагичным, я бы еще совсем недавно сказал, что будущее, какое бы оно ни было, за тибетцами и эскимосами, ибо оба эти народа занимали до недавнего времени весьма укромные позиции. «Укромные», разумеется, означает «укрытые

Цивилизация перед судом истории

от опасностей, возникающих вследствие человеческой глупости и подлости, а не от суровости окружающей среды». Человечество стало хозяином окружающей среды (в достаточной степени для практического ее использования) еще со времен среднего палеолита; с тех пор единственная опасность — но опасность смертельная — исходит от самого человечества. Но теперь и родные места тибетцев и эскимосов уже не укрыты ни от чего, ибо мы на пороге перелетов через Северный полюс и через Гималаи, и вполне вероятно, что как Северная Канада, так и Тибет могут стать театром военных действий в будущей русско-американской войне.

Если человечество сойдет с ума, одержимое атомным оружием, я лично надеюсь, что хоть малую толику наследия человечества сумеют сохранить пигмеи-негритосы в Центральной Африке. Их восточные родственники на Филиппинах и Малайском полуострове, очевидно, должны будут погибнуть вместе со всеми, поскольку и те и другие живут в регионе, ставшем опасно уязвимым.

Африканские негритосы, как считают наши антропологи, сохраняют неожиданно чистые и высокие понятия о природе Бога и характере отношений между Богом и человеком. Они могли бы дать человечеству возможность начать все сначала; и хотя при этом мы потеряли бы достижения последних шести или десяти тысяч лет, но что значат какие-то десять тысяч лет в сравнении с 600 тысячами или миллионом лет, в течение которых существует человеческая раса?

Крайним следствием катастрофы является возможность потерять весь человеческий род, вместе с африканскими пигмеями.

Как свидетельствует прошлая история жизни на этой планете, такую возможность полностью исключить нельзя. В конце концов, царство человека на Земле — если мы правы, думая, что человек установил свое нынешнее господство в середине палеолита, — насчитывает пока всего лишь около 100 тысяч лет, а что это за срок по сравнению с 500 или

800 миллионами лет существования жизни на этой планете? В прошлом царили другие формы жизни, причем царили несравненно дольше, но ведь они также приходили к концу. Было царство гигантских панцирных рептилий, которое длилось, возможно, около 80 миллионов лет, примерно от 130 до 50 миллионов лет назад. Но царство рептилий кончилось. Задолго до того, вероятно, около 300 миллионов лет назад, существовало царство гигантских панцирных рыб — созданий, которые уже тогда обладали невероятным достижением — двигающейся нижней челюстью. Но и царство рыб-гигантов пришло к концу.

Крылатые насекомые, по всей видимости, возникли примерно 250 миллионов лет назад. Вероятно, высшие крылатые насекомые — общественные существа, предвосхитившие человечество в создании институциональной жизни, — еще ждут своего часа, когда придет их царство на Земле. Если бы муравьи и пчелы однажды приобрели тот проблеск интеллектуального понимания, которым наделен человек, и если бы они попытались увидеть историю в перспективе, возможно, они посчитали бы пришествие млекопитающих и краткий период царства человеческого млекопитающего как почти несущественные эпизоды, «полные ничего не значащих пустых слов».

Вызов нам, нашему поколению состоит в том, чтобы сделать все возможное, чтобы такое толкование истории не оправдалось.

ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

I

Если бы это был не очерк, а проповедь, то неизбежно прозвучала бы знаменитая фраза из Горация: «*Naturam expellas furca, famen usquerecivet*» («Гони природу в дверь, она влетит в окно»).

Нынешний режим в России утверждает, что распрощался с прошлым России полностью, если и не в мелких, несущественных деталях, то по крайней мере во всем основном, главном. И Запад готов был верить, что большевики действительно делают то, что говорят. Мы верили и боялись. Однако, поразмыслив, начинаешь понимать, что не так-то просто отречься от собственного наследия. Когда мы пытаемся отбросить прошлое, оно — Гораций знал, что говорил, — исподволь возвращается к нам в чуть завуалированной форме. Ряд хорошо известных примеров поможет нам лучше понять это.

В 1763 году могло показаться, что британское завоевание Канады круто изменило политическую карту Северной Америки, положив конец расчленению континента в результате

соперничества между французами и англичанами во время колонизации долины Св. Лаврентия и Атлантического побережья; однако это революционное изменение оказалось иллюзорным. Два британских владения, объединенные в 1763 году, вновь разделились в 1783 году. Правда, при этом новом делении вместо Атлантического побережья британской теперь стала долина Св. Лаврентия. Но эта транспозиция британского владения в Северной Америке была лишь мелкой вариацией в сравнении с тем, что после двух десятилетий единства континент вновь был разделен на две отдельные политические фракции.

Подобным же образом казалось, что Реставрация 1660 года тоже круто изменила религиозную жизнь Англии, воссоединив английскую протестантскую церковь, расколовшуюся в конце XVI века на епископальную и пресвитерианскую. Но и здесь внешняя сторона оказалась иллюзией, ибо отход в XVI веке от епископальной системы лишь привел к ее возрождению в XVIII веке, причем в новой форме сектантства — методистской церкви.

Так и во Франции ортодоксальная римско-католическая церковь вновь и вновь обманывалась в своей надежде установить религиозное единство раз и навсегда путем подавления ереси. Альбигойцы были подавлены только затем, чтобы возродиться в гугенотах. Когда гугеноты, в свою очередь, были подавлены, они вернулись в виде янсенистов, которые из всех римско-католических направлений были ближе всего к кальвинистам. Когда янсенисты были уничтожены, они вновь возникли уже как деисты; и сегодня деление французов на клерикальную и антиклерикальную фракции все еще воспроизводит раскол XIII века между католиками и адопционистами (как бы там ни назывались доктрины, которых придерживались альбигойцы), несмотря на неоднократные за эти семь веков попытки принудить французов к религиозному объединению.

Цивилизация перед судом истории

Попробуем в свете этих очевидных исторических примеров на тему Горация взглянуть на отношение сегодняшней России к российскому прошлому.

Марксизм выглядит неким новым порядком в России, ибо, как и тот новый стиль, что ранее ввел Петр Великий, он пришел с Запада. Если бы эти приступы вестернизации были стихийными и добровольными, то, вероятно, их можно было бы рассматривать как новый курс. Однако была ли вестернизация России добровольной или совершалась по принуждению?

Автор имеет свой взгляд на эту проблему: почти тысячу лет русские, по его мнению, принадлежали не к нашей западной цивилизации, но к византийской — сестринскому обществу того же греко-римского происхождения, но тем не менее совершенно другой цивилизации. Российские члены византийской семьи всегда резко противились любой угрозе попасть под влияние западного мира и продолжают противиться по сей день. Чтобы обезопасить себя от завоевания и насильственной ассимиляции со стороны Запада, они постоянно заставляют себя овладевать достижениями западной технологии. Этот *tour de force* (рывок) был совершен по крайней мере дважды в русской истории: первый раз Петром Великим, второй — большевиками. Эта попытка должна была повториться, ибо западные технологии развивались и уходили вперед. Петру Великому пришлось самому овладеть на Западе мастерством корабельного плотника и искусством военной муштры XVII века. Большевики бросились вдогонку западной Промышленной революции. И только-только им удалось это сделать, как Запад сделал новый рывок вперед, овладев ноу-хау производства атомной бомбы.

Все это ставит русских перед дилеммой. Чтобы спастись от опасности принудительной и полной вестернизации, они предпочитают перенимать у Запада кое-что выборочно, и здесь им приходится брать инициативу на себя, чтобы этот неприятный процесс прошел вовремя и держался в нужных

рамках. Возникает, естественно, судьбоносный вопрос: может ли кто-нибудь заимствовать чужую цивилизацию частично, не рискуя быть постепенно втянутым в принятие ее целиком и полностью?

Думается, ответ на этот вопрос можно найти, взглянув на основные этапы истории отношений России с Западом. На Западе бытует понятие, что Россия — агрессор, и если смотреть на нее нашими глазами, то все внешние признаки этого налицо. Мы видим, как в XVIII веке при разделе Польши Россия поглотила львиную долю территории; в XIX веке она угнетатель Польши и Финляндии и архиагрессор в послевоенном сегодняшнем мире. На взгляд русских, все обстоит ровно наоборот. Русские считают себя жертвой непрекращающейся агрессии Запада, и, пожалуй, в длительной исторической перспективе для такого взгляда есть больше оснований, чем нам бы хотелось. Сторонний наблюдатель, если бы таковой существовал, сказал бы, что победы русских над шведами и поляками в XVIII веке — это лишь контрастступление и что захват территории в ходе этих контрастступлений менее характерен для отношений России с Западом, нежели потери с ее стороны до и после этих побед.

Варяги, заложившие первооснову русского государства путем захвата контроля над внутренними судоходными путями, что дало им власть над примитивными славянскими племенами в глубине страны, являлись, видимо, скандинавскими варварами, которых сдвинуло с места и привело в движение, и на запад и восток, распространение к северу западного христианства при Карле Великом. Их потомки в собственной стране были обращены в западное христианство и появились вновь на российском горизонте как современные шведы: язычники, обращенные в еретиков, не излечившиеся от агрессивных устремлений. Другой пример: в XIV веке лучшая часть исконной российской территории — почти вся Белоруссия и Украина — была оторвана от русского православного христианства и присоединена к западному христи-

Цивилизация перед судом истории

анству после завоевания этих земель литовцами и поляками. (Польские завоевания исконной русской территории в Галиции были возвращены России лишь в последней фазе мировой войны 1939—1945 годов.)

В XVII веке польские захватчики проникли в самое сердце России, вплоть до самой Москвы, и были отброшены лишь ценой колоссальных усилий со стороны русских, а шведы отрезали Россию от Балтики, аннексировав все восточное побережье до северных пределов польских владений. В 1812 году Наполеон повторил польский успех XVII века; а на рубеже XIX и XX веков удары с Запада градом посыпались на Россию, один за другим. Германцы, вторгшиеся в ее пределы в 1915—1918 годах, захватили Украину и достигли Кавказа. После краха немцев наступила очередь британцев, французов, американцев и японцев, которые в 1918—1920 годах вторглись в Россию с четырех сторон. И наконец, в 1941 году немцы вновь начали наступление, более грозное и жестокое, чем когда-либо. Верно, что и русские армии воевали на западных землях, однако они всегда приходили как союзники одной из западных стран в их бесконечных семейных ссорах. Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами значительно чаще, чем наоборот.

Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации, и вплоть до самой большевистской революции 1917 года этой русской «варварской отметиной» была Византийская цивилизация восточноправославного христианства. Русские приняли православие в конце X века, и нужно подчеркнуть, что это был осознанный выбор с их стороны. В качестве альтернативы они могли последовать примеру степных хазар, принявших в VIII веке иудаизм, или, скажем, волжских булгар, которые обратились к исламу в X веке. Несмотря на эти прецеденты, русские отчетливо сделали свой выбор, приняв

восточноправославное христианство от Византии; а после захвата Константинополя турками в 1453 году и исчезновения последних остатков Восточной Римской империи Московское княжество, которое к тому времени стало оплотом борьбы русского православного христианства и против мусульман, и против католиков, застенчиво и без лишнего шума приняло на себя византийское наследие.

В 1472 году Великий князь Московский Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице последнего в Константинополе греческого обладателя короны Восточной Римской империи. В 1547 году Иван IV (Грозный) короновал себя как царь, или восточноримский император; и хотя место не было занято, присвоение такого титула было дерзостью, учитывая, что в прошлом русские князья входили в паству Киевского или Московского митрополита, а тот, в свою очередь, подчинялся Вселенскому патриарху Константинопольскому — иерарху, который и сам был в политической зависимости от греческого императора в Константинополе, чей титул и прерогативы и взял на себя Великий князь Московский Иван IV Грозный. Последний и решительный шаг был сделан в 1589 году, когда правящего Вселенского патриарха Константинопольского, теперь уже турецкого подданного, побудили или заставили — во время его визита в Москву — поднять статус ранее подчиненного ему митрополита Московского до титула независимого патриарха. И хотя греческий Вселенский патриарх и по сей день признается «первым среди равных» глава православных церквей — которые, хотя и исповедуют единое учение и обряды, иерархически независимы друг от друга, — русская православная церковь с момента предоставления ей независимости стала де-факто наиболее значительной из всех православных церквей, поскольку она намного превосходила остальные численностью и, кроме того, единственная из всех пользовалась мощной государственной поддержкой.

Цивилизация перед судом истории

Начиная с 1453 года Россия стала единственной сколько-нибудь значимой и авторитетной православной страной, не попавшей под влияние мусульман, а захват турками Константинополя был отмщен столетие спустя, когда Иван Грозный отвоевал Казань у татар. Это был новый шаг в освоении византийского наследия, и Россия не просто была приговорена к этой роли слепыми и безличными силами истории. Русские хорошо понимали, на что они шли: в XVI веке их политика была с подкупающей ясностью и уверенностью обрисована в знаменитом письме монаха Феофила Псковского, адресованном Великому князю Московскому Василию III, чье правление пришлось на период между Иваном III и Иваном IV:

«Церковь Древнего Рима пала из-за своей ереси; врата Второго Рима — Константинополя — были изрублены топорами неверных турок; но церковь Московии — Нового Рима — блистает ярче, чем Солнце во всей Вселенной... Два Рима пали, но Третий стоит крепко, а четвертому не бывать».

Узурпируя таким образом сознательно и намеренно византийское наследие, русские вместе со всем прочим восприняли и традиционное византийское отношение к Западу, что оказывало глубочайшее влияние на собственно российское отношение к Западу не только до революции 1917 года, но и после нее.

Византийское мнение о Западе не отличается особой сложностью, и его не так уж трудно понять людям Запада. На самом деле нам бы следовало даже сочувствовать ему, ибо оно проистекает из той же чрезвычайно нелогичной веры, которой мы и сами придерживаемся. Мы, «франки» (как называют нас византийцы и мусульмане), искренне верим, что являемся избранными наследниками Израиля, Греции и Рима — Наследниками Обетования, за которыми, естественно, будущее. Нас в этой вере не поколебали даже последние открытия в геологии и астрономии, так беспредельно раздвинувшие границы нашей Вселенной во времени и пространс-

тве. От первородной туманности к одноклеточным, от одноклеточных — к первобытному человеку и далее мы все еще прослеживаем божественно предначертанную генеалогию, телеологически достигающую апогея именно в нас. Византийцы делают то же самое, с той только разницей, что они приписывают себе право первородства, которое, по нашим западным убеждениям, принадлежит нам. Византийская версия мифа говорит, что не франки, а византийцы являются Наследниками Обетования, избранным народом. Этот момент верования имеет одно совершенно практическое следствие. Когда Византия и Запад вступают в противостояние, Византия всегда права, а Запад всегда не прав.

Совершенно очевидно, что эти ортодоксальность и вера в предопределение, воспринятые русскими от византийских греков, столь же характерны для современного коммунистического режима, как и для прежнего, православно-христианского правления в России. Марксизм, разумеется, западное мировоззрение, но именно западное-то мировоззрение и разрушает западную цивилизацию; вот почему русскому человеку XX века, отцом которого был славянофил XIX века, а дедом — истый православный христианин, легко было стать убежденным марксистом. При этом не возникало необходимости изменять унаследованное им отношение к Западу. Для русского марксиста, как и для славянофила или православного христианина, Россия — всегда «Священная Россия», а западный мир, мир Борджиа и королевы Виктории, мир «Самопомощи» Смайлса или Таммани Холла, безусловно и навсегда погряз в ереси, коррупции и разложении. Мировоззрение, позволяющее русскому народу сохранять неизменным это традиционно негативное отношение к Западу и одновременно служить своему правительству инструментом индустриализации России, с тем чтобы уберечь ее от завоевания уже индустриализованным Западом, — это тот самый удобный, ниспосланный свыше дар богов, который сам падает в руки Избранного народа.

II

Постараемся несколько глубже взглянуть в византийское наследие России, которое и сегодня не утратило своего влияния на марксистскую Россию. Если мы обратим свой взгляд на первую, греческую главу византийской истории в Малой Азии и Константинополе в самом начале Средних веков, какие наиболее характерные черты нашего сестринского общества бросятся нам в глаза? Над всем остальным преобладают две черты: убеждение (уже упомянутое), что Византия всегда права, и институт тоталитарного государства.

Убеждение в своей неизменной правоте впервые зародилось в душах греков в тот момент истории, когда — еще задолго до обретения чувства превосходства над Западом — они сами пребывали в весьма невыгодном и униженном положении. После целых веков политической неразберихи греки наконец-то обрели мир и покой, навязанный им римлянами. Для греков Римская империя была жизненной необходимостью и одновременно невыносимым оскорблением их гордости. Это поставило их перед серьезной психологической дилеммой. Выход они нашли в том, что прибрали к рукам Римскую империю. В эпоху Антонинов греческие писатели и философы овладели идеей Римской империи, представив ее как практическое воплощение идеального царства по Платону, а греческие деловые люди получили доступ к государственной службе. В IV веке н.э. римский император Константин основал в Византии на месте древнего греческого города Новый Рим. Константинополь по замыслу его латинского основателя должен был стать настолько же латинским городом, как и сам Рим, но к эпохе Юстиниана — двумя столетиями позже — Византия вновь стала греческой, хотя Юстиниан был страстным ревнителем латыни, его родного языка. В V веке н.э. Римская империя сохранялась — после краха ее западной части, включая и саму Италию, — только в грече-

ских и полуэллинизированных восточных провинциях. На рубеже VI и VII веков, во времена папы Григория Великого, латинский Древний Рим оставался бесхозным, заброшенным аванпостом империи, центром которой стал теперь греческий Новый Рим.

Даже сегодня, если вы спросите греческого крестьянина, кто он есть, и он на минутку забудет, что в школе его учили отвечать на это «эллин», то он скажет вам, что он «ромейос», то есть греческий православный подданный вечной и идеальной Римской империи со столицей в Константинополе. Употребление слова «эллин» для обозначения современного грека — это возрождение архаизма; слово стало широко употребляться с VI века христианской эры, и теперь антитеза «римлянин» (грекоговорящий приверженец православной церкви) — «эллин» (язычник) — заменила прежнюю классическую антитезу «эллин» (цивилизованный человек) — «варвар». Это может показаться революционным изменением, однако природа все равно «влетит в окно», ибо один момент — и для греков важнейший — остался неизменным, несмотря на все перемены: грек всегда прав. До тех пор пока греческая языческая культура почитается как высший критерий превосходства, грек упивается своим эллинским происхождением. Но как только роли меняются и эллинство, в свою очередь, свергается с трона и объявляется колыбелью варварства во мгле веков, грек меняет тон и провозглашает себя подданным христианской Римской империи, пусть эллинство потеряет лицо, но только не грек.

Таким образом, ловко отстояв свое звание истинного наследника трона, чей бы он ни был, греческий православный христианин идет дальше и «пригвозждает» к позорному столбу католическое христианство. В IX веке греческий Вселенский патриарх Константинопольский Фотий указал, что западные христиане впали в ересь. Они исказили Символ Веры, включив туда неканоническое «filioque». Византия всегда права, но в тот момент у нее имелась особая причина

Цивилизация перед судом истории

подчеркнуть заблуждения западного христианства. Фотий сделал свое дискредитирующее теологическое открытие относительно католиков во время первого раунда политических баталий между византийским и западным христианством, в которых сам Фотий был ведущей боевой силой.

То состязание, как и сегодня между Соединенными Штатами и Советским Союзом, велось за политическое и идеологическое влияние на ничейное пространство, лежавшее между двумя противоборствующими силами. В IX веке язычники, которые во время «переселения народов» заняли юго-восточную часть Европы и распространились от ворот Константинополя до ворот Вены, начали испытывать тяготение к христианской цивилизации своих соседей. К какому из христианских миров они обратятся за просвещением? К греческому православию Византии? Или к латинскому католическому христианству франков? Благоразумие подсказывало, что предпочтительнее обратиться к той из держав, что географически более удалена и, следовательно, менее опасна в политическом плане; поэтому моравские язычники, жившие лицом к лицу с франками, обратились к Константинополю, а болгарские язычники, обитавшие рядом с Византией, обратились к Риму — так же как сегодняшние Греция и Турция, лежащие на пороге России, а не Америки, повернулись лицом к Вашингтону, а не к Москве. Как только выбор был сделан и стало ясно, что он не отвергнут, началась борьба Запада и Византии за Юго-Восточную Европу, и ставки были столь высоки, что соперничество готово было обернуться столкновениями. Кризис, который Фотий подвел к кульминации, был неожиданно оттеснен на второй план вторжением венгров. Когда эта новая орда язычников к концу IX века укрепилась по обе стороны Дуная, восточное православие и католичество оказались вновь удобно разьединенными. Но с обращением венгров в западное христианство, что произошло в конце X века, ссора между двумя соперничающими направлениями христианства возобно-

лась с новой силой и быстро вылилась в полный и окончательный раскол — схизму 1054 года.

После этого гордость Византии подверглась целой серии ужасных испытаний. Франки-христиане и турки-мусульмане набросились на византийский мир одновременно. Лишь внутренние области России, земли вокруг Москвы, остались целостной частью восточноправославного мира, не потерявшей своей политической независимости. Исконные территории византийской цивилизации — и в Малой Азии, и на Балканском полуострове — были полностью подавлены, а в последней фазе их разгрома, накануне второго, и последнего, падения Константинополя в 1453 году единственное, что оставалось грекам, — это возможность выбрать любое ярмо из двух, одинаково ненавистных и чуждых. Перед лицом этого горестного выбора православные греки Средневековья с горячностью отвергли иго своих западнохристианских братьев и с открытыми глазами предпочли — как меньшее зло — ярмо турок-мусульман. Они «предпочли тюрбан Магомета в Константинополе папской тиаре или Кардинальской шапке».

Чувства, которые predeterminedили этот знаменательный выбор, отражены в литературных трудах. В Средние века, как и сегодня, антипатия между двумя наследниками Рима была обоюдной. Прочтите отчет ломбардского епископа Лиутиранда саксонским императорам Отгону I и Отгону II о его дипломатической миссии к византийскому двору в Константинополе в 968 году. Если на минуту забыть дату отчета, обратив внимание лишь на тон и настроение, то можно подумать, что автор — американец, посетивший Москву в любое время после 1917 года. Прочтите также книгу византийской принцессы Анны Комнины об истории правления ее отца, императора Алексея, которому пришлось столкнуться с первым крестовым походом. Такое впечатление, что автор — образованная француженка, описывающая нашествие на Париж волны американских туристов со Среднего Запада, во всяком случае, эта аналогия уместна до тех пор, пока она не начина-

Цивилизация перед судом истории

ет описание арбалета — нового смертоносного оружия, которое каким-то необъяснимым образом открыли западные люди (несмотря на то что они не правы всегда и во всем). Вот если бы его сумели открыть византийцы, чья доля — всегда быть правыми! Этот пассаж из книги Анны Комнины мог бы с успехом быть жалобой русских в 1947 году по поводу американской монополии на атомную бомбу.

Почему же византийский Константинополь потерпел крах? И почему, с другой стороны, византийская Москва сохранила свою целостность? Ключом к обоим историческим загадкам является установление Византией тоталитарного государства.

Империи, подобно Римской или Китайской, дарующие мир на века некогда охваченным войной странам, завоевывают вследствие этого столь сильную признательность и уважение своих подданных, что последние просто не мыслят свою жизнь вне Империи и соответственно не могут поверить, что когда-нибудь этот, по всей видимости, незаменимый институт может прекратить свое существование. Когда исчезла Римская империя, ни современники, ни последующие поколения, отказываясь смотреть в лицо фактам, так и не согласились признать ее кончину; они при первой возможности постарались привести эти факты в соответствие со своими иллюзиями, вызвав к жизни дух Римской империи. В VIII веке христианской эры были предприняты решительные попытки оживить Римскую империю и на Западе, и на Востоке. На Западе попытка Карла Великого обернулась счастливой неудачей; а вот попытка, предпринятая в Константинополе Львом Сирийцем, увенчалась роковым успехом.

Критическим последствием успешного воссоздания средневековой Восточной Римской империи в колыбели византийской цивилизации стало то, что восточноправославная церковь попала в зависимость от государства.

В языческом греко-римском мире религия была неотъемлемой частью светской общественной жизни. Христианс-

тво, возникшее без позволения Римской империи, отстаивало свою свободу в атмосфере преследований и объявлений вне закона. Когда имперское правительство пришло к соглашению с церковью, оно, по-видимому, ожидало, что христианство займет ту же подчиненную и зависимую позицию, какую прежде занимало официальное язычество *vis—vis* Римского государства; а в греческой сердцевине империи, которая действовала еще три столетия после обращения Константина, это ожидание реализовалось в той или иной степени — если вспомнить, что случилось со св. Иоанном Златоустом, когда он не поладил с императрицей Евдоксией, или историю с папой Вигилием, навлекшим неудовольствие императора Юстиниана. К счастью для церкви, ей удалось освободиться из клетки официоза благодаря краху империи. Даже в Константинополе Вселенский патриарх Сергий в период чрезвычайного кризиса VII века общался на равных с императором Ираклием, а на Западе, где империя распалась за два столетия до этого и больше по-настоящему так и не возродилась, церковь не только обрела свободу, но и сумела ее сохранить. В нашем западном мире церковь в основном сохранила свою независимость от государства, а временами даже пользовалась преимущественным влиянием на него. Современные свободные церкви в протестантских странах и средневековая католическая церковь в еще не разделенном тогда западно-христианском мире находятся в русле нашей западной традиции, в то время как вновь образованные церкви в протестантских странах оказались чем-то исключительным в западной истории. Более того, даже в тех случаях, когда в какой-либо западной стране церковь попадала в зависимое от светской власти положение, эти незападные отношения между церковью и государством смягчались климатом духовной независимости, характерным для западного христианства в целом. Напротив, в византийском мире успешное воссоздание империи в VIII веке лишило Восточноправославную церковь той свободы, которую она на краткий период обрела. Но она

Цивилизация перед судом истории

согласилась на новое заточение не без борьбы. Битва шла в течение примерно двухсот лет, но окончилась тем, что церковь, по существу, стала одним из подразделений средневекового Восточноримского государства, а государство, понижающее церковь до такого состояния, нельзя назвать иначе как тоталитарным, если наше сегодняшнее понимание термина «тоталитарный» подразумевает, что государство устанавливает контроль над всеми сторонами жизни своих субъектов.

Средневековое византийское тоталитарное государство, вызванное к жизни успешным воскрешением Римской империи в Константинополе, оказало разрушительное действие на византийскую цивилизацию. Оно было злым духом, который затмил, сокрушил и остановил развитие общества, вызвавшего этого демона. Богатейший потенциал византийской цивилизации, попавший в оковы тоталитарного государства, прорывается вспышками самобытности в регионах, лежащих за пределами действенной власти Восточной Римской империи либо в следующих поколениях, появившихся уже после гибели империи: это и духовный гений сицилийского монаха св. Нила, образовавшего в X веке новую Великую Грецию в Калабрии из греческих беженцев-христиан с его родного острова, и творческий гений критского художника XVI века Теотокопулоса, которым Запад восхищается, зная его под именем Эль Греко. «Специфическая организация» византийского общества не только подавляла все предпосылки к творчеству, она, как уже упоминалось, привела самую цивилизацию средневековой Византии к преждевременному краху, лишив византийский мир возможности расширяться, не ввергая себя в борьбу не на жизнь, а на смерть между греческими апостолами византийской культуры и их основными негреческими приверженцами.

Подчинение Вселенского патриарха Константинопольского восточноримскому императору создало неразрешимую дилемму, когда языческий князь принял христианство.

Если бы новообращенный стал церковным субъектом Вселенского патриарха, ему пришлось бы по определению признать политическое верховенство восточноримского императора, а это для него было совершенно непереносимо. С другой стороны, если бы он отстоял политическую независимость путем назначения собственного послушного ему патриарха, он фактически имел бы право претендовать на равное с императором положение, что было непереносимо для императора. Эта дилемма, однако, нимало не беспокоила новообращенного русского князя Владимира, равно как и его наследников, ибо отдаленность Руси от Константинополя лишила остроты теоретическое верховенство восточноримского императора. Однако такая ситуация беспокоила болгарских князей, чьи владения лежали прямо у европейского порога Восточной Римской империи; поэтому, когда Болгария в конце концов, после недолгого флирта с Римом, сделала выбор в пользу Византии, в византийском мире не нашлось места для сосуществования греческой православно-христианской Восточной Римской империи и славянской православно-христианской Болгарии. Результатом этого стала столетняя греко-болгарская война, окончившаяся в 1019 году полным поражением Болгарии, но одновременно нанеся победителю такие смертельные раны, что он, в свою очередь, в конце XI века не устоял перед атаками франков и турок. Единственной, кто устоял в византийском мире того времени, была Русь, не охваченная этими катаклизмами благодаря своей удаленности; вот так и случилось, что последний по времени из новообращенных в византийское христианство народов оказался избранным судьбой на роль Наследника Обета — роль, по рождению предназначенную, как считали византийцы, не для Запада, а для них самих.

Жизнь Руси, однако, была в общем и целом нелегкой. Несмотря на то что своей сохранностью в Средние века она обязана счастливым «географическим обстоятельствам», в дальнейшем ей приходилось не раз постоять за себя, опираясь

Цивилизация перед судом истории

только на собственные силы. В XIII веке она подвергалась нападению с двух сторон — татар и литовцев (как за два века до того греческая прародина Византии испытала нашествие турок и крестоносцев); и хотя в конце концов Россия одержала победу на вечные времена над своими восточными соперниками, ей по-прежнему приходится выдерживать напряженную гонку с наступающими технологическими новинками западного мира.

В этой долгой и беспощадной борьбе за сохранение своей независимости русские стали искать спасения в тех политических институтах, которые уже принесли гибель средневековой Византии. Полагая, что их единственный шанс на выживание лежит в жестокой концентрации политической власти, они разработали свой вариант тоталитарного государства византийского типа. Великое княжество Московское стало лабораторией для этого политического эксперимента, а вознаграждением за это стало объединение под эгидой Москвы целой группы слабых княжеств, собранных в единую сильную державу. Этому величественному русскому политическому зданию дважды обновляли фасад — сначала Петр Великий, затем Ленин, — но суть оставалась прежней, и Советский Союз сегодня, как и Великое княжество Московское в XIV веке, воспроизводит характерные черты средневековой Восточной Римской империи.

В таком тоталитарном государстве византийского типа церковь может быть хоть христианской, хоть марксистской, лишь бы она служила интересам светского государственного управления. Полемика между Троцким, который стремился сделать Советский Союз инструментом для продвижения мировой коммунистической революции, и Сталиным, мечтавшим сделать коммунизм инструментом для обеспечения интересов Советского Союза, — это все тот же старинный спор между Иоанном Златоустом и императрицей Евдоксией или между Федором Студитом и императором Константином VI. В современном споре, как и в средневековом ви-

зантийском, победа осталась за обладателем светской власти, в противоположность западной истории, где церковная власть одерживала неизменные победы в силовых поединках между Григорием VII и Генрихом IV или между Иннокентием IV и Фридрихом II.

Установление тоталитарного государства византийского типа пока не имело столь фатальных последствий для русского православного христианства, как для исконных территорий византийской цивилизации в Средние века, когда разразилась смертельная борьба между греками и болгарами. Но неизвестно, какой эффект произведет этот политический выбор в общем византийском наследии России в нынешнее время, когда ей предстоит наконец решить — занять ли подобающее место в западном мире или остаться в стороне и построить свой собственный антизападный контрмир. Можно предположить, что на окончательное решение России серьезное влияние окажет склонность к ортодоксальности и вера в предопределение, которые она тоже унаследовала от своего византийского прошлого. Как под распятием, так и под серпом и молотом Россия — все еще «Святая Русь», а Москва — все еще «Третий Рим». *Tamen usque recurret* (все возвращается на круги своя).

ИСЛАМ, ЗАПАД И БУДУЩЕЕ

В прошлом ислам и западный мир воздействовали друг на друга несколько раз в различных ситуациях и с переменным успехом.

Первое столкновение между ними случилось тогда, когда западное общество пребывало еще в младенческом возрасте, в то время как ислам был уже устоявшейся религией арабов в эпоху их подъема. Арабы к тому времени только что завоевали и объединили территории древних цивилизаций Ближнего Востока и пытались расширить свою империю до всемирных масштабов. В этом первом столкновении мусульмане захватили почти половину владений западного общества и едва не овладели ими целиком. Во всяком случае, они удерживали Северо-Западную Африку, Иберийский полуостров, галльскую «Готию» (побережье Лангедока между Пиренеями и устьем Роны); а полтора века спустя, когда наша нарождавшаяся западная цивилизация испытывала новый урон после падения империи Каролингов, мусульмане вновь выступили из своего африканского опорного пункта и на этот раз чуть не овладели Италией. Позднее, когда западная цивилизация преодолела опасность преждевременной гибели и начала стремительно развиваться, а исламское «почти всемирное» государство неудержимо клонилось к закату, роли поменя-

лись. Западные армии предприняли наступление по всему фронту, протянувшемуся по всему Средиземноморью, от Иберийского полуострова через Сицилию до «заморской земли» Сирии, а ислам, атакованный одновременно крестоносцами, с одной стороны, и кочевниками Центральной Азии — с другой, был загнан в угол так же, как когда-то христианский мир, вынужденный сдерживать непрекращающиеся набеги варваров с севера Европы и арабов с юга.

В этой смертельной схватке ислам, как и христианство прежде, блистательно уцелел. Центральноазиатские захватчики были обращены в ислам; франкские оккупанты были изгнаны, а что касается земель, то единственным долговременным результатом крестовых походов оказалось возвращение в западный мир двух исламских территорий — Сицилии и Андалусии. Разумеется, экономические и культурные последствия этого временного отступления ислама были значительно весомее. В экономическом и культурном отношении побежденный ислам пленил своих завоевателей, подарив искусство цивилизации грубому, неотесанному латинско-христианскому миру. В некоторых сферах человеческой деятельности, как, например, в архитектуре, исламское влияние распространилось на весь западный мир в так называемую эпоху Средневековья; что же касается двух отвоеванных территорий — Сицилии и Андалусии, — то там исламское влияние на государства — наследники Арабской империи было, естественно, еще шире и глубже. Однако это был еще не последний акт драмы, ибо попытка средневекового Запада искоренить ислам потерпела такой же полный провал, как и прежние попытки арабских строителей империи захватить колыбель нарождающейся западной цивилизации; и вновь неудачное наступление спровоцировало ответное нападение.

На этот раз ислам был представлен оттоманскими потомками новообращенных центральноазиатских кочевников, которые захватили и вновь объединили православно-христианские

Цивилизация перед судом истории

владения, а затем сделали попытку расширить свою империю до общемирового предела по образу и подобию арабов и римлян. После окончательного поражения крестоносцев Западное христианство было вынуждено защищаться от османского нашествия в течение позднего Средневековья и новой истории западного мира, причем не только на прежнем, средиземноморском, но и на новом, континентальном, фронте в бассейне Дуная. Эта оборонительная тактика, однако, была не столько свидетельством слабости, сколько великолепным примером полусознанной дальновидной стратегии, ибо Западу удалось остановить османское нашествие, не затрачивая слишком больших усилий; и в то время, как большая часть исламских сил была задействована в локальной приграничной войне, Запад направил свои силы на освоение океана и тем самым на потенциальное мировое господство. Таким образом, он не только опередил мусульман в открытии и захвате Америки, но вторгся и в земли, имевшие перспективу для мусульманской церкви, — Индонезию, Индию, Тропическую Африку и наконец, окружив исламский мир, забросив в него свои сети, Запад начал атаку на своего старого врага в его собственном логове.

Эти концентрические атаки современного Запада на исламский мир ознаменовали и нынешнее столкновение между двумя цивилизациями. Очевидно, что это часть более крупного и честолюбивого замысла, где западная цивилизация имеет своей целью не больше и не меньше как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и на воде и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию. То, что Запад совершает сейчас с исламом, он одновременно делает и со всеми существующими ныне цивилизациями — православно-христианским миром, индуистским и дальневосточным, — включая и уцелевшие примитивные общества, которые находятся в безвыходном положении даже в собственной цитадели — в Тропической Африке. Таким образом,

современное столкновение ислама и Запада не только глубже и интенсивнее, нежели любое из прежних, оно также представляет собой весьма характерный эпизод в стремлении Запада вестернизировать весь мир — предприятия, которое будет, вероятно, считаться самым важным и почти наверняка самым интересным в истории поколения, пережившего две мировые войны.

Итак, ислам вновь стоит лицом к лицу с Западом, прижатый к стене и на этот раз в более неблагоприятных для него обстоятельствах, нежели в самые критические моменты Крестовых походов, ибо современный Запад значительно превосходит его не только силой оружия, но и в экономике, на которой базируется в конечном итоге военная наука, но более всего — в духовной культуре — единственной внутренней силе, создающей и поддерживающей внешние проявления того, что мы называем цивилизацией.

Во всех случаях, когда одно цивилизованное общество оказывается в столь опасной ситуации против другого общества, существует два альтернативных пути Ответа на Вызов; и мы сегодня в реакции ислама можем наблюдать яркие примеры обоих типов Ответа на нажим Запада. К нынешней ситуации удобно и вполне обоснованно применить определенные понятия, возникшие при подобной ситуации — столкновении древних цивилизаций Греции и Сирии. Под влиянием эллинизма в период, охватывающий последний век до Рождества Христова и первый век после Рождества Христова, евреи (и, можно добавить, иранцы и египтяне) раскололись на две партии. В Палестине одни назывались «зелотами», другие «иродианами».

«Зелот» — это человек, ищущий в известном спасение от неизвестного, и если он участвует в битве с противником, превосходящим его в тактике и пользующимся грозным новым оружием, он отвечает тем, что с особым тщанием и скрупулезностью применяет свое традиционное военное искусство. Собственно, «зелотизм» может быть описан как

Цивилизация перед судом истории

архаизм, вызванный к жизни давлением извне, его наиболее заметные представители в современном исламском мире — это пуританской направленности. К ним же относятся североафриканские сенусситы или ваххабиты в Центральной Аравии.

Первое, что следует заметить об этих исламских «зелотах», — это то, что их главные цитадели лежат в бесплодных, малонаселенных регионах, удаленных от основных международных магистральных путей современного мира, а поэтому непривлекательных для западного предпринимательства, что было справедливо до недавнего времени, а именно до рождения нефтяной эпохи. Исключением, подтверждающим правило, оказалось движение махдистов в Восточном Судане в 1883—1898 годах. Суданский Махди Мухаммед Ахмад укрепился по обоим берегам водного пути Верхнего Нила после того, как Запад посчитал своим делом «открытие Африки». В такой неудобной географической позиции суданский халифат столкнулся с западными силами и, пытаясь противостоять им своим архаическим оружием, был разбит наголову. Жизненный путь Махди можно сравнить с эфемерным триумфом Маккавеев во время краткосрочного ослабления давления со стороны эллинизма, чем и воспользовались евреи, после того как римляне сбросили власть Селевкидов, но еще не успели занять их место; и мы можем предположить, что как римляне опрокинули еврейских «зелотов» в I и II веках н.э., так и сегодня какая-либо из великих держав западного мира — скажем, Соединенные Штаты — могла бы опрокинуть ваххабитов в любой момент, если бы «зелотизм» ваххабитов стал настолько настырным, что пришлось бы тратить силы на его подавление. Представьте на минуту, что правительство Саудовской Аравии под нажимом своих фанатичных сторонников поставило слишком жесткие условия за нефтяные концессии или вообще запретило разработку нефтяных месторождений. Недавнее открытие этих подземных богатств определенно представляет опасность для независимости Ара-

вии, ибо Запад научился покорять пустыни, применяя свои технологические новшества — железные дороги и бронемашин, тракторы, ползающие по барханам, как сороконожки, и самолеты, скользящие над ними в воздухе, как стервятники. И действительно, в Марокканском Рифе и на северо-западной границе Индии в годы между войнами Запад продемонстрировал свою способность усмирить исламского «зелота», с которым значительно сложнее иметь дело, нежели с жителем пустыни. В этих горных твердынях французы и британцы одержали победу над горцами, которые уже овладели западным стрелковым оружием и прекрасно научились им пользоваться, к немалой для себя выгоде.

Но разумеется, «зелот», вооруженный бездымным скорострельным оружием, — это уже не чистый «зелот», ибо, признав западное оружие, он вступает на оскверненную почву. Нет сомнения, что, если он об этом задумывается — что случается крайне редко, ибо поведение «зелота» обычно иррационально и инстинктивно, — он говорит себе, что пойдет лишь до определенной черты, и не дальше, что воспользуется военной техникой Запада лишь для того, чтобы удержать западного агрессора на расстоянии и посвятить завоеванную свободу «сохранению порядка» во всех остальных областях жизни, чтобы получить благословение Господне для себя и своих потомков.

Такое умонастроение можно проиллюстрировать весьма примечательной беседой, состоявшейся в 20-х годах нашего века между зейдитским имамом Саны Яхьей и британским посланником, чьей миссией было попытаться убедить имама вернуть мирным путем часть британского протектората Аден, которую он оккупировал во время мировой войны 1914—1918 годов и не захотел возвратить, несмотря на поражение его османских повелителей. В заключительной беседе с имамом, когда уже было очевидно, что миссия не достигла своей цели, британский посланник, пытаясь повернуть разговор в другое русло, сделал имаму комплимент по поводу отличной

Цивилизация перед судом истории

выправки его новой армии. Увидев, что имам комплимент принял, посланник продолжал так:

— Полагаю, что вы воспользуетесь и другими западными институтами?

— Думаю, что нет, — ответил имам с улыбкой.

— Правда? Это интересно. А могу ли я осмелиться спросить о причинах?

— Мне кажется, мне не понравятся западные порядки, — ответил имам.

— Вот как? И какие же именно?

— Ну, скажем, там существуют парламенты, — продолжал имам. — Я сам люблю быть правителем. Возможно, парламент был бы для меня утомителен.

— Ну если дело в этом, — сказал англичанин, — то уверяю вас, что ответственное представительное парламентарное правление отнюдь не обязательная принадлежность западной цивилизации. Посмотрите на Италию. Она от этого отказалась, а ведь это одна из великих западных держав.

— Еще алкоголь, — заметил имам. — Не хочу, чтобы это пришло в мою страну, где, к счастью, о нем почти не знают.

— Вполне вас понимаю, — сказал англичанин, — но если уж зашла речь об этом, то могу вас также уверить, что и алкоголь отнюдь не непременный спутник западной цивилизации. Посмотрите на Америку, она совершенно отказалась от него, но это ведь тоже одна из великих держав.

— Как бы то ни было, — ответил имам с улыбкой, означавшей, по-видимому, что разговор окончен, — я не люблю ни парламент, ни алкоголь, ни вообще все такое.

Англичанин не понял, был ли оттенок юмора в прощальной улыбке, с которой были произнесены эти слова, но в любом случае они попали в точку, показав, что вопросы о возможных западных инновациях в Санае были значительно злободневнее, нежели хотелось признать имаму. Собственно, эти слова свидетельствуют, что имам, глядя на западную цивилизацию со стороны, издали, видел ее как нечто целое

и неделимое, и отдельные ее черты, которые для западного человека казались совершенно не связанными друг с другом, воспринимались им как органически увязанные части единого целого. Таким образом, имам, по собственному молчаливому признанию, восприняв элементы западной военной техники, фактически внес в жизнь своего народа самый краешек того клина, который со временем будет вбит и неумолимо расколет пополам традиционно сплоченную исламскую цивилизацию. Он дал старт культурной революции, которая в конце концов не оставит йеменитам никакой альтернативы, кроме как прикрыть свою наготу готовым западным костюмом. Если бы имам встретился со своим современником г-ном Ганди, последний предостерег бы именно от этого, и его предсказание уже подтвердилось на примере других исламских народов, открывшихся для коварного процесса вестернизации несколькими поколениями раньше.

И вновь в качестве примера можно привести отрывок из отчета о состоянии дел в Египте в 1839 году, подготовленного д-ром Джоном Баурингом для лорда Пальмерстона накануне одного из периодических кризисов, постигавших западную дипломатию в «восточном вопросе» в конце правления Мехмеда Али, османского государственного деятеля, который к тому времени уже тридцать пять лет правил Египтом и систематически «вестернизировал» жизнь его обитателей. В своем отчете д-р Бауринг отмечает удивительный на первый взгляд факт, что единственный в Египте тех лет родильный дом располагался на территории морского арсенала Мехмеда Али в Александрии. Автор пытается расшифровать причину этой странности. Мехмед Али стремился играть независимую роль в международных делах. Для этого в первую очередь требовались эффективная армия и флот. Эффективный флот — это был флот, построенный по западной модели того времени. Западную технологию морского строительства знали и могли применять лишь специалисты, привезенные из западных стран; однако эти специалисты не хотели идти на службу к египет-

скому паше даже за щедрое жалованье, если им не гарантировали содержание их семей и подчиненных по тем стандартам, что были приняты у них на родине, на Западе. Одним из основных условий благоустроенного быта, по их понятиям, является медицинское обслуживание квалифицированными западными врачами. В противном случае нет госпиталя, нет и арсенала; так что при строительстве арсенала изначально был запланирован госпиталь. Западная колония при арсенале, однако, была малочисленна, а медицинский персонал сносила энергия, которой Бог наградил франков, желая, видимо, наказать; жителям же Египта имя — легион, и в повседневной медицинской практике самым распространенным случаем были роды. Таким-то образом и появился родильный дом для египетских женщин в пределах морского арсенала, руководимого западными специалистами.

Это подводит нас к рассмотрению альтернативного Ответа на Вызов со стороны чуждой цивилизации, ибо, если имама Яхью можно назвать представителем «зелотизма» в современном исламе (по крайней мере такого «зелотизма», который убежден в необходимости держать порох сухим), тогда Мехмед Али — представитель «иродианства», чей гений ставит его наравне с эпонимическим основателем секты. Мехмед Али на самом деле не первый «иродианин», сформировавшийся внутри ислама. Однако он первый сумел следовать заветам «иродианства» без страха возмездия после смерти его предшественника — несчастного османского султана Селима III. Мехмед Али также первый, кто следовал заветам «иродианства» твердо и с заметным успехом — чего не скажешь об изменчивой жизни его современника и сюзерена султана Махмуда II в Константинополе.

Итак, «иродианин» — это человек, действующий по принципу, что самый эффективный путь уберечься от неизвестного — это овладеть его секретом, и когда «иродианин» попадает в трудное положение, представ перед более опытным и лучше вооруженным противником, он отвечает на вызов

тем, что отказывается от своего традиционного военного искусства и учится воевать с врагом его же оружием и овладевает его тактикой. Если «зелотизм» — это форма архаизма, возникающая под внешним давлением, то «иродианство» — это форма космополитизма, вызванная тем же внешним фактором; и отнюдь не случайно, что в то время, как цитадель современного исламского «зелотизма» располагалась в негостеприимных степях и оазисах Неджда и Сахары, современное исламское «иродианство» — рожденное теми же силами и примерно в то же время, чуть больше полутора веков назад, — со времен Селима III и Мехмеда Али сосредоточилось в Константинополе и Каире. Константинополь и Каир в царстве современного ислама прямо противоположны столице ваххабитов в Эр-Риаде, в степях Неджда и твердыне сенуситов Куфаре. Оазисы, бывшие оплотом исламского «зелотизма», заметно удалены и недосыгаемы, города же, ставшие колыбелью исламского «иродианства», лежат или вблизи, или непосредственно на великих природных международных путях, таких как черноморские проливы или Суэцкий перешеек; и по этой причине, равно как и по причине стратегического значения этих двух стран, их столицы — Каир и Константинополь — испытывали сильное влияние со стороны западного предпринимательства. Воздействие всякого рода началось с тех пор, как только Запад начал набрасывать свою сеть на цитадель ислама.

Совершенно очевидно, что «иродианство» куда более эффективный Ответ на Вызов из двух альтернативных ответов, способных родиться в обществе, вынужденном защищаться от воздействия превосходящей чуждой силы. «Зелот» пытается спрятаться в прошлом, как страус, уткнувшись головой в песок; «иродианин» же смело смотрит в настоящее и изучает будущее. «Зелот» действует инстинктивно, «иродианин» — по здравом рассуждении. Собственно, «иродианинну» приходится сделать усилие разума и воли, чтобы преодолеть «зелотский» импульс, являющийся нормальной

Цивилизация перед судом истории

спонтанной человеческой реакцией на Вызов, стоящий в равной степени и перед «зелотом», и перед «иродианином». Стать «иродианином» уже само по себе есть черта характера (хотя совсем необязательно привлекательного); интересно заметить, что японцы, пожалуй, единственные из незападных народов, принявших Вызов Запада и успешно проявляющих свое «иродианство», в прежние времена, с начала XVII по конец XIX века, были столь же яркими представителями чистого «зелотизма». Будучи людьми сильного характера, они взяли все, что можно, от «зелотского» Ответа на Вызов; однако, когда факты убедили их, что упорство в этом направлении приведет их к катастрофе, они сознательно сделали крутой поворот и повели свой корабль дальше под парусом «иродианства».

Тем не менее «иродианский» Ответ, будучи несравненно более эффективным, нежели Ответ «зелотский», все-таки не предполагает окончательного решения того неумолимого «западного вопроса», что встал сейчас перед всем современным миром. Во-первых, это опасная игра, ибо, если прибегнуть к метафоре, это смена коней на переправе, и всадник, оставшийся без седла, будет сметен потоком точно так же, как и «зелот» будет сметен пулеметным огнем, выйдя на бой с копьем и щитом. Переправа очень опасна, и ее осилит не все. В Египте и Турции, к примеру, послуживших экспериментальным полигоном для исламских пионеров «иродианства», эпигоны оказались не на уровне труднейшей задачи, завещанной им «старшими предшественниками». Результатом было то, что в обеих этих странах «иродианское» движение пришло в упадок менее чем через сто лет после его зарождения, а именно в первые годы последней четверти XIX века; эффект же отставания в развитии болезненно и в различных формах до сих пор проявляется в жизни этих стран.

Можно указать еще на две неотъемлемые и оттого более серьезные слабости «иродианства», и для этого обратим свое внимание к сегодняшней Турции, лидеры которой, герои-

ческими усилиями преодолевая регресс после правления Абдул-Хамида, довели «иродианство» до логического конца во время революции, по жестокости и глубине оставившей далеко позади даже две классические японские революции VII и XIX веков. Здесь, в Турции, в отличие от последовательных революций на Западе — экономической, политической, культурной и религиозной — революция произошла по всем линиям одновременно и, таким образом, сотрясла до основания всю жизнь турецкого народа, все социальные структуры.

Турки не только изменили свою конституцию (сравнительно простое дело, по крайней мере по форме), но эта еще не оперившаяся Турецкая Республика низложила Защитника исламской Веры и упразднила его институцию — халифат; лишила имущества исламскую церковь и распустила монастыри; сняла паранджу с лиц женщин, отринув вместе с ней и все, что она символизировала; вынудила верующих мужчин смешаться с неверующими, заставив носить шляпы с полями, которые мешали исполнять традиционный исламский обряд молитвы, требующий коснуться пола мечети лбом; безоговорочно отвергла исламское законодательство; сначала перевела швейцарский гражданский кодекс на турецкий язык дословно, а итальянский уголовный — с небольшими изменениями, а затем ввела их в действие голосованием Национальной ассамблеи и, наконец, заменила арабское письмо на латинское, что не могло не отбросить прочь бóльшую часть османского литературного наследия. Наиболее примечательной и смелой переменной из всех, предпринятых этими «иродианскими» революционерами, было то, что они предложили своему народу новые общественные идеалы, побуждая их забыть о том, что они землепашцы, или воины, или управители, и посвятить себя коммерции и производству, доказав тем самым, что турки могут своими силами не хуже любого на Западе — не говоря уж о вестернизированных греках, армянах, евреях — справляться со всем тем, чем раньше счита-

ли ниже своего достоинства заниматься, ибо традиционно презирали эти виды деятельности.

Эта «иродианская» революция в Турции проводилась с такой решительностью, при таких трудностях и в столь неблагоприятных обстоятельствах, что всякий великодушный наблюдатель сделает скидку на все упущения и даже злодеяния, сопровождавшие ее, и будет желать ей успеха в ее огромном деле. *Tantus labor non sit cassus* (великий труд не пропадет втуне). Со стороны западного наблюдателя было бы особенно невежливо глумиться над ошибками или придирааться к мелочам, ибо в конечном итоге «иродиане» пытались дать своему народу и стране тот образ жизни, в отсутствии которого мы же их вечно и упрекали с первых контактов между исламом и Западом; то есть они пытались — только теперь — создать в Турции подобие западного государства и западной нации. Однако как только мы ясно осознали их цель, мы не могли не задуматься о том, стоила ли эта цель всех тех трудов и усилий, что затрачены на ее осуществление.

Конечно, не очень-то привлекательно выглядел закостеневший в своей старомодности турецкий «зелот», презрительно глядевший на нас с гримасой фарисея, денно и ночью благодарившего Бога за то, что он не такой, как другие. Пока он гордился своей «особостью», мы задались целью сломить его гордость, показав, сколь одиозна эта его «особость». Мы называли его «этот ужасный турок» до тех пор, пока не пробili его психологическую броню и не довели до той самой «иродианской» революции, которую он осуществил на наших глазах. Теперь же, когда под нашим же давлением он совершенно переменялся и всеми средствами пытается стать таким, как все, мы пришли в замешательство и готовы возмутиться, как возмутился Самуил, когда евреи признались, сколь низкие мотивы побудили их возжелать царя.

В этих обстоятельствах наши нынешние сетования по крайней мере невежливы. Предмет нашего недовольства мо-

жет возразить, что для нас, что ни сделай, все плохо, и процитирует наше же собственное Писание: «Мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали». Однако из этого отнюдь не следует, что если наша критика невежлива, то она мелочна или вовсе не справедлива. Ибо, в самом деле, что добавится к наследию цивилизации, если этот труд увенчается успехом и цель, поставленная этими решительными турецкими «иродианами», будет ими достигнута в полном объеме? Вот тут-то и проявляются две неотъемлемые слабости «иродианства». Первая из них — «иродианство», *ex hypothesi*, — имеет характер нетворческий и подражательный, поэтому, если поставленная цель будет достигнута, результатом будет лишь увеличение количества промышленного продукта копируемого общества, а не высвобождение творческой энергии людей. Второй слабостью является то, что этот не слишком вдохновляющий успех — самое большее, что способно дать «иродианство», — может принести благо лишь очень незначительному меньшинству в любом обществе, выбирающему путь «иродианства». Большинство же не может рассчитывать даже на то, чтобы стать пассивными (хотя бы) членами правящего класса копируемой цивилизации. Их судьба — пополнять ряды ее пролетариата. Муссолини однажды заметил довольно резко, что существуют не только пролетарские классы или личности, но и целые пролетарские нации; именно в эту категорию, очевидно, попадают незападные народы в современном мире, даже если при помощи героических усилий «иродиан» им удастся внешне трансформировать свои страны в суверенные, независимые национальные государства западного типа и установить отношения с сестринскими западными обществами в качестве номинально свободных и равных членов общемирового сообщества.

Итак, рассматривая предмет настоящего очерка — влияние, которое может иметь на судьбы человечества современное столкновение ислама и Запада, — мы можем не учитывать

Цивилизация перед судом истории

ни исламского «зелота», ни исламского «иродианина», пока те осуществляют свои замыслы с доступным им успехом, ибо их высший успех есть всего лишь достижение уровня материального выживания. Тот редкий из «зелотов», кто выживет, избегнув уничтожения, становится реликтом цивилизации, угасшим как живая сила; а не столь редкий «иродианин», избегнувший угнетения, становится лишь имитацией живой цивилизации, с которой он себя отождествляет. Ни тот ни другой не в состоянии внести сколь-либо значимый созидательный вклад в развитие этой цивилизации.

Можно заметить мимоходом, что в рамках современного взаимодействия ислама и Запада «иродианское» и «зелотское» направления не однажды сталкивались, в некоторой степени нейтрализуя друг друга. Первое, что сделал Мехмед Али с помощью своей новой вестернизированной армии, было наступление на ваххабитов, чтобы умирить их пыл. Двумя поколениями позже восстание Махди в Восточном Судане против египетского режима нанесло смертельный удар первой попытке «иродиан» превратить Египет в державу, способную в политическом отношении прочно стоять на своих ногах «в трудных условиях современного мира», ибо именно это восстание сыграло на руку британской военной оккупации 1882 года со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И еще, уже в наше время решение последнего короля Афганистана порвать с традицией «зелотства», бывшей ключевым пунктом афганской политики еще с первой англо-афганской войны 1838—1842 годов, видимо, решило судьбу «зелотских» племен на северо-западной границе Индии. Ибо, несмотря на то что нетерпение короля Амануллы вскоре стоило ему трона и вызвало «зелотскую» реакцию среди его бывших подданных, вполне допустимо предположить, что его преемники будут двигаться — и чем медленнее, тем увереннее — по тому же «иродианскому» пути. А усиление «иродианства» в Афганистане предопределяет мрачную судьбу

племен. До тех пор пока эти племена имели за спиной тот Афганистан, который проводил политику сдерживания давления Запада, к нему инстинктивно стремились и они сами; племена могли продолжать свой «зелотский» путь в безопасности. Теперь же племена попали между двух огней — с одной стороны, как и раньше, Индия, с другой — Афганистан, делающий первые шаги по пути «иродианства», а это рано или поздно вынудит их сделать выбор между подчинением или гибелью. Заметим мимоходом, что «иродианин», сталкиваясь со своим домашним «зелотом», имеет тенденцию обращаться с ним с гораздо большей жестокостью, чем мог бы себе позволить пришелец с Запада. Если западный хозяин усмирлял исламского «зелота» кнутом, то исламский «иродианин» — плетью со свинчаткой. Та жестокость, с которой король Аманулла расправился с Пуштунским восстанием в 1924 году, а президент Мустафа Кемаль Ататюрк — с восстанием курдов в 1925 году, не идет ни в какое сравнение с теми относительно гуманными методами, которые в то же самое время применялись к непокорным курдам в Ираке, бывшем тогда под британским протекторатом, или другим пуштунам в северо-западной провинции тогдашней британской Индии.

К какому же выводу привело нас наше исследование? Можно ли считать, что поскольку нами в нашем исследовании не учитываются ни успехи исламских «иродиан», ни успехи исламских «зелотов», то это означает, что столкновение между исламом и Западом не будет иметь никакого влияния на будущее человечества? Ни в коем случае, ибо, исключая успехи «иродиан» и «зелотов», мы исключаем лишь незначительное меньшинство исламского общества. Судьба большинства, как уже говорилось, — это не уничтожение, не фоссилизация или ассимиляция, но полное погружение и растворение в том огромном, космополитическом, всеобщем пролетариате, который явился самым значительным побочным продуктом вестернизации мира.

Цивилизация перед судом истории

На первый взгляд может показаться, что, представив себе будущее большинства мусульман в вестернизированном мире таким образом, мы полностью ответили на интересующий нас вопрос, подтвердив наши ранние выводы. Если мы обвиняем мусульман — «иродиан» и «зелотов» в равной мере — в культурном бесплодии, не должно ли обвинять и мусульманина-«пролетария» в том же фатальном недостатке *fortiori*? В самом деле, кто же не согласится с таким вердиктом с первого взгляда? Представим себе, что заклятый «иродианин» вроде покойного президента Мустафы Кемаля Ататюрка и такой «архизелот», как, скажем, Великий Сенусси, в согласии с просвещенными западными колониальными правителями — такими как покойный лорд Кромер или генерал Лиотэ, — воскликнули бы единодушно: «Можно ли ждать какого-то конструктивного вклада в цивилизацию будущего от египетского феллаха или константинопольского гаммаля?» Вот точно так же на заре христианской эры, когда Сирия испытывала нажим со стороны Греции, Ирод Антипа и Гамалиил и те ревностные Февды и Иуды, которые на памяти Гамалиила погибли, наверняка согласились бы с греческим поэтом *in partibus Orientalium* (в чужих странах восточных), как Мелеагр из Гадары или Галлион, римский правитель провинции, воскликнувшим в ироническом тоне: «И чего доброго может выйти из Назарета?» Итак, когда вопрос задан в историческом плане, мы можем не сомневаться в ответе, ибо и греческая, и сирийская цивилизации прошли свой путь до конца, и нам хорошо известны их отношения. Ответ для нас столь привычен, что придется напрячь воображение, чтобы представить себе, насколько удивительным и даже шокирующим был бы этот приговор истории для культурных греков и римлян, идумеян и евреев того времени, когда этот вопрос был поставлен. Ибо, несмотря на их совершенно различные точки зрения всюду и во всем, на этот конкретный вопрос они, несомненно, ответили бы твердо презрительно: «Нет».

В свете истории мы осознаем, что их ответ был бы нелеп, если за критерий добра взять проявление творческой энергии. В том всеобщем смещении, которое возникло при вторжении греческой цивилизации в цивилизации Сирии и Ирана, Египта, Вавилонии и Индии, общеизвестное бесплодие гибрида обрушилось не только на правящий класс эллинского общества, но и на тех людей Востока, которые до конца прошли противоположные пути «иродианства» и «зелотства». Единственной сферой, в которой греко-восточное космополитическое общество, несомненно, избежало этой участи, были самые низы восточного пролетариата, типичным символом которого был Назарет; из этих низов в явно неблагоприятных условиях явилось несколько самых мощных творений, когда-либо достигнутых человеческим духом, — соцветие высших религий. Их отзвук проник во все земли и до сих пор звучит у нас в ушах. Их имена — имена силы и мощи: это Христианство, и Митраизм, и Манихейство; поклонение Богоматери и ее умирающему и воскресающему супругу-сыну, известным под именами Кибелы-Изиды и Аттиса-Озириса; поклонение святым мощам: махаянистская школа буддизма, которая — изменяясь от философии к религии под иранским и сирийским влиянием — озарила Дальний Восток индийской идеологией, воплощенной в новом искусстве, навеянном греческим влиянием. Если эти прецеденты что-нибудь значат для нас — а это единственные лучики света, способные проникнуть сквозь тьму, скрывающую от нас будущее, — они предвещают, что мир ислама, включаясь в пролетарские низы нашей более поздней западной цивилизации, в конечном итоге сможет конкурировать с Индией, и Дальним Востоком, и Россией в воздействии на будущее неисповедимыми для нас путями.

И правда, под воздействием Запада глубины мира ислама уже всколыхнулись, и даже сейчас мы можем заметить определенные духовные движения, могущие стать зародышем будущих высших религий. Западному наблюдателю придут

Цивилизация перед судом истории

на ум движения бахаистов и Ахмадийя, которые начали засылать своих миссионеров из Аккры и Лакхора в Европу и Америку; однако на этой стадии прогнозирования мы достигли лишь своих геркулесовых столбов, где осторожный исследователь остановится и воздержится от дальнейшего плавания в открытом океане будущего, о котором он имеет лишь весьма приблизительное представление. Если и есть какая-то польза в рассуждениях о грядущих событиях, то более точный прогноз мы можем делать лишь на ближайшее будущее; исторические же прецеденты, которые мы берем в качестве ориентиров, свидетельствуют о том, что религии, возникающие при столкновении цивилизаций, достигают зрелости лишь через много столетий, но в столь затяжном состязании зачастую побеждает темная лошадка.

Шесть с половиной веков отделяют год, когда Константин провозгласил свое покровительство христианству, от того времени, когда Александр Великий пересек Геллеспонт; пять с половиной столетий разделили эпоху первых китайских пилигримов в Святую землю буддистов Бихар и время Менандра, греческого властителя Хиндустана, обратившегося к индийским буддийским мудрецам с вопросом: «Что есть истина?» Нынешнее влияние Запада на мир ислама начинает чувствоваться несколько сильнее, нежели полтора столетия назад, но, очевидно — и это доказывают приведенные выше аналогии, — влияние это вряд ли сможет иметь сравнимый с ними эффект в обозримом для нас будущем, поэтому любая попытка предсказать возможные последствия была бы непроизводительным упражнением фантазии.

Мы можем, однако, различить определенные принципы ислама, которые — если они повлияют на социальную жизнь нового космополитического пролетариата — смогут в ближайшем будущем оказать важное и благотворное влияние на «большое общество». В современных проявлениях мирового космополитического пролетариата обращают на себя внимание два заметных источника опасности — психологический

и материальный — это расовое сознание и склонность к алкоголю, и в борьбе против этих двух зол исламская духовность, если влияние ее возобладает, может внести вклад высокой нравственности и общественной ценности.

То, что в среде мусульман изжито расовое сознание, есть одно из выдающихся нравственных достижений ислама, и современный мир сегодня, как никогда, нуждается в пропаганде этого достоинства ислама; хотя исторические хроники свидетельствуют, что расовое сознание скорее исключение, нежели врожденное свойство человеческого рода, несчастье нынешней ситуации в том, что этим сознанием заражены — и в очень сильной степени — именно те народы, которые одержали верх, по крайней мере на данный момент, в соревновании западных стран за обладание львиной долей общего наследия планеты, — в соревновании, что развернулось в последние четыре столетия.

Если в некоторых других отношения триумф англоязычных народов можно ретроспективно рассматривать как благо для человечества, то в отношении рискованного расового вопроса вряд ли кто-либо сможет отрицать, что это беда. Англоязычные нации, утвердившиеся в Новом Свете, за океаном, на поверку оказались не слишком «общительными». Они просто смели с лица земли своих предшественников, а там, где они позволили коренному населению остаться в живых, как в Южной Америке или в Северной Америке, куда они импортировали рабочую силу извне, мы наблюдаем теперь стадию того безобразного института, который в Индии — где за многие века он достиг своего апогея — называется «кастами», Более того, альтернативой уничтожению или сегрегации было изгнание — политика, которая предотвращает опасность внутреннего раскола в жизни сообщества, ее практикующего, но вызывает не менее опасное состояние международного напряжения между изгоняющими и изгнанными расами, в особенности в тех случаях, когда эта политика применяется в отношении представителей не примитивных

Цивилизация перед судом истории

обществ, но цивилизованных, таких как индусы, китайцы или японцы. Итак, триумф англоязычных народов навязал человечеству «расовый вопрос», который, возможно, не возник бы — по крайней мере с такой остротой и в таких масштабах, — будь на месте победителей в борьбе за владение Индией или Северной Америкой в XVIII веке, скажем, не англичане, а французы.

Сегодня дела обстоят так, что приверженцы расовой нетерпимости господствуют, и, если их отношение к «расовому вопросу» будет преобладать и дальше, это может в конце концов привести к катастрофе. Однако и силы расовой толерантности, которые сейчас как будто бы проигрывают эту чрезвычайно важную для человечества духовную битву, могут взять верх, если на весы будет брошено мощное движение противников расового подхода, до сих пор скрытое. Вполне вероятно, что дух ислама мог бы стать своевременным подкреплением, которое может решить исход борьбы в пользу терпимости и мира.

Что касается алкогольного бедствия, то хуже всего дело обстоит среди примитивных народов тропических регионов, «открытых» западными первопроходцами, и хотя более просвещенная часть общества давно осознает последствия этого порока и предпринимает усилия к тому, чтобы справиться с ним, эффективность этих усилий чрезвычайно низка. Общественное мнение может лишь пытаться повлиять на администрацию территорий, зависимых от западных держав, и если позитивные действия администрации в этой сфере и были подавлены международными конвенциями, а ныне поддерживаются и расширяются под эгидой Организации Объединенных Наций, факт остается фактом: самые мощные государственные превентивные меры, навязанные властью извне, не способны избавить общество от социального порока до тех пор, пока сами члены общества не почувствуют в сердце своем желанья и воли к сознательному избавлению от этого зла. Сегодня же западные администраторы, по край-

ней мере «англосаксонские», духовно изолированы от своих «туземных» подопечных тем «цветным барьером», который воздвигло их собственное расовое сознание; преобразование туземной души — это задача, решения которой вряд ли можно от них ждать; вот тут-то и может сыграть свою роль ислам.

В этих тропических районах, недавно и скоропалительно «открытых» Западом, западная цивилизация на одном дыхании создала экономический и политический пресс и одновременно социальный и духовный вакуум.

Привычные, но не устойчивые институты примитивных обществ, которые прежде чувствовали себя уверенно на своей земле, внезапно рассыпались в прах под нажимом тяжелой западной машины, и миллионы «туземных» жителей, внезапно лишенных привычной социальной среды, смешались, ощутив себя духовно обнаженными. Более либерально настроенные и культурные западные должностные лица осознали в последнее время тот колоссальный психологический урон, который не намеренно, но неизбежно нанесло западное вмешательство; они пытаются предпринимать усилия к спасению того, что еще может быть спасено от крушения «туземного» социального наследия, иногда даже искусственно воспроизводя на более прочной основе некоторые особо ценные «туземные» общественные институты, уже разрушенные. И тем не менее духовный вакуум коренного населения все еще остается громадной бездной; утверждение «природа не терпит пустоты» столь же истинно для духовного мира, сколь и для материального, и западная цивилизация, не сумевшая заполнить этот духовный вакуум, оставила поле деятельности свободным для любой другой духовной силы, которая пожелала бы воспользоваться этим.

В двух из тропических регионов — в Центральной Африке и Индонезии — такой духовной силой, ухватившейся за возможности, открытые в духовной сфере западными носителями материальной цивилизации, был именно ислам; и если где-либо «коренным» народам этих регионов удалось

Цивилизация перед судом истории

восстановить свое естественное духовное состояние, то, вполне возможно, именно дух ислама помог наполнить новым содержанием образовавшуюся пустоту. Этот дух проявляется в самых различных формах; одной из таких форм может стать и отказ от алкоголя по религиозным убеждениям. Вера способна совершить то, что не под силу внешним санкциям, опирающимся на чужой закон.

Итак, здесь, на авансцене будущего, мы можем отметить две сферы для того влияния, которое ислам может оказать на космополитический пролетариат западного общества, набросившего свои сети на весь мир и охватившего все человечество; что же касается более отдаленного будущего, стоит рассмотреть возможный вклад ислама в некоторые новые проявления религии. Все эти возможности, однако, в равной степени зависят от положительного разрешения ситуации, в которой человечество находится сегодня. Они предполагают в качестве неперемennого условия, что зыбкое и неустойчивое всеобщее смешение в результате западного завоевания мира постепенно и мирно преобразуется в некую гармоничную синтетическую субстанцию, из которой столь же постепенно и мирно столетия спустя возникнут новые творческие, созидательные возможности. Такая предпосылка, однако, есть не более чем недоказуемое допущение, которое может оправдаться или не оправдаться при реальном развитии событий. Смешение может завершиться синтезом, но с таким же успехом — и взрывом, и в этом случае ислам может сыграть совершенно иную роль в качестве активного ингредиента бурной реакции космополитических низов против западных хозяев.

В настоящий момент, правда, эта разрушительная перспектива не кажется неминуемой, ибо грозное слово «панисламизм», служившее пугалом для западных колониальных властей с тех пор, как оно впервые вошло в обиход в связи с политикой султана Абдул-Хамида, в последнее время теряет свое влияние на умы мусульман. Трудности, присущие проведению в жизнь идеи панисламизма, видны невооруженным

глазом. Панисламизм — это всего лишь выражение того же инстинкта, который заставляет стадо бизонов, мирно пасущихся на равнине, вдруг мгновенно построиться фалангой и, выставив рога, броситься вперед при первом появлении неприятеля. Другими словами, это пример того самого возврата к традиционной тактике перед лицом превосходящего и незнакомого противника, которому мы в этой статье дали название «зелотство». Психологически, таким образом, панисламизм должен привлекать по преимуществу исламских «зелотов» в духе ваххабитов или сенусситов; однако эта психологическая предрасположенность блокируется технической трудностью, ибо в обществе, разбросанном по огромной территории — от Марокко до Филиппин и от Волги до Замбези, — солидарные действия легко вообразить, но трудно осуществить.

Стадный инстинкт возникает спонтанно, однако его очень трудно перевести на язык эффективного действия, не имея в своем распоряжении высокоразвитой системы технической связи, которую создала современная западная изобретательская мысль: кораблей, железных дорог, телеграфа, телефона, самолета и автомобиля, газет и всего остального. Все эти достижения — вне возможностей исламских «зелотов», а исламские «иродиане», сумевшие в той или иной степени овладеть всеми этими средствами, *ex hypothesi*, желают использовать их отнюдь не для ведения «священной войны» против Запада, но, напротив, для организации собственной жизни по западному образу и подобию. Как самый знаменательный знак времени в современном исламском мире воспринимается то, с какой резкостью Турецкая Республика отреклась от традиций исламской солидарности. «Мы полны решимости выработать собственный путь к спасению, — как бы заявляют турки, — и спасение, на наш взгляд, в том, чтобы научиться стоять на собственных ногах, возводя экономически самодостаточное и политически независимое суверенное государство западного образца. Другие мусульмане пусть

Цивилизация перед судом истории

ищут путь к спасению по своему разумению. Мы не просим у них помощи и не предлагаем им свою. Всяк за себя, и к черту отстающих, *alia franca!*»

И несмотря на то что с 1922 года турки практически полностью пренебрегали чувствами исламского единства, они не только не потеряли, но повысили свой престиж среди других мусульман — даже среди тех, кто публично осудил их дерзкий курс, — благодаря тому успеху, который сопутствовал их действиям. А это указывает на вероятность того, что путь национализма, которым турки так решительно идут сегодня, будет завтра с не меньшей решимостью избран другими мусульманскими народами. Арабы и персы уже пришли в движение. Даже далекие и донныне «зелотские» афганцы вступили на эту же тропу, и они явно не последние. Собственно, не панисламизм, а национализм — вот та структура, в которую оформляются исламские народы, и для большинства мусульман неизбежным, хотя и нежелательным, результатом национализма будет растворение в космополитическом пролетариате западного мира.

Такой взгляд на сегодняшнюю перспективу панисламизма подкрепляется неудачей попыток воскресить халифат. В последней четверти XIX века османский султан Абдул-Хамид, найдя в чулане гарема регалии халифа, затеял эту игру с целью объединить панисламскую идею вокруг своей персоны. После 1922 года, однако, Мустафа Кемаль Ататюрк и его соратники, считая вновьявленный халифат несовместимым с собственными «иродианскими» политическими воззрениями, поначалу совершили исторический промах, отождествив халифат с духовным началом в противовес мирской власти, но впоследствии упразднили его окончательно. Эта акция со стороны турок побудила других мусульман, разочарованных столь своевольным обращением с историческим мусульманским институтом, провести в 1926 году в Каире конференцию по халифату с целью определить, можно ли каким-то образом адаптировать историческую мусульман-

скую организацию к нуждам нового времени. Всякий, кто внимательно просмотрит протоколы этой конференции, вынесет убеждение, что халифат мертв и что причиной тому — летаргия панисламизма.

Панисламизм пассивно дремлет, но мы должны считаться с возможностью того, что Спящий проснется, стоит только космополитическому пролетариату вестернизированного мира восстать против засилья Запада и призвать на помощь антизападных лидеров. Этот призыв может иметь непредсказуемые психологические последствия — разбудить воинствующий дух ислама, даже если он дремал дольше, чем Семеро Спящих, ибо он может пробудить отзвуки легендарной героической эпохи. Есть два исторических примера, когда во имя ислама ориентальное общество поднялось против западного вторжения, одержав победу. Во времена первых последователей Пророка ислам освободил Сирию и Египет от эллинского господства, тяготевшего над ними почти тысячелетие. Под предводительством Зенги и Нураддина, Саладина и мамлюков ислам выстоял под напором крестоносцев и монголов. Если в нынешней ситуации человечество было бы ввергнуто в «войну рас», ислам мог бы вновь попытаться сыграть свою историческую роль. Absit Omen! (Да не будет это дурным предзнаменованием!)

СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

I

Какое же событие выберут как наиболее характерное будущие историки, оглядываясь столетия спустя на первую половину XX века и пытаясь разглядеть и оценить его свершения и опыт в той соразмерности, которую может дать лишь временная перспектива? Думаю, что это будет не одно из тех сенсационных или трагических и катастрофических политических или экономических событий, которые занимают наши умы и первые полосы наших газет; не войны, революции, резня и депортации, голод и излишества, спады и бумы привлекут внимание историка, но нечто такое, о чем мы лишь догадываемся и что не делает газетной сенсации. Те события, что выносятся на первые полосы, приковывают наше внимание оттого, что они лежат на поверхности жизни, отвлекая внимание от более медленных, неуловимых, неосязаемых движений, что действуют под поверхностью, достигая самых глубин. Но разумеется, именно эти глубокие, медленные движения и делают историю в конечном итоге, именно они обретают свой истинный масштаб в ретроспекции, когда сенсационные, но преходящие события уменьшаются до их истинных значений и пропорций.

Мысленная перспектива, как и оптическая, фокусируется лишь тогда, когда наблюдатель находится на определенном расстоянии от объекта. Если, скажем, вы летите из Солт-Лейк-Сити в Денвер, ближайший вид Скалистых гор отнюдь не самый живописный. Когда вы пролетаете непосредственно над вершинами, вам не видно ничего, кроме лабиринта пиков, гребней, кражей, лощин и скал. И только когда вы оставили горы позади и оглядываетесь на них, пролетая над долинами, только тогда они поднимаются перед вашим взором во всей красе, гряда за грядой. Только тут вы увидите настоящие Скалистые горы.

Вот так, я думаю, и будущие историки смогут разглядеть нашу эпоху в ее истинных пропорциях значительно лучше нас с вами. Что бы они сказали об этой эпохе?

Будущие историки скажут, мне кажется, что великим событием XX века было воздействие западной цивилизации на все другие жившие в мире того времени общества. Историки скажут, что воздействие было столь мощным и всепроникающим, что перевернуло вверх дном, вывернуло наизнанку жизнь всех его бесчисленных жертв, повлияв на поведение, мировоззрение, чувства и верования отдельных людей — мужчин, женщин, детей, — затронув те струны человеческой души, которые не откликаются на внешние материальные силы, какими бы зловещими и ужасными они ни были. Вот что скажут, я уверен, будущие историки, оглядываясь на наше время даже из такого недалекого будущего, как 2047 год.

А что скажут историки в 3047 году? Живи мы веком раньше, мне пришлось бы извиниться за чудовищное самомнение, позволяющее мне пытаться предсказывать что-либо, столь далеко отстоящее от нашего времени. Даже сто лет были невероятно долгим сроком для людей, полагавших, что мир был создан в 4004 году до н.э. Но сегодня мне нет нужды просить извинений, ибо со времен наших прадедушек совершилась столь радикальная революция в осознании временных масштабов, что если бы сегодня я попытался составить на

Цивилизация перед судом истории

этих страницах масштабную карту истории, то такой краткий период времени, как тысяча сто лет, оказался бы на ней почти невидимым для невооруженного глаза отрезком.

Итак, историки 3047 года нашли бы что сказать о нашем времени, и они скажут много более интересного по сравнению с историками 2047 года, ибо им уже будут открыты новые главы в том повествовании, в котором мы занимаем лишь одну из начальных глав. Я полагаю, историки 3047 года будут в основном интересоваться колоссальным контрвлиянием, которое окажут жертвы на жизнь агрессора. К 3047 году наша западная цивилизация — как мы знаем из истории последних двенадцати-тринадцати веков, со времен Средневековья — может измениться до неузнаваемости за счет контррадиации влияний со стороны тех самых миров, которые мы в наше время пытаемся поглотить, — православного христианства, ислама, индуизма и Дальнего Востока.

К 4047 году различие, угрожающе заметное сегодня, между западной цивилизацией как агрессором и другими цивилизациями как жертвами, вероятно, будет незначительным. Когда одни влияния будут гаситься контрвлияниями, главное, что будет иметь значение, — это единый великий опыт, общий для всего человечества: испытание, связанное с разрушением собственного локального социального наследия при столкновении с локальным наследием других цивилизаций, с поиском новой жизни — общей жизни, — возникающей на обломках. Историки 4047 года скажут, что воздействие Западной цивилизации на современные ей общества во втором тысячелетии христианской эры составляет эпохальное событие потому, что это первый шаг к унификации мира в единое сообщество. К тому времени единство человечества, вероятно, будет восприниматься как одно из фундаментальных условий человеческой жизни — как бы часть природного миропорядка, и историкам той эпохи, возможно, будет трудно представить со своей стороны локальное местническое мировоззрение пионеров цивилизации в первые шесть, или

около того, тысячелетий своего существования. Эти странные афиняне, которые могли пешком пройти от столицы до дальней границы своего государства, или эти американцы, почти их современники, страну которых — от моря до моря — можно было пересечь за несколько часов на самолете, — как это они могли вести себя таким образом (и ведь вели же, как мы знаем!), словно их маленькая страна и есть вся Вселенная?

А историки 5047 года? Они, представляется мне, скажут, что важность общественной унификации человечества состоит не в технических или экономических достижениях и не в военных или политических делах, но в области религии.

II

Почему я отважился предсказывать, каким образом история нашего времени предстанет взору людей, вглядывающихся в нее с высоты нескольких будущих тысячелетий? Да потому, что мы имеем опыт предыдущих шести тысяч лет со времен первого появления представителей того вида человеческих обществ, которые мы называем цивилизациями.

Шесть тысяч лет — это бесконечно малый срок в сравнении с возрастом человеческого рода, млекопитающих и жизни на Земле вообще, возрастом планетной системы вокруг нашего Солнца, наконец, возрастом самого Солнца или звездного сгустка, в котором наше Солнце не слишком заметная величина. Тем не менее для цели нашего исследования эти последние шесть тысяч лет — как бы ни короток был этот срок — предоставляют нам несколько примеров того явления, которое мы изучаем, примеров столкновений между различными цивилизациями. В отношении ряда таких случаев мы уже имеем преимущество, которое историки 3047 и 4047 годов будут иметь в отношении нас, — преимущество знания полной картины. Именно на примере этих прошлых столк-

Цивилизация перед судом истории

новений я буду размышлять на тему о том, каким может быть результат нашего собственного столкновения с нашими современниками.

Возьмем историю наших предшественников — греко-римской цивилизации — и рассмотрим, как она выглядит из достаточно далекой перспективы, откуда мы оглядываемся на нее нынче.

В результате завоеваний Александра Великого и римлян греко-римская цивилизация распространилась на большей части Старого Света, достигнув Индии, Британских островов и даже Китая и Скандинавии. Единственные цивилизации того времени, не затронутые этим влиянием, были цивилизации Центральной Америки и Перу, так что та экспансия вполне сравнима с экспансией нашего времени и по широте охвата, и по мощи. Когда мы оглядываемся на историю греко-римского мира в период последних четырех веков до Рождества Христова, нам особенно бросается в глаза именно эта великая экспансия и глубина ее проникновения. Войны, революции, экономические кризисы, которые бушевали на поверхности греко-римской истории и волновали умы людей, боровшихся за выживание в то время, сегодня не кажутся нам столь уж значительными в сравнении с культурным греческим влиянием, охватившим Малую Азию, Сирию, Египет, Вавилонию, Персию, Индию, Китай.

Но почему же вообще имеет для нас значение воздействие греко-римской цивилизации на другие цивилизации? В основном из-за контрвлияния этих других цивилизаций на греко-римский мир.

Это контрастование частично осуществлялось тем же способом, что и первоначальное наступление греко-римского мира, то есть силой оружия. Но нас сегодня не слишком интересуют слабые попытки еврейского вооруженного сопротивления греческим и римским имперским завоеваниям в Палестине; или, напротив, успешные контратаки парфян или их персидских последователей, ведомых династией Са-

санидов, восточнее Евфрата; или, наконец, сенсационные победы арабских мусульман, которые в III веке н.э. освободили Ближний Восток от греко-римского правления в такой же короткий срок, какой потребовался Александру Великому, чтобы завоевать его за тысячу лет до того.

Однако помимо этого было и другое контрнаступление, ненасильственное, духовное, в ходе которого завоевывались не крепости и провинции, а умы и сердца. Это наступление осуществили миссионеры новых религий, возникших в тех землях, которые греко-римская цивилизация силой завоевала и покорила. Королем миссионеров по праву может считаться св. Павел, предпринявший дерзкий марш из Антиохии в Македонию, Грецию и Рим и преуспевший на этом пути куда больше, чем некогда Антиох Великий. Новые религии разительно отличались от исконной религии греко-римского мира. В греко-римском язычестве боги имели свои корни в различных локальных социумах: это были свои, местные и узкополитичные боги — Афина Полисная, Фортуна Пренестина, Богиня Рома. Боги же новых религий, ненасильственно завоевывавших сердца и умы греков и римлян, поднялись над местным, локальным происхождением. Они превратились в универсальных богов, несущих спасение всему человечеству — евреям и язычникам, скифам и грекам. Если перевести это великое историческое явление на язык религии, можно сказать, что Единый Истинный Бог воспользовался тем, что сердца людей открылись в результате столкновения и крушения их древних традиций и что он использовал их мучительный опыт для того, чтобы просветить эти внезапно раскрывшиеся души, дав им более полное и истинное понимание Его природы и целей.

Эти два слова — «Иисус Христос» — имеют неопределимое значение для нас и будут, рискну предсказать, все так же важны для человечества и две, и три тысячи лет спустя. Эти два слова были свидетелями столкновения между греко-римской и сирийской цивилизациями, столкновения, в резуль-

Цивилизация перед судом истории

тате которого и родилось христианство. Слово «Иисус» — это третье лицо единственного числа одного семитского глагола; «Христос» — пассивное причастие от греческого глагола. Это двойное имя само по себе — свидетель того, что христианство было рождено от брака двух культур.

Рассмотрим существующие сегодня в мире четыре высшие религии, несущие всемирную миссию: христианство, ислам, индуизм и махаянистскую форму буддизма, преобладающую на Дальнем Востоке. Исторически все они продукт столкновения греко-римской цивилизации с другими, современными ей цивилизациями. Христианство и ислам возникли как альтернативные ответы сирийского мира на греко-римское вторжение; христианство — как ненасильственный ответ, ислам, напротив, — насильственный. Махаянистский буддизм и индуизм суть также ответы — мягкий и бурный — индийского мира все на тот же греко-римский Вызов.

Оглядываясь на греко-римскую историю сегодня, то есть примерно тринадцать веков спустя после падения греко-римской цивилизации, мы увидим, что из этой перспективы наиболее значительным моментом в истории греко-римского мира кажутся встречи его с другими цивилизациями; эти встречи важны не столько своими ближайшими политическими и экономическими результатами, сколько долгосрочными последствиями в религиозном плане. Эта иллюстрация на греко-римском примере, историю которого мы знаем в полном объеме, дает нам некую идею о временных интервалах столкновений между цивилизациями. Воздействие греко-римского мира на другие современные ему цивилизации — сравнимое с воздействием нынешнего западного мира на его современников начиная с рубежа XV и XVI веков — началось с завоеваний Александра Великого в IV веке до н.э., через пять или шесть столетий после освобождения Ближнего Востока от греко-римского господства арабами-мусульманами; в VII веке н.э. ближневосточный мир все еще переводил классические греческие философские и научные труды. Почти

шестнадцать веков, с IV века до н.э. по XIII век христианской эры, происходили столкновения греко-римского мира с современными ему цивилизациями.

Теперь давайте измерим по этой временной шкале в шестнадцать веков продолжительность столкновения нашей западной цивилизации с иными современными ей цивилизациями. Можно было бы сказать, что это столкновение началось с османского наступления на исконные земли западной цивилизации и с великих западных открытий на рубеже XV и XVI веков. От этого времени до нашего — всего четыре с половиной столетия.

Предположим, что сегодня движение мыслей и чувств происходит быстрее (хотя я не знаю никаких свидетельств того, что человеческое подсознание сколько-нибудь меняет свой темп), и если это так, похоже, мы находимся все еще в одной из начальных глав истории нашего столкновения с цивилизациями Мексики и Перу, или православного христианства и ислама, или же индуистского мира и мира Дальнего Востока. Мы только-только начинаем наблюдать самые первые результаты нашего воздействия на эти цивилизации, но мы еще практически не увидели последствий — которые, без сомнения, будут громадными — их нарастающего контрвлияния на нас самих.

Именно нашему поколению выпало увидеть первые слабые шаги этого контрвлияния, и шаги эти нас очень обеспокоили: понравились они нам или нет, но мы почувствовали их значительность. Я, разумеется, имею в виду шаг, сделанный православным христианством в России. Этот шаг важен и тревожен не оттого, что за ним стоит серьезная материальная сила. В конце концов, у русских еще нет атомной бомбы; однако они уже продемонстрировали (и в этом все дело) способность обращать западные души в свою, незападную «веру».

Русские восприняли западную светскую общественную философию, а именно марксизм; с таким же успехом мы

Цивилизация перед судом истории

могли бы назвать марксизм христианской ересью, листом, вырванным из книги христианства и трактуемым как единственно верное Евангелие. Русские приняли эту еретическую западную религию, трансформировали ее в нечто свое и теперь отпасовывают ее обратно нам. Это первый выстрел в контрнаступлении на Запад; однако не исключено, что русский залп в форме коммунизма покажется нам чем-то несущественным, когда гораздо более мощные цивилизации Индии и Китая, в свою очередь, ответят на наш западный вызов. В конечном счете Индия и Китай, вероятно, окажут значительно более глубокое воздействие на нашу западную жизнь, нежели то, на которое может претендовать Россия с ее коммунизмом. Однако и такая слабая локальная цивилизация, как мексиканская, также начинает реагировать на Вызов. Революцию, которую переживает Мексика с 1910 года, можно интерпретировать как первый шаг к тому, чтобы сбросить с себя ярмо западной цивилизации, навязанной нами Мексике в XVI веке; а то, что происходит в Мексике сегодня, завтра может произойти в странах коренной цивилизации Южной Америки — Перу, Боливии, Эквадоре и Колумбии.

III

Прежде чем закончить, я позволю себе коснуться вопроса, от рассмотрения которого я до сих пор уклонялся, а именно: что мы понимаем под словом «цивилизация»? Совершенно ясно, что это слово наполнено для нас содержанием, ибо даже до того, как попытались точно определить его значение, классифицируя человеческие общества как «западную цивилизацию, исламскую, дальневосточную, индусскую цивилизации и т.д.», мы вкладывали в него некий смысл. Эти названия вызывают у нас определенные ассоциации в области религии, архитектуры, живописи, нравов и обычаев. Тем не

менее есть резон глубже всмотреться в то, что же мы понимаем под термином, который так часто употребляем. Мне кажется, я знаю, что для меня лично скрывается под этим термином, по крайней мере я точно знаю, как я пришел к собственному пониманию его смысла.

Под цивилизацией я понимаю наименьший блок исторического материала, к которому обращается тот, кто пытается изучить историю собственной страны, скажем Соединенных Штатов или Соединенного Королевства. Если вы попытаетесь исследовать историю Соединенных Штатов в отдельности, она окажется неинтелигибельной: вы не сможете понять, какую роль сыграли в жизни Америки федеральное правительство, представительное правление, демократия, индустриализм, если не устремите свои взоры вдаль, за пределы ее границ — до Западной Европы и других заокеанских стран, основанных западноевропейцами, — равно как и не продвинетесь во времени за пределы ее местных корней — к истории Западной Европы за века до того, как Колумб или Кэбот пересек Атлантику. Правда, чтобы понять американскую историю и американские институты для практического использования их опыта, нет нужды обращаться за пределы Западной Европы, к истории Восточной Европы или исламского мира, так же как и за пределы западноевропейской цивилизации, ко времени упадка и краха греко-римской цивилизации. Именно эти пределы во времени и пространстве и дают нам интелигибельную единицу общественной жизни, составными частями которой являются и Соединенные Штаты, и Великобритания, и Франция, и Голландия, как бы мы это сообщество ни называли — западным христианством, западной цивилизацией, западным обществом или западным миром. Точно так же, если вы идете от Греции и Сербии или России, пытаясь понять их историю, вы приходите к православному христианству, или византийскому миру. Если начинаете с Марокко или Афганистана, изучая их историю, неизбежно придете к исламскому миру. Начните с Бенгалии или

Цивилизация перед судом истории

Майсура и Раджпутаны, и вы увидите индусский мир. Начните с Китая или Японии — и узнаете Дальневосточный мир.

Несмотря на то что государство, гражданами которого мы являемся, предъявляет все более конкретные и настоятельные требования к нашей лояльности, особенно в нынешнюю эпоху, цивилизация, к которой мы относимся, имеет все-таки большее значение в нашей жизни. А эта цивилизация включает — в большей части своей истории — и граждан других стран помимо нашей собственной. Она старше нашего государства: западная цивилизация насчитывает примерно тринадцать столетий, в то время как Английскому королевству всего тысяча лет, Соединенному Королевству Англии и Шотландии менее двухсот пятидесяти, а Соединенным Штатам — не более полутора. Государства имеют склонность к короткой жизни и внезапным смертям: западная цивилизация, к которой мы с вами относимся, может просуществовать столетия после того, как с политической карты мира исчезнут Соединенное Королевство и Соединенные Штаты, как прежде исчезли их более старшие современники — Венецианская Республика и Австро-Венгерская монархия. Это одна из причин, почему я просил вас рассматривать историю в понятиях цивилизации, а не в понятиях государства, а государство считать неким подчиненным и эфемерным политическим феноменом в жизни цивилизаций, в лоне которых они появляются и исчезают.

ХРИСТИАНСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Когда я недавно перечитывал свои заметки для этого очерка, перед моим мысленным взором возникла картина одного события, происшедшего в столице одной великой империи четырнадцать веков назад, когда эта столица была охвачена войной, войной не внешней, а внутренней, с беспорядками и уличными боями. Император держал совет, решая, то ли ему продолжать борьбу, то ли поднять паруса и отправиться в безопасные края. На царском совете присутствовала императрица, его жена, которая сказала: «Ты, Юстиниан, можешь отправляться, если хочешь, корабль готов, и выход в море еще открыт; но я останусь и буду бороться до конца, потому что “пурпур власти есть лучший саван”». Мне вспомнилась эта фраза, и мой коллега проф. Бейнс нашел ее для меня; я долго раздумывал над ней, применяя к тем обстоятельствам, в которых я пишу, и решил в конце концов уточнить и перефразировать ее так: «Лучший саван есть Царство Божие», — лучший оттого, что это саван, из которого возможно возрождение. Далее, эта парафраза знаменитого греческого высказывания весьма близка — так мне кажется — к трем латинским словам, выражающим девиз Оксфордского университета; и если мы верим в эти три слова — *Dominus Illuminatio Mea* — и готовы жить, сообразуясь с ними, можно без

тревоги смотреть в будущее, что бы нас ни ожидало. Физическое, материальное будущее очень мало зависит от нас. Могут налететь штормы, разрушив до основания дорогое нашему сердцу здание, не оставив камня на камне. Но если эти три латинских слова выражают истину об этом университете и о нас самих, то мы можем быть уверены: пусть камни рушатся, но свет, который освещает наш путь, не угаснет.

Теперь давайте перейдем непосредственно к предмету моего эссе — отношению между христианством и цивилизацией. Именно этот вопрос с основания христианской церкви постоянно был в центре полемики, и, разумеется, всегда существовали самые различные точки зрения на этот предмет.

Согласно одному из самых старых и устойчивых взглядов, христианство послужило разрушению той цивилизации, в недрах которой оно зародилось и развивалось. Этой точки зрения придерживался, мне кажется, уже император Марк, поскольку он признавал присутствие христианства в подвластном ему мире. Этот же взгляд разделял — но в очень резкой и яростной форме — его последователь, император Юлиан, и такого же мнения был историк Гиббон, описавший много позже упадок и крах Римской империи. В последней главе своего труда Гиббон суммирует тему повествования в одной фразе; глядя в прошлое, он говорит: «Я описал триумф варварства и религии». Однако чтобы понять значение этой фразы, следует вернуться к первой главе его труда, к исключительно величественному описанию Римской империи в мирную эпоху династии Антонинов, во II веке после Рождества Христова. Он ведет читателя сквозь века, чтобы в конце долгого повествования сказать: «Я описал триумф варварства и религии», имея в виду, что христианство и варварство совместными усилиями уничтожили цивилизацию, которую символизировала династия Антонинов.

Трудно оспаривать авторитетное мнение Гиббона, однако, я полагаю, в его взгляде есть софизм, извращающий смысл. Гиббон предполагает, что греко-римская цивилизация в эпоху Антонинов была на вершине своего расцвета и что, про-

слеживая ее упадок с этого времени, он прослеживает процесс с самого его начала. Если принять эту точку зрения, очевидно, что христианство развивается с упадком империи, то есть подъем христианства и есть упадок империи. Я думаю, что первоначальная ошибка Гиббона лежит именно в допущении, что древняя цивилизация греко-римского мира начала свое падение во II веке н.э. и что эпоха Антонинов была вершиной этой цивилизации. Я же думаю, что упадок империи начался в V веке до Рождества Христова. Это было не убийство, а самоубийство; собственно, этот акт самоубийства был совершен еще до конца V века до н.э. Ответственность за гибель древней греко-римской цивилизации несет не христианство и даже не философские системы, предшествовавшие ему. Сами эти философские системы возникли оттого, что гражданское общество данной цивилизации уже саморазрушилось, превратившись в некий идол, которому люди платили непомерную дань идолопоклонства. Развитие же философских систем и последующее развитие религий, из которых выросло и христианство как преемник всех их вместе взятых, произошли уже после того, как греко-римская цивилизация приговорила себя к смерти. Подъем философии и тем более религий был не причиной, а следствием.

Когда Гиббон в самом начале своего труда обозревает Римскую империю эпохи Антонинов, он не говорит об этом открыто, однако, я уверен, думает именно так: сам он находится на вершине уже другой цивилизации, вглядываясь в далекую вершину прошлого через широкую котловину варварства, разделяющую их. Гиббон думает: «Тотчас после смерти императора Марка Римская империя начала чахнуть. Все ценности, которыми дорожу я, Гиббон, и мне подобные, начали вырождаться. Победу праздновали религия и варварство. Это плачевное состояние продолжалось многие столетия, а затем, за несколько поколений до меня, не далее как в конце XVII века, вновь начала возрождаться разумная цивилизация». Со своей вершины наблюдателя XVIII века Гиббон оглядывается в век II, на вершину правления Антонинов, а

Цивилизация перед судом истории

нынче, в XX веке, эту же точку зрения — которая, я уверен, заложена в работе Гиббона — совершенно четко и недвусмысленно выражает наш современник, писатель, которого я собираюсь процитировать, и довольно пространно, ибо это, так сказать, формальная антитеза тому тезису, который я намерен отстаивать.

«Греческое и римское общества были построены по принципу подчинения индивида обществу, гражданина — государству; этот принцип устанавливал высшей целью жизнедеятельности безопасность сообщества, считая ее выше безопасности индивида. Воспитанные в этом альтруистическом духе с младенчества, граждане целиком отдавались общественному служению и были готовы положить жизнь ради общего дела; если же они уклонялись от этой высшей жертвы, им даже не приходило в голову, что они не просто низко предпочли личную безопасность интересам своей страны, но что в этом может быть какая-то иная причина. Все изменилось с распространением восточных религий, главной идеей которых была связь души с Богом, а вечное спасение души — тем смыслом, ради которого только и стоило жить. На фоне таких идей процветание и даже само существование государства становятся несущественными. Неизбежным результатом этого эгоистического и аморального учения стало все большее отдаление ревнителей веры от общественного служения, концентрация на собственных духовных переживаниях, презрение к теперешней жизни, которая считается лишь испытательным сроком перед жизнью лучшей и вечной. В общественном мнении высшим идеалом человечности стал образ святого и отшельника, презревшего все земное и посвятившего всего себя созерцанию божественного. Образ святого затмил прежний идеал героя и патриота, который, забыв о себе, живет и готов умереть ради счастья своей страны. Земной град казался убогим и презренным тем, перед чьим взором сияло грядущее пришествие Града Божьего. Таким образом, центр тяжести, так сказать, переместился из настоящего в

будущее, и, сколько бы ни приобрел от такой перемены мир будущий, нет сомнения, что нынешний мир неизмеримо больше потерял вследствие этого. Началась общая дезинтеграция государства. Связи государства и семьи ослабли, общество постепенно расслаивалось, распадалось на отдельные элементы и, таким образом, вновь впадало в варварство, ибо цивилизация существует лишь благодаря активному сотрудничеству граждан и их желанию подчинить собственные интересы общему благу. Мужчины отказывались защищать свою страну и даже продолжать род. В своем стремлении спасти свои души и души других они готовы были дать разрушиться и погибнуть всему материальному миру, ибо отождествляли его с идеей зла. Это наваждение длилось тысячу лет. Возрождение римского права, Аристотелевой философии, древнего искусства и литературы в конце Средних веков обозначило возвращение Европы к коренным идеалам жизни и деятельности, к разумному, мужественному видению мира. Долгий перерыв в ходе цивилизации был окончен. Волна восточного нашествия начала наконец отступать. И все еще отступает».

Поистине отступает! Можно размышлять по поводу того, какие поправки сделал бы автор этого отрывка, впервые опубликованного в 1906 году, сегодня, если бы пересматривал свой труд для четвертого издания. Многие, разумеется, знакомы с этим отрывком. Я пока не упомянул имя его автора, но для тех, кто еще не узнал, скажу, что это вовсе не Альфред Розенберг, это сэръ Джеймс Фрейзер*. Интересно, что этот уважаемый ученый сказал бы о том, в какой форме выражается в последнее время возвращение Европы к «исконным идеалам жизни и нравов».

Итак, вы видите, что самое интересное в этом пассаже Фрейзера — утверждение, что спасение души есть нечто противоположное и несовместимое со служением ближнему. Я попытаюсь в ходе этого эссе опровергнуть его тезис; в дан-

* Сэр Дж. Фрейзер. *The Golden Bough*, часть IV «Адонис, Аттис, Озирис», т. 1, с. 300—301.

ный момент хочу лишь указать, что Фрейзер поддерживает тезис Гиббона и выражает это ясно и недвусмысленно; однако я дам на тезис Фрейзера тот же ответ, что уже высказал в отношении Гиббона: христианство не разрушило древнюю греческую цивилизацию, ибо эта цивилизация надломилась вследствие врожденных дефектов еще до зарождения христианства. И тем не менее я бы согласился с Фрейзером и призвал бы вас согласиться с ним в том, что волна христианства действительно откатывается и наша постхристианская секулярная западная цивилизация представляет собой цивилизацию того же порядка, что и дохристианская греко-римская. Это наблюдение позволяет нам высказать принципиально иной взгляд на соотношение между христианством и цивилизацией — не тот, что разделяют Гиббон с Фрейзером, то есть что христианство разрушило цивилизацию, но прямо противоположный, где христианство оказывается в роли смиренного слуги цивилизации.

В соответствии с этой другой точкой зрения христианство фактически представляет собой зародыш, личинку и куколку, путь от бабочки к бабочке. Христианство — явление промежуточное, некий мост через брешь между одной цивилизацией и другой, и должен признать, что я лично много лет разделял этот, прямо скажем, покровительственный, снисходительный взгляд. Он позволяет смотреть на историческую функцию христианской церкви как на процесс воспроизводства цивилизаций. Цивилизация есть некая особь, стремящаяся к воспроизводству, а христианство сыграло полезную, но второстепенную роль, дав жизнь двум новым секулярным цивилизациям после смерти их предшественницы. Мы наблюдаем упадок древней греко-римской цивилизации со II века христианской эры. А затем, спустя некоторое время, обнаруживаем — в Византии еще в IX веке, а на Западе в XIII веке, в лице империи Фридриха Второго, — новую светскую цивилизацию, поднимающуюся из руин ее греко-римской предшественницы. И когда мы прослеживаем роль христианства

в этот промежуток времени, то приходим к выводу, что христианство это нечто вроде куколки, сохраняющей законсервированные эмбрионы жизни до тех пор, пока они не почувствуют, что готовы раскрыться весенней почкой в новую светскую цивилизацию. Вот таков альтернативный взгляд на теорию христианства как разрушителя древней греко-римской цивилизации; и если посмотреть шире на историю цивилизаций, можно увидеть и другие примеры, на первый взгляд подтверждающие эту модель.

Возьмем другие высшие религии, существующие сегодня бок о бок с христианством: ислам, индуизм, махаянистскую форму буддизма, преобладающую ныне на Дальнем Востоке. Мы увидим роль ислама как куколки между древней цивилизацией Израиля и Ирана и современной исламской цивилизацией Ближнего и Среднего Востока. Индуизм также, по-видимому, заполняет брешь в истории цивилизации в Индии между современной индусской культурой и древней культурой арьев. Буддизм подобным же образом, видимо, сыграл роль посредника между историей Древнего Китая и современной историей Дальнего Востока. В этой общей картине христианская церковь — лишь одна из целого ряда церквей, чьей функцией было служить куколкой для обеспечения воспроизводства цивилизаций и, таким образом, сохранить эту секулярную разновидность общества.

Я думаю также, что в структуре христианской церкви существует куколкообразный элемент — зачаточный элемент, о котором я скажу позднее, — который, возможно, имеет совершенно иную цель, нежели помощь в воспроизводстве цивилизаций. Но прежде чем мы в принципе согласимся с мнением о месте и роли христианства и других живых высших религий в общественной истории — мнением, представляющим эти религии в качестве чистого инструмента для воспроизводства цивилизаций, — продолжим проверку этой теории, попытавшись найти в каждом случае родительско-сыновних отношений между цивилизациями некую церковь-куколку, служащую как бы связующим звеном между роди-

Цивилизация перед судом истории

тельской и дочерней цивилизациями. Если мы посмотрим на историю древних цивилизаций Юго-Западной Азии и Египта, то найдем там зачатки высшей религии в виде поклонения божеству и родственной ему богине. Я называю это зачатком, ибо поклонение Таммузу и Иштар или Адонису и Астарте, Аттису и Кибеле, Озирису и Изиде очень близко к поклонению силам природы, матери Земле и ее плодам; и я думаю, что и здесь также мы видим, что этот зародыш высшей религии в каждом отдельном случае сыграл свою историческую роль, заполнив пустоту там, где обрывалась нить светской цивилизации.

Если, однако, мы продолжим наше обозрение, мы найдем, что этот видимый «закон» действует не всегда. Христианство исполняет свою роль между нашей цивилизацией и древней греко-римской. Но пойдем еще дальше в глубь веков, и мы найдем еще более древнюю, минойскую цивилизацию. Но между минойской и греко-римской цивилизациями мы не найдем никакой высшей религии, соответствующей христианству. Точно так же, если мы углубимся во времени за древнюю цивилизацию арьев в Индии, мы обнаружим следы еще более древней, доарийской цивилизации в долине Инда, найденной в ходе раскопок лишь в последние двадцать лет; но и здесь мы не увидим признаков высшей религии, служившей посредником между двумя цивилизациями. А если перенестись из Старого в Новый Свет и взглянуть на цивилизацию майя в Северной Америке, от которой также родилась дочерняя цивилизация, мы и тут не найдем в промежуточный период ни малейших следов какой-либо высшей религии или церкви одного рода с христианством или исламом, индуизмом или махаянистским буддизмом; нет также никаких свидетельств существования подобной куколки, соединяющей переход от первобытных обществ к древнейшим из известных цивилизаций — то есть к тому, что мы можем назвать первым поколением цивилизаций. Итак, заключая наш краткий обзор всего пространства цивилизаций, мы можем сказать, что отношения высших религий и цивилизаций, по-видимому, раз-

личаются в зависимости от поколения рассматриваемых цивилизаций. Похоже, что мы не найдем высшей религии между первобытными обществами и цивилизациями первого поколения, а между цивилизациями первого и второго поколений — либо никакой, либо лишь только зародыш религии. И только между цивилизациями второго и третьего поколений наличие высшей религии становится, похоже, правилом.

Если в этом анализе есть зерно истины, то открывается третий возможный взгляд на отношение между цивилизациями и высшими религиями, совершенно противоположный тому, что я предложил вам только что. По той второй точке зрения религия подчинена задаче воспроизводства цивилизаций; третий же подход предполагает, что последовательные подъемы и спады цивилизаций могут быть вспомогательным элементом в развитии религии.

Надломы и распады цивилизаций могут оказаться ступеньками к высшему развитию в религиозной сфере. В конце концов, один из фундаментальнейших духовных законов, которые мы знаем, выражен Эсхилом в словах «познание приходит через страдание», а в Новом Завете — словами «Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает». Если применить эти слова к развитию высших религий, достигшему кульминации с расцветом христианства, то можно сказать, что мифические страсти Таммуза и Адониса или Аттиса и Озириса явились предвестниками Страстей Христовых и что Страсти Господни суть кульминация и венец страданий человеческой души в цепи последовательных неудач в ходе развития светской цивилизации. Сама христианская церковь родилась из духовных мук, явившихся последствием краха греко-римской цивилизации. И конечно, христианская церковь имеет корни и в иудаизме, и в зороастризме, а сами эти корни берут начало из времен краха сирийской цивилизации, сестринской по отношению к греко-римской. Израильское и Иудейское царства были лишь двумя из многих государств этого древнего сирийского мира; преждевременное и окончательное разрушение этих секулярных

Цивилизация перед судом истории

сообществ и исчезновение всяческих надежд на продолжение их существования в качестве независимых государств вызвало к жизни иудаизм как религию, высшее выражение духа которой содержится в Плаче Скорбного Слуги, помещенном в Библии сразу за книгой Пророка Исайи. У иудаизма, в свою очередь, тоже есть корень Моисеев, вышедший из иссохших остатков второго поколения древней египетской цивилизации. Я не знаю, были ли Моисей и Авраам историческими личностями, но, я думаю, можно смело утверждать, что они представляют исторические этапы религиозного опыта, и предок и предшественник Моисея Авраам услышал явленное ему откровение и пророчество где-то в XIX или XVIII веке до Рождества Христова, во времена древней цивилизации Шумера и Аккада — самого раннего из известных нам примеров цивилизации, идущей к упадку. Эти люди скорби были предтечей Христа, и страдания, через которые они пришли к своему откровению, были остановками на крестном пути в преддверии распятия. Разумеется, это очень старая мысль, но в то же время и вечно новая.

Если религию уподобить колеснице, то можно сказать, что колеса, на которых она взбирается на Небеса, — это, вероятно, крушения цивилизаций на планете Земля. Похоже, что движение цивилизаций имеет циклический и периодический характер, в то время как движение религии выглядит как одна непрерывная восходящая линия. Возможно, что циклическое движение цивилизаций служит и помогает непрерывному восходящему движению религии через повторяющийся цикл: рождение — смерть — рождение.

Если мы согласимся с таким выводом, он откроет нам довольно неожиданный взгляд на историю. Если цивилизации являются служанками религии и если греко-римская цивилизация сослужила хорошую службу христианству, дав ему жизнь перед тем, как развалиться окончательно самой, тогда цивилизации третьего поколения могут показаться напрасным повторением язычества. И если вместо исторической функции высших религий — способствовать в качес-

тве куколки циклическому процессу воспроизводства цивилизаций — исторической функцией цивилизаций, напротив, является служить, разрушаясь, ступеньками для поступательного процесса все более глубокого религиозного прозрения, тогда общества того типа, который мы называем цивилизацией, должны завершить выполнение своей функции, дав жизнь зрелой высшей религии; и в этом случае наша собственная западная постхристианская секулярная цивилизация была бы в лучшем случае излишним, а в худшем — пагубным отступничеством с пути духовного прогресса. В нашем сегодняшнем западном мире поклонение Левиафану — племенное самопоклонение — это религия, которой мы все в той или иной мере отдаем дань; эта племенная религия является, конечно, чистым идолопоклонством. Коммунизм же, еще одна из религий нашего времени, — это, думаю, лист из книги христианства, лист, вырванный и неверно истолкованный. Демократия — еще один лист из книги христианства, который, мне кажется, если и не истолкован неверно, то, будучи вырван из контекста и секуляризован, во всяком случае, наполовину лишился смысла; и вот теперь очевидно, что в течение нескольких поколений мы живем за счет духовного капитала, то есть придерживаемся христианских обрядов, не обладая христианской верой, а обряды, не поддерживаемые верой, — занятие опустошающее, что мы внезапно и с тревогой осознали лишь в наше время.

Если эта самокритика справедлива, то мы должны целиком пересмотреть наше нынешнее видение современной истории; и если мы сможем усилием воли и воображения отогнать от себя знакомое, укоренившееся представление, то увидим совершенно иную картину исторического прошлого. Наш сегодняшний взгляд на современную историю фокусирует внимание на развитии современной западной секулярной цивилизации как на великом и новейшем явлении в мире. Когда мы наблюдаем за ее развитием, от первого предчувствия этого развития гением Фридриха II Гогеншауфена, через Возрождение, до вспышки демократии и

Цивилизация перед судом истории

науки, а также современной научной технологии, мы воспринимаем этот бурный процесс как великое новое явление в мире, привлекающее наше внимание и вызывающее восхищение. Если же попытаться посмотреть на это как на одно из напрасных повторений язычества — почти бессмысленное повторение того, что греки и римляне делали до нас, и делали великолепно, — то мы увидим, что величайшим новым явлением в истории человечества стало как раз совсем иное явление. На самом деле величайшим новым явлением следует считать не монотонное возвышение в течение нескольких последних веков еще одной светской цивилизации из ложа христианской церкви, а по-прежнему — распятие Христа и духовные последствия этого. Среди множества современных научных открытий есть один любопытный момент, который, на мой взгляд, часто остается незамеченным. На сильно изменившейся временной шкале, которую открыли нам астрономы и геологи, начало христианской эры оказывается исключительно близкой датой; на шкале времени, где девятнадцать столетий не более чем мгновение, начало христианской эры — это всего лишь «вчера». На прежней, старой временной шкале, где сотворение мира и начало жизни на Земле относились не более чем на шесть тысяч лет назад, период в девятнадцать веков кажется длинным, и начало христианской эры, таким образом, выглядит событием далекого прошлого. На самом же деле это — совсем недавнее событие, вероятно, самое недавнее из значительных событий истории; все это подводит нас к рассмотрению перспектив христианства в будущей истории человечества на Земле.

В соответствии с третьим взглядом на историю религии и цивилизации историческая миссия христианской церкви заключалась не просто в том, чтобы служить куколкой между греко-римской цивилизацией и ее дочерними потомками в Византии и на Западе; и если предположить, что эти две цивилизации, наследовавшие древнюю греко-римскую цивилизацию, оказались не более чем бледным повторением их родительницы, то нет причин считать, что само христианство

будет вытеснено какой-либо отдаленной, самостоятельной, отличной от него высшей религией, которая послужит куколкой между гибелью нынешней западной цивилизации и ее потомками. Исходя из теории, что религия имеет подчиненное положение по отношению к цивилизации, следует ожидать рождения новой высшей религии в каждом отдельном случае, с тем чтобы заполнить брешь, образующуюся между одной цивилизацией и другой, следующей за ней. Если же истина в противоположном — если цивилизация есть средство, а религия — результат, тогда опять же цивилизация может гибнуть и воскресать, однако это не вызовет в качестве обязательного следствия смены одной высшей религии на другую. Напротив, если погибнет наша секулярная западная цивилизация, можно ожидать, что христианство не только устоит, но и прирастет мудростью и достоинством в результате свежего опыта мирской катастрофы.

Существует одна не имеющая прецедентов черта нашей постхристианской секулярной цивилизации, которая, несмотря на свое поверхностное свойство, имеет некоторое значение в этой связи. В ходе своей экспансии современная западная секулярная цивилизация превратилась в буквальном смысле слова во всемирную, охватив своей сетью все остальные живущие цивилизации и все примитивные общества. При первом появлении христианства греко-римская цивилизация обеспечила его универсальным государством в виде Римской империи с ее охраняемыми дорогами и корабельными маршрутами, что помогло распространению христианства вдоль берегов Средиземноморья. Современная западная цивилизация, в свою очередь, может исполнить свою задачу, предоставив христианству для распространения общемировой дубликат Римской империи. Мы, конечно, еще не совсем достигли уровня Римской империи, однако победитель в последней войне может оказаться основателем подобной империи. Однако задолго до того, как мир будет объединен политически, он объединится в экономическом

да и во всех других отношениях, связанных с материальной сферой; а унификация нашего нынешнего мира уже давно открыла для св. Павла, проделавшего однажды путь от Орон-та до Тибра под эгидой Рах Романа, возможность двигаться от Тибра до Миссисипи и от Миссисипи до Янцзы. В то же время по примеру трудов Климента и Оригена, вкраплавших элементы греческой философии в христианское учение в Александрии, возможно, где-нибудь на Дальнем Востоке кто-то возьмется вносить в христианство элементы китайской философии. Собственно, этот интеллектуальный подвиг уже частично совершен. Один из выдающихся современных миссионеров и ученых, Маттео Риччи, который одновременно был монахом-иезуитом и китайским ученым, приложил руку к решению этой задачи еще в конце XVI века христианской эры. И вполне возможно, что, как во времена Римской империи, когда христианство черпало из восточных религий или наследовало от них самую суть всего лучшего, что в них было, так и нынешние религии Индии и та форма буддизма, что распространена сегодня на Дальнем Востоке, могут внести новые элементы в христианство, которые привьются в будущем. А затем можно заглянуть вперед и представить, что случится, когда империя Цезаря угаснет — ибо империя самодержца всегда приходит в упадок спустя несколько сотен лет. И может случиться то, что христианство останется духовным наследником всех остальных высших религий, от первых постшумерских элементов ее, заметных в поклонении Таммузу и Иштар, и до тех, что в 1948 году н.э. благополучно живут каждой своей отдельной жизнью бок о бок с христианской, а также всех философий от Эхнатона до Гегеля; при этом христианская церковь как учреждение может остаться социальной наследницей всех остальных церквей и всех цивилизаций.

Эта сторона картины подводит нас к другому вопросу, также всегда древнему и всегда новому: вопросу об отношении христианской церкви и Царства Небесного. Мы наблюдаем

целую серию социумов различного типа, сменяющих друг друга в этом мире. Как первобытный тип социума уступил место другому его типу, известному под названием «цивилизация», в течение краткого периода в шесть тысяч лет, так и этот второй тип локальных и недолговечных обществ может, видимо, уступить место, в свою очередь, третьему виду, воплощенному в едином всемирном и устойчивом представителе — христианской церкви. Если мы можем надеяться на это, мы должны задать себе вопрос: предположим, что это случилось, означает ли это, что Царство Небесное воцарится на Земле?

Я думаю, что вопрос весьма уместен в наши дни, ибо цель большинства современных светских идеологий — построение того или иного вида земного рая. На мой взгляд, ответом на заданный вопрос будет твердое «нет». И тому есть несколько причин, которые я постараюсь изложить как можно яснее.

Одна из самых очевидных и хорошо известных причин лежит в природе общества и природе человека. В конце концов, общество — это лишь общее пространство для деятельности определенного числа личностей, а человеческая личность, во всяком случае, насколько нам известно на сегодня, имеет врожденную способность как к добру, так и к злу. И если эти два положения верны (в чем лично я уверен), и если только природа человека сама по себе не претерпит мутационных изменений, круто меняющих ее характер, то в любом обществе, существующем на нашей планете, потенциал добра и зла будет приходить в мир заново с каждым ребенком и, пока жив человек, зло не сможет быть полностью искоренено никогда. Это, собственно, означает, что замена множества цивилизаций единой универсальной церковью не очистит человеческую натуру от первородного греха; а это, в свою очередь, ведет нас к следующему соображению: до тех пор пока первородный грех останется частью человеческой природы, Цезарь всегда найдет себе дело и всегда будет воздаваться кесарю кесарево, как и Богу Богово в этом мире. Человеческому обществу на Земле не удастся полно-

Цивилизация перед судом истории

стью избавиться от институтов, которые действуют не в силу индивидуального активного желания человека, но частично по привычке, а частично по принуждению. Эти несовершенные институты находятся под патронажем светской власти, которая, может быть, и подчиняется религиозной власти, однако не может быть ликвидирована. Даже в том случае, если верховная власть не просто подчинится церкви, но будет полностью ею устранена, какие-то функции ее перейдут к структуре, ее заменившей, ибо элемент институционализма до сих пор доминировал и в жизни самой церкви в ее традиционной и исторически привычной для нас католической форме.

В католической церкви я различаю два фундаментальных института — Божественную литургию и иерархию, — связанные между собой нерасторжимо тем фактом, что священник по определению наделен властью и правом отправлять религиозный обряд. Если о богослужении дозволительно, не кощунствуя, говорить языком историка или антрополога, то литургию можно определить как более зрелую форму древнейшего религиозного ритуала, элементы которого прослеживаются еще в поклонении самых первых земледельцев плодородию Земли и ее плодам. (Я просто хочу сказать о мирском происхождении обряда.) Что же касается церковной иерархии в ее традиционной форме, то она, как известно, моделируется по образцу не столь уж давнего и не столь благостного (однако оттого не менее могущественного) института — государственной службы Римской империи. Церковь, таким образом, в ее традиционной форме выступает, вооруженная копьем литургии, щитом иерархии и шлемом папства; и, возможно, что скрытой целью — или, если угодно, божественным замыслом, — с какой церковь обрядилась в эти тяжелые институциональные доспехи, была цель вполне практическая — пережить самые стойкие светские институты всех цивилизаций в этом мире. Обозревая все известные нам институты прошлого и настоящего, думаю, можно сказать,

что институты, созданные христианством или заимствованные им и приспособленные к собственным задачам, оказались самыми крепкими и устойчивыми из всех, и поэтому вполне вероятно, что они выживут и переживут все остальные. История протестантской церкви как будто бы говорит, что акт расставания с доспехами, свершенный четыре столетия назад, был преждевременным, однако это не означает, что шаг этот всегда будет считаться ошибкой; и как бы то ни было, институциональный элемент в традиционной католической форме воинствующей церкви на Земле, даже если он окажется незаменимым и обязательным условием выживания, все-таки останется той самой мирской чертой, которая отличает жизнь в лоне воинствующей церкви на Земле от жизни в Царстве Небесном, где в воскресении не женятся и не выходят замуж, но пребывают как Ангелы Божии на Небесах и где каждая отдельная душа улавливает дух Божий из непосредственного обращения к Нему — «как свет от вспышки пламени», как писал Платон в своем Седьмом Письме. Итак, даже если бы церковь завоевала поистине всемирную преданность людей и унаследовала все от последней из цивилизаций и от всех остальных высших религий, земная церковь никогда бы не стала идеальным воплощением Царства Небесного здесь, на Земле. Земной церкви пришлось бы бороться с грехом и унынием и в то же время извлекать из этого пользу, отпуская грехи, и еще долго ей пришлось бы носить доспехи церковных институтов, чтобы обеспечить максимальную крепость, цельность общества, необходимую в земной борьбе за выживание, но добываемую неизбежно ценой ее духовного принижения. По всем этим показателям победившая воинствующая церковь на Земле будет провинцией Царства Небесного, однако в этой провинции гражданам райского содружества придется жить, дышать и трудиться в атмосфере, для них неродной.

Положение, в котором оказалась бы церковь в этом случае, прекрасно описано Платоном в «Федоне» на примере вымышленного земного мира. Как считает Платон, мы живем в ог-

Цивилизация перед судом истории

ромной, но узкой впадине, и то, что мы принимаем за воздух, есть на самом деле осевший туман. Если в один прекрасный день мы сумеем взойти на вершину и вдохнем чистый эфир, увидим солнце и звезды, то лишь тогда мы поймем, каким мутным и тусклым был наш мир там, в низине, где в небесные дали мы смотрели сквозь туман, которым и дышали, как рыбы сквозь толщу воды. Платонов образ — прекрасная метафора жизни воинствующей церкви на Земле; но лучше всего истинную картину выразил Блаженный Августин: «О Каине говорят, что он основал государство, а Авель — как истинный странник и праведник — не сделал ничего подобного. Ибо Собор Святых не от мира сего, хотя и дает жизнь людям здесь, на Земле, в лице которых и совершает свое странствие до тех пор, когда придет его царствие — время, когда он соберет их всех вместе»*.

Это подводит меня к последнему из вопросов, которые я хочу затронуть здесь, вопросу об отношении христианства и прогресса.

Если верно, как я считаю, что земная церковь никогда не будет идеальным воплощением Царства Небесного, то какой смысл можно было бы вложить в слова молитвы: «Да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе»? Правы ли мы, в конце концов, делая вывод, что история религии на Земле — в отличие от циклического развития цивилизаций с их взлетами и падениями — это движение только по восходящей? Есть ли у нас основания думать, что это развитие будет продолжаться бесконечно? Даже если вид общества, называемый цивилизацией, уступит место исторически более молодому и, вероятно, более духовно возвышенному виду, представленному единым всемирным устойчивым представителем этого вида в форме христианской церкви, не может ли случиться так, что придет время, когда состязание между христианством и первородным грехом превратится в устойчивое равновесие духовных сил?

* Блаженный Августин. О граде Божием, кн. XV, гл. 1.

Позвольте мне привести ряд соображений в ответ на эти вопросы.

Во-первых, религиозный прогресс означает прогресс духовный, а дух означает личность. Таким образом, религиозный прогресс должен совершаться в духовной жизни людей — он должен проявляться в повышении их духовного уровня и достижении высшей духовной активности.

Теперь, если мы приняли положение, что духовный прогресс есть индивидуальный прогресс, означает ли это, что мы в конце концов соглашаемся с тезисом Фрейзера о том, что высшие религии по сути своей неизбежно антиобщественны? Если человеческие стремления и энергию, направленную на создание ценностей в рамках цивилизации, перенести на создание тех ценностей, что являются целью высших религий, будет ли это означать, что ценности цивилизации непременно пострадают? Являются ли духовные и общественные ценности прямо противоположными и враждебными друг другу величинами? Верно ли то, что ткань цивилизации пострадает, если спасение отдельной души станет высшей целью жизни?

Фрейзер отвечает на эти вопросы утвердительно. Если бы его ответ был действительно верен, это означало бы, что человеческая жизнь — трагедия, но без катарсиса. Лично я полагаю, что ответ Фрейзера ошибочен, ибо он основывается на фундаментально неверном представлении о природе души и личности. Личность постигаема не иначе как проводник духовной энергии, а единственным постигаемым пределом духовной энергии является отношение между одной духовной сущностью и другой. Именно в силу того, что дух предполагает духовные отношения, христианская теология дополнила иудейскую идею о единстве Бога собственным христианским учением о Троице. Учение о Троице есть теологический способ выразить откровение, что Бог есть Дух; учение об Искуплении есть теологический способ выразить откровение, что Бог есть Любовь. Если человек был создан по образу и подобию Бога и если истинная цель человека — сделать это подо-

бие все более и более точным, то высказывание Аристотеля «человек есть общественное животное» применимо к высшему потенциалу и стремлению человека — стремлению вступить в возможно близкое единение с Богом. Поиски Бога суть сам по себе общественный акт. И если любовь Господня проявилась в этом мире посредством искупления грехов человечества Иисусом Христом, то усилия человека стать ближе к Богу должны включать в себя и попытки следовать примеру Христа, жертвуя собой во искупление грехов своих ближних. Искать и следовать Богу путем Господним есть единственно верный путь к спасению души человеческой на этой Земле. Таким образом, совершенно ошибочна антитеза между попытками спасти собственную душу через поиски Бога и следование Ему и попытками исполнить свой долг по отношению к ближнему. Эти два вида деятельности абсолютно нерасторжимы. Человек, который истинно стремится к спасению собственной души, такое же общественное существо, как житель спартанского «муравейника» или подобный рабочей пчеле коммунист. С той лишь разницей, что христианин — член совсем другого общества, нежели спартанское или левиафанское. Он гражданин Царства Божьего, и поэтому его главная цель — достичь наивысшей степени единения с Богом и подобия Ему; его отношения с ближними — результат, непосредственное следствие его отношений с Богом; его способ полюбить ближнего, как самого себя, состоит в том, чтобы помочь ближнему достичь того, к чему стремится он сам, то есть приблизиться к Богу и стать подобным Ему.

Если такова осознанная цель человека для себя и для своего ближнего в лоне христианской воинствующей церкви на Земле, то совершенно очевидно, что по христианскому завету Божья воля воплотится на Земле, как и на Небесах, в неизмеримо более высокой степени, нежели это возможно в любом земном секулярном обществе. Очевидно также, что в лоне воинствующей церкви на Земле добрые социальные задачи земных обществ будут решаться с гораздо большим

успехом, чем это может сделать мирское общество. Иными словами, духовный прогресс отдельной личности в этом мире несет с собой гораздо более существенный социальный прогресс, нежели какой-либо другой способ достижения этой цели. Парадоксальный, но глубоко истинный и важный жизненный принцип: самый верный способ достичь цели — это стремиться не к самой этой цели, а к чему-то более высокому и едва ли разрешимому в ее рамках. В этом состоит смысл притчи о выборе Соломона в Ветхом Завете и фразы в Новом Завете об утрате жизни и спасении ее.

Таким образом, несмотря на то что замена мирских цивилизаций устойчивым вселенским правлением воинствующей церкви на Земле, без сомнения, почти чудесным образом улучшила бы социальные условия, чего секулярные цивилизации, собственно, и добивались последние шесть тысяч лет, тем не менее цели и критерии прогресса по истинным христианским заповедям на Земле лежали бы вне поля мирской социальной жизни, но в сфере духовной жизни индивидуальной личности на ее пути через земную жизнь от рождения в этот мир до ухода из него.

Но если духовный прогресс в измерениях этого мира означает прогресс, достигаемый индивидуальной человеческой душой во время ее прохождения через земную жизнь в иной мир, то каким же может быть духовный прогресс в масштабе, превышающем человеческую жизнь на Земле, в течение тысячелетий, как, скажем, историческое развитие высших религий от поклонения Таммузу и от Авраама до христианской эры?

Я уже признавался в своей приверженности традиционному христианскому суждению, что нет оснований ожидать какого-либо изменения человеческой природы, пока человечество живет на Земле. До тех пор пока эта планета будет физически обитаема, следует ожидать, что склонность человека к первородному греху будет примерно равна его природной добродетели, как это и было, насколько нам известно, всегда. Самые примитивные общества, известные нам непо-

Цивилизация перед судом истории

средственно или по косвенным свидетельствам, дают примеры не меньшей добродетели и не меньших пороков, чем самые развитые цивилизации или высшие религии, когда-либо существовавшие. В прошлом не произошло сколько-нибудь заметных изменений в обычной, нормальной человеческой природе; по свидетельствам, предоставленным нам историей, нет никаких оснований надеяться на какие-либо существенные изменения — к лучшему ли, к худшему — и в будущем.

Сфера, в которой мог бы произойти определенный духовный прогресс в течение многих поколений жизни на Земле, — это не грешная природа человека, но возможности, открывающиеся душе путем познания, приобретенного через страдание, — достичь более тесного единения с Богом и более близкого подобия Ему.

То, что завещал церкви Христос вместе с пророками, предшествовавшими Ему, и святыми, проповедовавшими после Него, и что сама церковь, организованная в необычайно действенный институт, сумеет аккумулировать, сохранить и передать последующим поколениям христиан, — это неисчерпаемый запас просвещения и благодати (понимая под словом «просвещение» откровение или озарение об истинной природе Бога и истинном предназначении человека здесь и в мире ином, а под благодатью — вдохновение или наитие в стремлении обрести близость и единение с Богом и уподобиться Ему). Именно в этом русле — развитии духовных возможностей, возвышении души на ее жизненном пути на Земле — определенно существует неисчерпаемый источник прогресса.

Являются ли духовные возможности, открытые христианством или любой другой из высших религий, предшественниц христианства, частично предвосхитивших его дар просвещения и благодати для человека на Земле, неизбежным условием для спасения души, понимая под спасением духовное воздействие на душу ее поисков Бога и обретение Его на ее земном пути?

Если да, то бесчисленные поколения людей, у которых не было возможности снискать просвещение и благодать, даваемые христианством и другими религиями, рождались бы и умирали без всяких шансов на спасение души, что является истинным предназначением человека и целью жизни на этой Земле. Мы могли бы допустить такую мысль, хотя это и отвратительно, если бы мы считали, что истинная цель жизни на Земле есть не подготовка души к иной жизни, но создание наилучшего из возможных в этом мире человеческого общества, что по христианскому верованию есть вовсе не истинная цель, а побочный продукт на пути к достижению истинной цели. Если прогресс понимается как социальное развитие Левиафана, а не духовное возрастание индивидуальной души, то, видимо, резонно будет предположить, что для славы и корысти общества бесчисленные прошлые поколения людей были обречены жить в худших социальных условиях, с тем чтобы обеспечить своим потомкам более высокий уровень социальной жизни. Это было бы приемлемо, если согласиться с гипотезой, что индивидуальная человеческая душа существует ради общества, а не ради себя самой или Господа. Однако эта точка зрения не только отвратительна, но и неприемлема, если мы имеем дело с религией, которая говорит, что высшей ценностью и целью в этом мире является стремление индивидуальной души к Богу, а не прогресс общества. Мы не можем согласиться с тем, что тот исторически неоспоримый факт, что просвещение и благодать снисходят на человечество постепенно, охватывая его частями, причем начиная с недавнего времени в истории человеческого рода на Земле, неопровержимо доказывает, что огромное большинство человеческих душ, рожденных в этом мире ранее и не имевших этих духовных возможностей, навсегда духовно утрачены. Мы должны верить, что даваемая Богом возможность познания через страдание всегда предоставляла достаточный шанс на спасение любой душе, если та искала и находила путь воспользоваться этой возможностью, как бы ни мала была эта возможность.

Цивилизация перед судом истории

Однако если бы людям не нужно было ждать пришествия высших религий, достигающих апогея в христианстве, для того чтобы в земной жизни подготовить себя к последующему вечному блаженству в мире ином, то какой бы смысл вообще имело пришествие высших религий и самого христианства? Разница, я должен сказать, в том, что под влиянием христианских заповедей душа, наилучшим образом использовавшая все возможности к спасению, значительно дальше продвинется по пути к единению с Богом еще в земной жизни, чем это возможно для души, не просвещенной религией. Душа язычника имеет те же шансы на спасение, что и душа христианина, но душа, открытая просвещению и благодати, которые несет с собой христианство, будет еще в этом мире озарена светом мира иного. И свет этот озаряет ее в большей степени, нежели душу язычника, нашедшую спасение в узких рамках своего собственного мира.

Таким образом, историческое развитие религии в этом мире, начиная с возникновения высших религий с их высшей ступенью — христианством, может принести, и почти наверняка принесет, неизмеримо лучшие условия социальной жизни человека здесь, на Земле; но непосредственное влияние христианства, его сознательная цель и истинный критерий есть та возможность, которую оно дает индивидуальной душе для духовного прогресса в ее земном пути. Именно об этом индивидуальном духовном развитии в этом мире мы молимся, когда произносим «да будет воля Твоя и на Земле, как на Небе». Именно о спасении души, открытом всякому человеку доброй воли — язычнику так же, как и христианину, первобытному, как и цивилизованному, — человеку, который использует каждую возможность, сколь бы мала она ни была, молимся мы, когда произносим «да придет Царствие Твое».

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДЛЯ ДУШИ

Theologia Historici

Вопросы, затронутые в этом очерке, веками вызывали живейшие дебаты между теологами и философами. Поднимая их вновь, автор рискует впасть в заблуждение, которое его читателям может показаться элементарным. Разумеется, он вступает на хорошо известную протоптанную дорожку. Тем не менее он отважился на это в надежде, что теологам может быть интересно, как эти старые теологические проблемы выглядят с точки зрения историка. В любом случае теологи могут позабавиться, наблюдая за тем, как неосмотрительный историк барахтается в хорошо знакомой им, скрупулезно исследованной теологической трясине.

Начнем наше исследование с того, что последовательно рассмотрим две точки зрения, лежащие на двух противоположных краях историко-теологической палитры, каждая из которых, если считать их приемлемыми, могла бы объяснить значение истории для души достаточно простым языком. По мнению автора (могу заявить об этом заранее), обе эти точки зрения несостоятельны, хотя в каждой есть элемент истины, который теряет силу, будучи доведен до крайности.

Чисто приземленный взгляд

Первая из этих крайних точек зрения сводится к тому, что для души весь смысл существования заключается в истории.

С этой точки зрения индивидум есть не что иное, как только часть общества, членом которого он является. Индивидум существует для общества, а не общество для индивидума. Таким образом, наиболее значительный и важный момент в жизни человека — это не духовное развитие души, но социальное развитие общества. По мнению автора, этот тезис ошибочен и, когда его берут за основу и претворяют в жизнь, приводит к нравственному падению.

Утверждение, что индивид есть лишь часть общественно-го целого, может быть истинным в отношении общественных насекомых — пчел, муравьев, термитов, — но не в отношении представителей человеческого рода, к какому бы из известных нам обществ они ни принадлежали. Антропологическая школа начала XX века, в которой видное место занимал Дюркгейм, дала портрет первобытного человека, рисуя его как некую особь, отличную в умственном и духовном отношении от нас, существ якобы разумных. Черпая свои доводы из описания существующих примитивных сообществ, эта школа представила первобытного человека как существо, ведомое не собственным разумным интеллектом, но коллективными эмоциями человеческого стада. Это резкое разделение на «нецивилизованную» и «цивилизованную» человеческую породу следует, однако, радикально пересмотреть и смягчить в свете поучительных психологических открытий, сделанных после Дюркгейма. Психологические исследования показали, что так называемый дикарь отнюдь не обладает монополией на сугубо эмоциональную жизнь, ведомую коллективным бессознательным. Хотя впервые это действительно открылось в отношении первобытного человека путем антропологиче-

ских изысканий, психологические исследования ясно показали, что и в наших, сравнительно развитых душах коллективное подсознательное также лежит под слоем сознания, которое плавает на его поверхности, подобно углу суденышку на бездонной и бескрайней поверхности океана. Какова бы ни была конституция человеческой психики, мы можем быть более или менее уверены, что она, по существу, одинакова и у индивидов вроде нас, взбирающихся с нижнего примитивного уровня человеческой жизни на борт цивилизации, и у бывших некогда первобытными сообществ, вроде папуасов в Новой Гвинее или негритосов в Центральной Африке, испытывавших в последние несколько тысяч лет влияние излучения тех обществ, которые принадлежали к цивилизациям того времени. Психическая структура всех существующих человеческих индивидов во всех существующих типах обществ по сути своей идентична, и у нас нет оснований считать, что она была другой у более ранних представителей вида *sapiens* рода *homo*, о которых мы судим не по опыту общения антрополога с живущими людьми, но по свидетельствам археологов и физиологов, расшифровывающих древние остатки и останки. Насколько мы знаем *homo sapiens*'а как в самом примитивном его состоянии, так и в наименее примитивном из существующих, мы можем заключить, что человеческий индивидуум обладает некоей сознательной личностью, которая поднимает его душу над хлябями коллективного подсознательного, а это означает, что каждая отдельная душа действительно имеет собственную жизнь, отличную от жизни общества. Мы можем также сделать вывод, что индивидуальность есть жемчужина огромной нравственной ценности, наблюдая, сколь глубоко моральное падение общества, когда эту жемчужину втоптывают в грязь.

Падение это особенно заметно в крайних примерах, таких как спартанский образ жизни в классическом греческом обществе, рабский распорядок дворцовой жизни османского султана в ранней фазе современного исламского мира, тоталитаризм в СССР.

литарные режимы, силой навязанные ряду западных или частично вестернизированных стран нашего времени. Но когда мы на этих крайних примерах начинаем постигать природу этого морального падения, очень поучительно наблюдать оттенки спартанства в патриотизме заурядного классического греческого города-государства или примесь тоталитаризма в нашем привычном западном национализме. В понятиях религиозных такое отношение к индивидууму как простой частичке общества есть отрицание личного отношения души к Богу, замена поклонения Богу поклонением человеческому сообществу — Левиафану. Бальдур фон Ширах, лидер германской национал-социалистической молодежи, однажды заявил, что его задача — «воздвигнуть в каждом германском сердце алтарь Германии». Грешно поклоняться рукотворному институту, преходящему, несовершенному и крайне порочному в своей деятельности, и стоит вспомнить здесь, что даже весьма благородная — вероятно, самая благородная из всех возможных — форма поклонения Левиафану была непреклонно отвергнута ранним христианством. Если какое-то общество и было когда-либо достойно поклонения, это могло быть универсальное государство вроде Римской империи, принесшее благословение мира и единения на земли, истерзанные долгими войнами и революциями. И тем не менее первые христиане предпочли бросить вызов непобедимой мощи римского имперского правительства, чем скомпрометировать себя поклонением Левиафану, что настойчиво навязывалось им как всего лишь благожелательная формальность.

Поклонение Левиафану — это нравственное преступление, даже в его самой мягкой и самой благородной форме; правда, есть некий элемент истины в том ошибочном утверждении, что общество — это высшая цель человека и что индивид лишь средство ее достижения. Этот элемент истины состоит в том, что человек — существо общественное. Он не может использовать возможности, заложенные в его природе, иначе как вступая во взаимоотношения с другими духов-

ными индивидами. Христианин сказал бы, что самое важное из взаимоотношений — это связь души с Богом, но душе необходимо также общение с другими ей подобными, тоже являющимися детьми Божьими.

Чисто потусторонний взгляд

Теперь мы сделаем большой прыжок на другой полюс и рассмотрим прямо противоположный взгляд, который гласит, что для души единственный смысл ее существования лежит вне пределов истории.

В соответствии с этой точкой зрения этот мир совершенно бессмыслен и порочен. Задача души здесь — выдержать существование в этом мире, отстранившись от него, и затем покинуть его. Таковы взгляды буддистов (каковы бы ни были личные убеждения самого Будды), стоиков и эпикурейской школы философии. Учение Платона тоже несет в себе сильный оттенок этого убеждения. Исторически христианству также приписывался этот взгляд (по мнению автора — ошибочно).

В соответствии с крайними буддийскими воззрениями душа сама по себе является неотъемлемой частью чувственного мира, так что для того, чтобы оторваться от этого мира, душе необходимо уничтожить себя. Во всяком случае, ей придется уничтожить те свои элементы, которые для христианина являются важнейшими составляющими ее существования: прежде всего чувство любви и чувство сострадания. Это совершенно отчетливо прослеживается в хинаянистской форме буддизма, но присутствует и в махаяне, даже при том, что приверженцы махаянистской школы неохотно рассуждают о высшем смысле собственных теорий. В махаяне Бодхисатва из любви и сострадания к своим чувственным ближним может целую вечность откладывать собственный уход в

Цивилизация перед судом истории

нирвану только затем, чтобы помочь ближним последовать по пути, который он нашел для себя. И все-таки этот путь в конце концов путь ортодоксальный, ведущий к спасению только через самоуничтожение, и жертва Бодхисатвы, как бы велика ни была она, все же не бесконечна. И сколько бы он ни откладывал, ему придется сделать этот последний шаг в нирвану, ибо он стоит на пороге ее, и в этот последний миг он уничтожит вместе с собой и ту любовь, и то сострадание, которые завоевали ему ответную любовь и благодарность человечества.

Стойка можно было бы охарактеризовать (вероятно, несколько недоброжелательно) как притворного буддиста, которому не хватает смелости до конца соответствовать своим убеждениям. Что же касается эпикурейца, то он рассматривает этот мир как случайный, бессмысленный и порочный продукт механического взаимодействия атомов, и, поскольку вероятная продолжительность существования конкретного преходящего мира, в котором он оказался, слишком велика по сравнению с возможной продолжительностью человеческой жизни, ему ничего не остается делать, как ожидать собственной кончины или ускорить ее по собственному усмотрению.

Христианин, относящийся к крайней, «потусторонней» школе, верит, конечно, что Бог существует и создал этот мир с определенной целью, но, по его мнению, с целью отрицательной — подготовки души через страдание к жизни в ином мире, с которым у здешнего мира нет ничего общего.

Такой взгляд, что смысл существования души лежит целиком за пределами истории, по мнению автора, представляет трудности, которые даже в смягченной христианской версии преодолеть невозможно, с христианской точки зрения.

Во-первых, этот взгляд несовместим, бесспорно, с четким понятием христианина о природе Бога: с понятием, что Бог любит свои творения и, следовательно, любит этот мир, в

котором Он воплотился ради того, чтобы принести спасение человеческим душам в течение их земной жизни. Довольно трудно представить себе любящего Бога, создающего этот или любой другой мир существ, наделенных чувствами, не ради него самого, но лишь как средство для достижения некоей цели в другом мире, для счастливых обитателей которого здешний мир просто ничейная земля за оградой. Еще труднее представить Его сознательно наделяющим грехом и страданием эту забытую, ничейную землю, собственноручно созданную с холодной головой полевого командира, который готовит полигон для учений, начиняя его боевыми минами, неразорвавшимися снарядами и гранатами, поливая ядовитым газом, чтобы научить солдат справляться с этими адскими машинами страшной ценой жизни и смерти.

Более того, независимо от Божественной воли мы с уверенностью можем сказать, что душа не должна рассматривать отношения с другими душами в этом мире как нечто несущественное и ей безразличное, как только средство к собственному спасению, то есть вместо того чтобы учиться в этом мире христианским добродетелям в ожидании мира иного, пестование столь одиозной бесчеловечности в отношении своих ближних было бы, напротив, воспитанием черствости в сердце вопреки всем побуждениям христианской любви. Иными словами, с христианской точки зрения это был бы наихудший из возможных способов воспитания души.

Наконец, если мы считаем, что всякая душа есть абсолютная ценность для Бога, мы должны признать, что и друг для друга души также должны представлять абсолютную ценность, где бы и когда бы они ни встретились, — абсолютную ценность в этом мире в ожидании мира будущего.

Таким образом, взгляд, согласно которому смысл существования души лежит вне пределов истории, оказывается столь же отталкивающим, сколь и противоположный взгляд, изложенный нами выше. Однако можно нащупать элемент истины в основе заблуждения. Хотя и неверно, что обще-

Цивилизация перед судом истории

ственная жизнь человека и человеческие отношения в этом мире суть лишь средства достижения некоей духовной цели, в основе лежит истина, что в этом мире мы действительно познаём любовь через страдание; что жизнь в этом мире сама по себе еще не конец, что она лишь фрагмент (хотя и подлинный) какого-то большого целого; что, наконец, это большое целое является центральной и основной, хотя и не единственной, сверхзадачей души на ее пути к Богу.

Третий взгляд: мир как провинция Царства Божьего

Итак, мы отвергли два подхода, каждый из которых дает свой ответ на вопрос: каково значение истории для души? Мы отказались признать крайние мнения, согласно которым смысл существования души лежит либо целиком в пределах истории, либо целиком вне истории. Но эти два противоположных вывода ставят нас перед дилеммой.

Отрицая правомерность взгляда, что смысл существования лежит только в пределах истории, мы отстаиваем приоритетное значение отношения души к Богу, рассматривая служение души Богу и как факт, и как ее право, и как ее долг. Но если каждая душа — независимо от места и времени, исторической или общественной ситуации в мире — в состоянии познать и возлюбить Бога, или, говоря богословским языком, в состоянии обрести спасение, то история, похоже, совсем теряет свое значение. Если самый примитивный народ в условиях зачаточных социальных и духовных отношений может достичь высшей цели человека в его отношении к Богу, тогда зачем нам стремиться к тому, чтобы улучшить этот мир? И правда, какой умопостигаемый смысл можно придать этим словам? С другой стороны, отрицая тот взгляд, что смысл существования души лежит целиком за пределами истории,

мы отстаивали примат Божьей любви к своим творениям. Но если этот мир имеет ценность, как то и должно быть, если Бог любит его и воплощается в нем, тогда и Его попытки, и наши собственные, вдохновленные им попытки сделать этот мир лучше должны быть и уместными, и значительными в каком-то смысле.

Можем ли мы разрешить это видимое противоречие? Вероятно, мы могли бы решить эту дилемму, если бы нашли ответ на вопрос: что́ есть прогресс в этом мире?

Прогресс, о котором мы говорим здесь, — это последовательное совершенствование нашего культурного наследия, непрерывное и кумулятивное, от поколения к поколению. Мы должны понимать прогресс таким образом, ибо нет никаких оснований предполагать, что в рамках «исторического времени» наблюдается какой-либо прогресс в эволюции самой человеческой природы как физической, так и духовной. Даже если мы раздвинем наш исторический горизонт до прихода в мир *homo sapiens*, период времени будет слишком мал по сравнению со шкалой эволюции жизни на этой планете. Западный человек, при всем высоком уровне интеллектуального развития и технологических возможностей, не сбросил с себя родовое адамово наследие первородного греха и, насколько мы можем судить, *homo aurgnascius*, живший сто тысяч лет назад, был наделен — во зло или во благо — теми же самыми духовными и физическими характеристиками, что мы находим в себе. Таким образом, прогресс, насколько о нем можно говорить в пределах «исторического времени», должен состоять в совершенствовании нашего культурного наследия, а не в улучшении нашей породы, и конечно, научные знания и их практическое применение являются весьма убедительным свидетельством в пользу социального прогресса, как, собственно, и все, что касается сферы контроля человека над силами неживой природы. Это, однако, побочный результат, ибо впечатляющее свидетельство прогресса в этой области основано на очевидном факте, что человек довольно успешно

Цивилизация перед судом истории

справляется с неживой природой. С чем он справляется значительно хуже, так это с человеческой природой, как своей собственной, так и своих ближних. А fortiori, он вообще проявил себя малоспособным вступать в надлежащие отношения с Богом. Человек достиг чрезвычайных успехов в области интеллекта и ноу-хау и оказался полным неудачником в сфере духа; это великая трагедия жизни на Земле — то, как поразительно неадекватно проявляет человек свои способности в материальной и духовной сферах, ибо духовная сторона жизни значительно важнее для человеческого благосостояния (даже в материальном отношении в конечном итоге), нежели его контроль над неживой природой.

Каково же состояние духовной стороны жизни, столь важной для человека и столь неосмотрительно им запущенной? Может ли существовать кумулятивный прогресс в развитии жизни человечества, принимая во внимание то, что она подразумевает духовную жизнь каждой отдельной души, ибо отношения человека с Богом есть вещь персональная, а не коллективная? Возможным типом прогресса в этой области — таким, который придаст истории значение и оправдает любовь Бога к этому миру и Его воплощение в нем, — могло бы быть совокупное совершенствование средств проявления добродетели для каждой отдельной души в этом мире. Есть, разумеется, в духовной жизни человека ряд факторов, и очень важных, которые не будут затронуты добродетелью. Это врожденная склонность человека к первородному греху и его способность к обретению спасения в этом мире. Каждое дитя рождается на свет в кабале первородного греха, и по Ветхому и по Новому Завету — равным образом, хотя рожденный под защитой Нового Завета имеет больше возможностей к обретению спасения, нежели его предшественники. Опять же, и по Ветхому и по Новому Завету любой душе открыт путь к спасению в этом мире, ибо каждая душа всегда и везде имеет возможность познать и возлюбить Бога. Собственно, реальный — и сиюминутный — эффект совершенст-

А. Дж. Тойнби

вованя средств проявления добродетели состоит в том, чтобы указать человеческой душе путь к Богу еще в этом мире и научить ее любить Его.

При таком подходе этот мир не будет лишь духовным экспериментальным полигоном за оградой Царства Божия; он станет одной из провинций Царства — одной, и не самой значительной. Однако эта малая частица Царства Божия будет обладать такой же абсолютной ценностью, что и остальные, а значит, и духовная деятельность будет восприниматься как абсолютно необходимая — единственно ценная в мире, где все остальное лишь суета и тщета.

МИР И ЗАПАД

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возможно, когда-то столкновение Запада с остальным миром будет признано наиболее значительным событием современной истории. Это выдающийся пример исторического феномена, представленного целым рядом известных событий прошлого, и сравнительное исследование хода и последствий этих столкновений между цивилизациями, современными друг другу, дает ключ к пониманию истории человечества.

Данная книга основывается на лекциях, прочитанных автором в 1952 году по приглашению Би-би-си. Когда Би-би-си обратилась ко мне с просьбой провести цикл Ruth Lectures, я остановил свой выбор на одной из тем, рассматриваемых в последних четырех томах моей книги «Постижение истории», которая сейчас печатается и должна выйти в 1954 году. Я выбрал тему «Мир и Запад»; а теперь, когда лекции уже переданы по радио и напечатаны в журнале «Listener», я решил подготовить их для публикации.

Цель этой книги — представить в краткой и простой форме ту тему, которая намного шире исследована в выходящем вскоре VIII томе «Постижения истории», поэтому настоящая работа не будет дублировать ни соответствующие главы книги (т. VIII, ч. IX), ни соответствующие места в

А. Дж. Тойнби

сокращенном однотомном издании, посвященном VII—X томам «Постижения истории», которое г-н Дж. С. Sommerwell намерен выпустить следом за его блестящим изложением первых шести томов.

Декабрь 1952 года
А. Дж. Тойнби

РОССИЯ И ЗАПАД

Вероятно, лучший способ для автора представить читателю предмет своего труда — это объяснить, почему книге дано именно то название, которое она носит. «Почему, — может изумиться читатель, — книга названа «Мир и Запад»? Разве не называем мы Западом всю основную часть мира, которая сегодня имеет какое-то значение для жизни мира? А если автор хочет сказать что-то об остальной, незападной части мира, то почему он поставил эти два слова в таком порядке? Почему бы ему не написать «Запад и мир» вместо «Мир и Запад»? Отчего он не поставил слово «Запад» на первое место?»

Название в том виде, в каком оно вам представлено, было выбрано специально для того, чтобы сделать упор на двух моментах, весьма существенных для понимания самого предмета рассмотрения. Первый момент — это то, что Запад никогда не составлял всего значимого мира. Запад никогда не был единственным действующим лицом на сцене современной истории, даже находясь на самой вершине западной мощи (а вершина эта, вероятно, уже пройдена). Второй момент: в столкновении между миром и Западом, которое длится к нынешнему времени уже четыре или пять веков, именно остальной мир, а не Запад обрел наиболее значительный опыт.

Не мир нанес удар Западу, а именно Запад нанес удар — и очень сильный — остальному миру; вот почему в названии этой книги слово «мир» поставлено на первое место.

Западный человек, который захочет разобраться в этой теме, должен будет хотя бы на несколько минут покинуть «свою кочку» и посмотреть на столкновение между остальным миром и Западом глазами огромного незападного большинства человечества. Как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все — русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные — ответят одинаково. Запад, скажут они, — это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии. Русские напомнят, как их земли были оккупированы западными армиями в 1941, 1915, 1812, 1709 и 1610 годах; народы Африки и Азии вспомнят о том, как начиная с XV века западные миссионеры, торговцы и солдаты осаждали их земли с моря. Азиаты могут еще напомнить, что в тот же период Запад захватил львиную долю свободных территорий в обеих Америках, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке и Восточной Африке. А африканцы — о том, как их обращали в рабство и перевозили через Атлантику, чтобы сделать живыми орудиями для приумножения богатства их алчных западных хозяев. Потомки коренного населения Северной Америки скажут, как их предки были сметены со своих мест, чтобы расчистить пространство для западноевропейских незваных гостей и их африканских рабов.

У большинства западных людей эти обвинения вызовут удивление, шок и печаль, и даже, вероятно, возмущение. Голландцы скажут, что они же ушли из Индонезии, а британцы — что они оставили Индию, Пакистан, Бирму и Цейлон еще в 1945 году. У британцев на совести не лежит никакой новой агрессии со времен войны в Южной Африке в 1899—1902 годах, а у американцев — с испанско-американской войны

1898 года. Мы слишком легко забываем, что германцы, напав на своих соседей, включая Россию, в Первой мировой войне и повторив свою агрессию во Второй, тоже принадлежат к Западу и что русские, как и народы Азии и Африки, не видят больших различий между различными ордами «франков», как звучит общемировое наименование людей Запада среди масс. Как говорит известная латинская поговорка, «когда мир выносит приговор, последнее слово всегда за ним». И без сомнения, суждение мира о Западе определенно подтверждается в последние четыре с половиной столетия, вплоть до 1945 года. За все это время мировой опыт общения с Западом показывает, что Запад, как правило, всегда агрессор, и если в отношении России и Китая знак переменялся на противоположный, то это совершенно новая ситуация, возникшая только после окончания Второй мировой войны. И страх, и возмущение Запада по поводу недавних агрессивных действий России и Китая в отношении Запада только подтверждают, что для нас, западных людей, это совершенно новый опыт — пострадать от рук остального мира, как весь остальной мир страдал от Запада в течение последних столетий.

Итак, каков же опыт остального мира в общении с Западом? Начнем с опыта России, ибо Россия есть часть общемирового незападного большинства человечества. Хотя русские были христианами, а многие и сейчас ими остаются, они никогда не принадлежали к западному христианству. Россия была обращена в христианство не Римом, как, например, Англия, а Константинополем; несмотря на их общие христианские корни, восточноправославное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории.

Эта довольно печальная история отношений России с Западом имела тем не менее довольно счастливую первую главу, ибо, несмотря на различный образ жизни, Россия и

Запад довольно удачно взаимодействовали в пору раннего Средневековья. Шла взаимная торговля, заключались династические браки. Например, дочь английского короля Гарольда вышла замуж за русского князя. Отчуждение началось в XIII веке, после нашествия татар на Русь. Татарское иго продолжалось недолго, ибо татары были степными кочевниками и не могли укорениться в русских лесах и полях. В результате татарского ига Русь потеряла убытки, в конце концов, не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси, для того чтобы отрезать от нее и присоединить к западнохристианскому миру западные русские земли в Белоруссии и на Украине. Только в 1945 году России удалось вернуть себе те огромные территории, которые западные державы отобрали у нее в XIII и XIV веках.

Западные завоевания средневекового периода отразились на внутренней жизни России и на ее отношениях с западными обидчиками. Давление Запада на Россию не только оттолкнуло ее от Запада; оно оказалось одним из тех тяжелых факторов, что побудили Россию подчиниться новому игу, игу коренной русской власти в Москве, ценой самодержавного правления навязавшей российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить. Не случайно, что это новое самодержавное централизованное правление возникло именно в Москве, ибо Москва была форпостом на пути возможной очередной западной агрессии. Поляки в 1610 году, французы в 1812-м, германцы в 1941-м — все шли этим путем. И вот с тех давних пор, с начала XIV века, доминантой всех правящих режимов в России были самовластие и централизм. Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако, к несчастью, русские научились терпеть ее, частично просто по привычке, но и оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями.

Такое смиренное отношение к самовластному режиму, ставшее традиционным в России, является, с нашей, западной, точки зрения, одной из главных трудностей в сегодняшних отношениях между Россией и Западом. Огромное большинство людей на Западе считают, что тирания — это невыносимое социальное зло. Ценой страшных усилий мы задавили тиранию, когда она подняла голову среди нас в виде фашизма и национал-социализма. Мы чувствуем такое же отвращение к ней в ее российской форме, будь она названа царизмом или коммунизмом. Мы не хотим наблюдать за распространением этой российской формы тирании; особенно мы стали задумываться об опасности, грозящей западным идеалам свободы, сейчас, когда мы, франки, впервые со времен турецкой осады Вены в 1682—1683 годах почувствовали себя в положении обороняющейся стороны. Наше нынешнее беспокойство по поводу угрозы, исходящей, по нашему мнению, от России, кажется нам вполне оправданным. Однако мы должны внимательно следить за тем, чтобы изменение знака в отношениях России и Запада после 1945 года не увело нас в сторону и не заставило в наших естественных заботах о настоящем забыть о прошлом. Если мы посмотрим на столкновение между Россией и Западом глазами историка, а не журналиста, то увидим, что буквально целые столетия вплоть до 1945 года у русских были все основания глядеть на Запад с не меньшим подозрением, чем мы сегодня смотрим на Россию.

За последние несколько веков угроза России со стороны Запада, ставшая с XIII века хронической, только усиливалась с развитием на Западе технической революции, и следует признать, что, однажды разразившись, эта революция не проявляет до сих пор никаких признаков спада.

Стоило Западу взять на вооружение стрелковое оружие, Россия тотчас же последовала за ним и уже в XVI веке использовала это новое западное оружие для покорения волжских татар и первобытных народов Урала и Сибири. И тем не менее в 1610 году превосходство западных вооружений

позволило полякам захватить Москву и удерживать ее в течение двух лет, в то время как шведы примерно тогда же перекрыли России выходы к Балтийскому морю и Финскому заливу. В ответ на западные акты агрессии Россия в XVII веке целиком переняла западную технологию того времени, усвоив и некоторые элементы западного образа жизни, неотделимые от использования технологии.

Характерной чертой самодержавного централизованного московского режима было то, что эта техническая и сопровождавшая ее социальная революции, совершившиеся в России на переломе XVII и XVIII веков, были проведены сверху вниз, волей одного человека, гением Петра Великого. Петр является ключевой фигурой для понимания отношений остального мира с Западом не только в отношении России, но и в мировом масштабе; ибо Петр — это архетип авторитарного реформатора в западном духе, и он на два с половиной столетия избавил мир от попадания в полную зависимость от Запада, научив его противостоять западной агрессии ее же собственным оружием. Султаны Селим III и Махмуд II, президент Мустафа Кемаль Ататюрк в Турции, Мехмед Али Паша в Египте, высшие государственные чиновники, совершившие вестернизацию Японии в 1860-х годах, — все они, вольно или невольно, ступали по тропе, проложенной Петром Великим.

Петр запустил Россию на орбиту технологического соревнования с Западом, и по этой орбите она движется по сей день. Россия никогда не могла позволить себе отдохнуть, ибо Запад постоянно делал новые броски. Так, Петр и его потомки в XVIII веке подняли Россию на уровень западного мира того времени, благодаря чему русские смогли победить шведских захватчиков в 1709 году и французских агрессоров в 1812-м, но уже в XIX веке Промышленная революция на Западе вновь оставила Россию позади, и — как следствие — Россия потерпела поражение от германского вторжения в ходе Первой мировой войны, так же как двумя веками раньше она пострадала от поляков и шведов. Современное ком-

мунистическое автократическое правительство смогло смести царизм вследствие поражения России в 1914—1918 годах от западной технологии, и в период с 1928 по 1941 год коммунистический режим попытался сделать для России то, что удалось Петру 230 лет назад.

Во второй раз в современной фазе своей истории России пришлось по воле самовластного правителя пуститься ускоренным маршем вдогонку за западной технологией, которая в очередной раз ушла вперед; и сталинский тиранический путь технической вестернизации осуществлялся, как это было и в петровские времена, через тяжкие испытания и принуждение. Коммунистическая техническая революция в России предопределила победу над германскими захватчиками во Второй мировой войне, так же как петровская техническая революция обеспечила победу над шведскими агрессорами в 1709 году и над французскими — в 1812 году. И тогда спустя несколько месяцев после освобождения российской земли от германской оккупации в 1945 году американские союзники России сбросили на Японию атомную бомбу, которая возвестила о третьей западной технической революции. Так что теперь в третий раз России приходится выступать ускоренным маршем в попытке догнать западную технологию, сделавшую новый бросок вперед и опять оставившую Россию позади. Результат этой новой, третьей стадии перманентного соревнования между Россией и Западом еще скрыт в тумане будущего; однако уже сейчас совершенно ясно, что возобновление технологических гонок создает новые серьезные трудности для взаимоотношений между двумя эксхристианскими обществами.

Технология — это всего лишь длинное греческое слово, изначально означавшее «сумка с инструментами»; нам следует спросить себя: какие инструменты имеют наибольшее значение в этом соревновании, все ли они служат показателем мощи и силы? Разумеется, этой цели служат и ткацкий станок, и локомотив, как и пулемет, самолет или бомба. Но среди этих инструментов есть отнюдь не только материаль-

ные, но и духовные, наиболее мощные из всех, что создал человек. Таким инструментом может стать, скажем, мировоззрение; и в новом раунде соревнования между Россией и Западом, открывшемся в 1917 году, русские бросили на чашу весов мировоззрение; и этот духовный инструмент способен перевесить материальные орудия Запада, подобно тому как в истории о выкупе Рима у галлов меч Бренна, брошенный на весы, перевесил все золото Рима.

Итак, коммунизм есть оружие, и как бомбы, самолеты и пулеметы, это тоже оружие западного происхождения. Не изобрети его в XIX веке Карл Маркс и Фридрих Энгельс, два человека с Запада, воспитанных в рейнской провинции и проводивших большую часть жизни в Лондоне и Манчестере, коммунизм никогда не стал бы официальной российской идеологией. В российской традиции не существовало даже предпосылок к тому, чтобы там могли изобрести коммунизм самостоятельно; и совершенно очевидно, что русским и в голову бы не пришло ничего подобного, не появившись он на Западе, готовый к употреблению, чем и воспользовался революционный российский режим в 1917 году.

Позаимствовав у Запада помимо промышленных достижений еще и западную идеологию и обратив ее против Запада, большевики в 1917 году дали российской истории совершенно новое направление, ибо Россия впервые восприняла западное мировоззрение. Мы уже отметили, что христианство пришло в Россию не с Запада, а из Византии, где оно имело отчетливый антизападный дух и форму; предпринятая же в XV веке попытка навязать России западную форму христианства потерпела полный провал. В 1439 году на церковном Соборе во Флоренции представители восточноправославной церкви из оставшейся части Византийской империи с неохотой признали главенство папского престола в надежде, что в ответ западный мир спасет Константинополь от захвата турками. Присутствовал на Соборе и митрополит Московский, подчинявшийся греческому патриарху Константинопольско-

му; и голосовал он так же, как и его братья во Христе, представлявшие греческую православную церковь; однако по возвращении домой его признание папского престола было аннулировано, а сам он низложен.

Двести пятьдесят лет спустя, когда Петр Великий отправился на Запад изучать западную технологию, уже не стоял вопрос о том, чтобы в обмен на секреты западного мастерства Россия приняла западную форму христианства. В конце XVII века на Западе произошла резкая смена отношения не только к религиозному фанатизму, но и к самой религии; это явилось результатом моральной усталости от собственных междоусобных религиозных войн. Таким образом, западный мир, к которому Россия во времена Петра пошла в ученики, был уже миром нерелигиозным; и наиболее просвещенное меньшинство русских, ставшее проводником вестернизации в России, последовали примеру своих западных современников и стали холодно относиться к православной форме христианства, не приняв, однако, и западной веры. Вот почему у нас есть основания сказать, что, внедряя коммунистическую идеологию в 1917 году, Россия рассталась со своей вековой традицией, впервые в истории перенеяв западное мировоззрение.

Читатель, видимо, заметит, что это мировоззрение, принятое Россией в 1917 году, особенно подходило ей в качестве западного оружия для развязывания антизападной идеологической войны. На Западе, где данное учение возникло, оно считалось ересью. Это, по сути, была попытка критики Запада в его неспособности следовать собственным христианским принципам в сфере экономической и социальной жизни якобы христианского общества; но ведь идеология западного происхождения, которая представляет собой обвинение в адрес западного образа жизни, — это как раз то духовное оружие, которое противник с удовольствием подберет и обратит против его создателей. Обретя это западное оружие, Россия имеет возможность перенести борьбу против Запада

в духовной сфере на территорию противника. Поскольку коммунизм возник как продукт неспокойной совести Запада, он, вернувшись обратно в западный мир в виде русской пропаганды, вполне может тронуть другие совестливые западные души. Поэтому теперь, впервые в современной истории западного мира с конца XVII века, когда иссяк поток западных новообращенных в исламскую веру, Запад снова оказался под угрозой духовного разрушения изнутри и духовного штурма извне. Таким образом, коммунизм, угрожая основам западной цивилизации на ее собственной почве, показал себя куда более эффективным антизападным оружием в руках русских, чем любые материальные вооружения.

Кроме того, коммунизм послужил России орудием привлечения в свой стан китайской части света и ряда других групп того огромного большинства человечества, которое не принадлежит ни к России, ни к Западу. Мы понимаем, что исход борьбы за лояльность этих нейтральных групп может кардинальным образом повлиять на решение российско-западного конфликта в целом, когда это и нерусское, и незападное большинство человечества подаст свой голос за ту или иную сторону в их борьбе за мировое господство. Коммунизм способен с удвоенной силой привлекать угнетенные народы Азии, Африки и Латинской Америки, если эту идеологию будет им предлагать Россия. Скажем, русский представитель говорит азиатскому крестьянину: «Если вы последуете примеру России, коммунизм даст вам силы выстоять против Запада, как выстояла коммунистическая Россия в борьбе со своими врагами». И второе, что может привлечь, — это то, что коммунизм обещает избавить народы от крайнего неравенства между богатейшим меньшинством и беднейшим большинством населения азиатских стран, чего свободное предпринимательство никогда не обещало и обещать не собиралось. Недовольное азиатское большинство, однако, не единственная часть человечества, которую привлекает коммунизм. В идеологии этой есть притягательная сила, действующая на людей, ибо коммунизм претендует на то, что

Мир и Запад

сможет обеспечить человечеству единение как единственную альтернативу саморазрушению в наш атомный век.

Создается впечатление, что в столкновении между Россией и Западом инициатива в духовной сфере в отличие от сферы технологической перешла, во всяком случае, на данный момент, от Запада к России. Мы здесь, на Западе, не можем себе позволить смириться с этим, ибо эта западная ересь — коммунизм, — которую подхватили русские, большинству западных людей представляется извращенной, неверной и разрушительной доктриной и совершенно неприемлемым образом жизни. Теолог мог бы сказать, что наш великий современник, западный ересиарх Карл Маркс, совершил характерную для еретика интеллектуальную ошибку, впал в заблуждение. Обнаружив в духовной ортодоксии Запада побуждение к безотлагательным реформам, он упустил из виду все остальные соображения и в результате изобрел лекарство более вредоносное, нежели сама болезнь.

То, что русские добились успеха, перехватив инициативу у Запада, вооруженные западной же ересью, называемой коммунизмом, а затем развеяли ее по миру ядовитым облаком антизападной пропаганды, отнюдь не означает, что коммунизм непременно восторжествует. Марксова теория, на взгляд немарксиста, слишком узка и слишком извращена, чтобы удовлетворять чаяниям людским на все времена. Но все-таки успехи коммунизма, проявившие себя вполне зримо, должны послужить предостережением на будущее. И если мы что-то должны и можем уяснить себе, так это то, что столкновение между остальным миром и Западом переходит из сферы технологической в сферу духовную. Некоторый свет на эту, для нас будущую, главу истории может пролить история столкновения мира с Грецией и Римом. Но прежде чем рассматривать этот пример, нам необходимо взглянуть на то, какие успехи делают ислам, Индия и Дальний Восток в их нынешних столкновениях как с Западом, так и с Россией.

ИСЛАМ И ЗАПАД

В предыдущей главе мы коснулись двух основных моментов, характерных для столкновения между Россией и Западом: первый — России удалось не поддаться Западу, взяв на вооружение западные же методы и способы борьбы, в частности мировоззрение, восприняв которое Россия перешла от обороны к контрнаступлению, что сегодня вызывает огромное беспокойство у нас на Западе. История сегодняшних отношений России и западного общества во многом напоминает одну более древнюю историю, где роль современного Запада играла его предшественница, греко-римская цивилизация, а роль, доставшуюся ныне России, сыграл тогда ислам.

Коммунизм назван нами христианской ересью. Но то же самое можно было бы сказать об исламе. Ислам, подобно коммунизму, пробил себе путь в мир как программа реформирования современной ему практики христианства с целью избавиться от злоупотреблений и нарушений. И успех ислама в ранний период развития показывает, что ересь, обещающая реформацию, может оказаться очень привлекательной, если ортодоксия, на которую ересь наступает, не проявляет желания собственноручно устранить свои пороки. В VII веке христианской эры арабы-мусульмане освободили от греко-

римского господства целый ряд восточных стран — от Сирии через всю Северную Африку до Испании. Страны эти находились то под греческим, то под римским правлением около тысячи лет со времен, когда Александр Великий покорил Персидскую империю, а римляне разбили Карфаген. Позже, между XI и XVI веками, мусульмане продолжили завоевания, захватив по частям почти всю Индию, а их религия распространилась мирным путем еще дальше: в Индонезию и Китай на востоке и в Тропическую Африку на юго-востоке. Русь, как мы наблюдали, в позднем Средневековье также была захвачена татарами, исповедовавшими ислам, а все остальное пространство восточноправославного христианства — в Малой Азии и Юго-Восточной Европе — было в XIV—XV веках завоевано османскими турками, тоже мусульманами. Турки во второй раз взяли в осаду Вену, и случилось это не далее как в 1682—1683 годах; и хотя неудачный исход этой осады обозначил начало поворота в пользу Запада в его столкновении с агрессивной Османской империей, тем не менее флаг с полумесяцем продолжал развеваться над восточным побережьем Адриатики, напротив итальянского «сапога», до самого 1912 года.

Именно поразительные военные и политические успехи ислама в начале его истории дают объяснение, почему турки и другие мусульманские народы так нескоро последовали примеру Петра Великого в том, чтобы противостоять Западу его же оружием, техникой, институтами и идеями. Петр Великий начал технологическую вестернизацию России меньше чем через сто лет после печального опыта — оккупации Москвы польскими захватчиками в 1610—1612 годах. С другой стороны, после турецкого поражения у стен Вены в 1683 году прошло больше ста лет, прежде чем турецкий султан сделал первый шаг на пути модернизации турецкой пехоты по западному образцу, и 236 лет, прежде чем турецкий правитель воодушевил своих соотечественников на то, чтобы принять западный образ жизни окончательно и бесповоротно.

Военные реформы, начатые султаном Селимом III, пришедшим к власти в 1789 году, были спровоцированы поражением Турции в великой русско-турецкой войне 1768—1774 годов. До той поры турки смотрели на Россию как на родственницу своих восточноправославных вассалов — презираемых ими греков и болгар; и вдруг они терпят сокрушительное поражение от рук этих неотесанных русских, поскольку последние овладели западной военной техникой. Что же касается движения за окончательную и полную вестернизацию, которую начал в 1919 году Мустафа Кемаль Ататюрк, то есть сомнение, что даже его потрясающее прозрение и демоническая энергия смогли бы разбудить турок и вытащить их из великого консерватизма, если бы после Первой мировой войны перед ними не встала острая проблема неизбежного выбора между окончательной и бесповоротной вестернизацией или полным уничтожением.

Дело в том, что контрнаступление Запада на исламский мир, ставшее после поражения турок под Веной в 1683 году в принципе неизбежным, задержалось некоторым образом из-за того, что Запад хранил историческую память о военной мощи турок и других мусульманских народов. На завоевание турками в XIV—XV веках восточноправославного христианского региона западный мир, памятуя опыт провалившихся крестовых походов, ответил не прямой атакой на Исламский мир, а обходным маневром. Он предпочел окружить ислам, покорив океан. Открытие морского пути вокруг Африки привело португальских мореплавателей на западный берег Индии. И это случилось за несколько лет до того, как моголы — последняя волна мусульманских завоевателей Индии — пришли туда по суше из Центральной Азии. Переход испанцев через Атлантику и Тихий океан обозначил на Филиппинах новую восточноазиатскую границу между западным христианством и исламом. До того Запад и исламский мир соседствовали только на противоположной стороне земного шара — в долине Дуная и в Западном Средиземноморье.

Действительно, благодаря покорению океана Запад сумел в конце XVI века накинуть лассо на шею исламу, однако затянуть петлю потуже отважился лишь в XIX веке. А до тех самых пор живучая память о прежних военных победах мусульман внушала Западу осторожность, а мусульманам самоуспокоенность.

Вывели мусульман из этого самоуспокоения неоднократные поражения Османской империи и других мусульманских держав от противников, оснащенных западным оружием, равно как и технологией и наукой, лежащими в основе современного западного военного искусства; реакция мусульман на этот новый для них опыт была точно такой же, как и у русских.

В Турции периода 1789—1919 годов, как и в России, начиная с 1699 года и по 1825-й революционеры — поборники вестернизации выходили, как правило, из молодого армейского или морского офицерства, что для западного ума удивительно, ибо в западных странах профессиональный офицерский корпус склонен быть не столько рассадником революции, сколько оплотом консерватизма. Тем не менее факты неопровержимы. В России самыми активными проводниками революционной программы Петра Великого по вестернизации страны были молодые офицеры его гвардии; более века спустя после петровских времен зачинателями неудавшейся революции 1825 года против угрозы консервативного правления Николая I были опять-таки молодые офицеры, воспринявшие западные политические идеи того времени в 1814 году, когда служили в международных оккупационных силах во Франции. Типичный жизненный путь русского революционного пропагандиста или лидера XIX века был таков: родиться в семье состоятельного помещика, поступить на военную или государственную службу, публиковать философские статьи в литературном журнале, рано уйти в отставку с императорской службы и провести остаток жизни как рантье, служа делу политических и социальных реформ в

России по западному образцу. В Турции по сути своей повторилась та же история. Не добившийся успеха первый султан-западник Селим III и его более удачливый последователь Махмуд II начали с организации армейских подразделений, обученных по западным образцам. И в турецкой революции 1908 года, которая успешно сделала то, чего не добились революции 1825 года в России, главной движущей силой были именно молодые армейские офицеры.

В случае с Турцией причина, выдвинувшая на первый план в движении за вестернизацию молодых офицеров, вполне очевидна. Целью турецкой революции 1908 года было восстановить прозападное конституционное парламентское правление, установленное в 1876 году и почти сразу же отодвинутое в сторону реакционным правителем Абдул-Хамидом II. Политической стратегией Абдул-Хамида в течение его тридцатилетнего диктаторского правления было подавить все и всяческие формы «опасных мыслей», чтобы быть уверенным, что западному либерализму никогда не удастся вновь поднять голову в Турции. Во время его правления были введены жесткая цензура книжной продукции и контроль за образованием; единственным исключением в систематическом обскурантизме Абдул-Хамида оказалось профессиональное обучение кадет военному делу. Абдул-Хамид патологически боялся революции, но в то же время ему достало ума понять, что если он не даст турецкому офицерству возможности идти в ногу с прогрессом западной военной науки, то он потеряет свою империю другим путем — в результате нападения какой-либо развитой в военном отношении державы. Разумеется, он пытался удержать образование офицеров в самых по возможности узких рамках профессиональных знаний, но как только эти молодые люди получили возможность изучать иностранные языки, чтобы иметь доступ к западным учебникам по военной технике, их умы уже невозможно было оградить от политических идей Запада. Таким образом, армейские офицеры оказались единственным клас-

сом в хамидовской Турции, открытым влиянию западных идей; вот почему в 1908 году, после тридцати лет деспотического обскурантистского режима, головным отрядом в новой атаке западного либерализма на Турцию стало самое молодое поколение армейского офицерства.

Необходимость вестернизации турецкой армии, признанную даже таким крайним реакционером, как султан Абдул-Хамид, еще за сто лет до тирана осознал, как мы уже упоминали, его либеральный предшественник, неудачник Селим III. Однако в той ранней главе истории даже убежденные сторонники вестернизации Турции не питали ни малейшей привязанности к чуждой им западной цивилизации, которую они сознательно внедряли. Их намерением было допустить лишь минимальную дозу западной культуры, чтобы не дать умереть «больному человеку Европы»; именно этот дух тайного и явного недоброжелательства приводил к провалу одну за другой попытки вестернизировать Турцию. Приговор истории этой старой школе вестернизации Турции можно было бы выразить так: «Каждый раз слишком мало и слишком поздно». Они надеялись, что Турция сможет противостоять в военном отношении западным державам, таким как, скажем, Австрия, либо вестернизирующимся, как Россия, если на солдат надеть западную форму, дать им в руки западное оружие и поставить над ними офицеров, получивших профессиональное западное образование. Все же остальное в Турции они хотели сохранить в неприкосновенности, на традиционной исламской основе. Причина, по которой эта политика дозированной вестернизации была обречена на провал и провалилась, заключается в одной непреложной истине, так и не осознанной первыми турецкими реформаторами, однако счастливо угаданной гением Петра Великого. Эта истина гласит, что любая цивилизация, любой образ жизни есть неразрывное целое, где все части взаимосвязаны и нераздельны.

К примеру, секрет военного превосходства Запада над остальным миром начиная с XVII века заключается отнюдь

не только в современном вооружении, обучении и муштре. И даже не только в технологии, обеспечивающей развитие военной техники. Это превосходство нельзя объяснить, если не принять во внимание общий дух и мышление западного общества в целом; а истина в том, что западное военное искусство всегда было лишь одной из граней западного образа жизни. Отсюда любое общество, пытающееся научиться военному искусству другого общества, не приняв чуждого образа жизни в целом, обречено на неудачу; и, наоборот, русский, турецкий, как и любой незападный, офицер может действительно овладеть премудростями профессии на западном уровне лишь в том случае, если овладеет также навыками западной цивилизации, которые не найти ни в учебниках, ни на плацу. Собственно, долгие поиски частичного решения этого вечно-го «западного вопроса» не вели ни к какому решению вообще, и для Турции оставалось два альтернативных выхода: либо заплатить за ошибку — попытку принимать западную цивилизацию минимальными дозами, — подчинившись этой цивилизации полностью, либо спасти себя от исчезновения, приняв западный образ жизни всем сердцем, теплом и душой. Выбрав первый из этих двух путей, турки оказались почти на краю пропасти, однако им удалось буквально в последний момент спастись, повернув на путь полной и безоговорочной вестернизации под руководством Мустафы Кемалья Ататюрка.

Мустафа Кемаль был одним из тех молодых офицеров, что впитали западные идеи в процессе профессионального военного образования в последние дни хамидовского режима; затем он принял активное участие в революции 1908 года. Его час пришел, когда Турция была повержена в результате поражения ее союзницы Германии в Первой мировой войне. Кемаль сумел понять, что те полумеры в вестернизации Турции, которые всегда приносили ей одни несчастья, будут на этот раз фатальны для страны; кроме того, у него хватило энергии и сил, чтобы повести за собой соотечественников. Политика Мустафы Кемалья была направлена на полный и решительный

поворот Турции к западному образу жизни; и в 20-х годах он решительно провел в жизнь программу, которую, видимо, можно назвать самой революционной из всех, которые когда-либо направлены и систематически проводились за такой короткий период времени. Представьте, если бы в нашем западном мире и Возрождение, и Реформация, и секуляристский умственный переворот, вызванный научной революцией XVII века, и Французская революция, и Промышленная революция — все это пришлось бы на жизнь одного поколения, и притом внедрялось бы в жизнь принудительно, декретным путем. В Турции же между 1922 и 1928 годами в законодательном порядке были декретированы эмансипация женщин, отделение исламской религии от государства, замена арабского алфавита латинским.

Эту революцию совершил диктатор, опиравшийся на собственную монополю правящую партию, и, вполне вероятно, что никаким более мягким способом сделать это было просто невозможно. В 20-е годы Турции предстояло либо вывернуть свою жизнь наизнанку, либо исчезнуть, и турецкий народ предпочел выжить любой ценой. Частью этой цены было принять на время форму правления фашистско-коммунистического типа, хотя в Турции диктатура одной партии не дошла до крайних форм тоталитаризма. Что касается продолжения истории, то оно впечатляет. Во время всеобщих выборов 1950 года Турция согласованно, без насилия и крови, перешла от монополии одной партии к двухпартийной системе. Партия, которая так долго правила единолично, признала волю избирателей, во-первых, дав им возможность свободно голосовать и, во-вторых, восприняв неблагоприятные для себя результаты голосования как сигнал к тому, чтобы уступить оппозиции место у руля; оппозиция, в свою очередь, показала такой же дух конституционного сотрудничества. Придя к власти, она не стала принимать репрессивных мер против своих оппонентов, которые столь уважительно отнес-

лись к свободному волеизъявлению избирателей и уступили свое место победителям.

Похоже, что в Турции, где из поколения в поколение государственные мужи пытались ограничить сферу заимствований лишь военным искусством Запада, действительно укоренился в конце концов западный институт конституционного парламентарного правления, который намного ближе к сути нашей западной цивилизации, нежели искусство войны. Если это так, то это значительный успех того сознания необходимости честной игры и сдержанности в политике, которое, как мы верим, есть одна из ценностей, подаренных Западом миру. С 1917 года мы наблюдаем, как многие из народов, лишь частично или номинально принявших демократию, впали в ту или иную форму тиранического правления. А ведь некоторые из этих народов — скажем, итальянцы или германцы — вовсе не новообращенные прозелиты в нашей западной цивилизации, а ее исконные, коренные члены. Так что победа западного конституционного духа во время выборов 1950 года в Турции — это заметная веха, которая, вполне вероятно, может обозначать поворот политического течения во всем мире.

Разумеется, есть среди западных ценностей и институтов кое-что и сомнительного свойства, как, например, западный национализм. Турки, как и многие другие исламские народы, восприняли наряду с остальными западными понятиями и идеями — полезными ли, вредными ли — и заразу национализма. Возникает вопрос, каковы могут быть последствия вторжения этого узколобого западного политического идеала в мир ислама, где традиционно поддерживается древняя традиция, считающая, что все мусульмане — братья по религии, независимо от различий в расе, языке или образе жизни. В том мире, где расстояния практически исчезли благодаря западной технологии и где западному образу жизни приходится конкурировать с русским образом жизни в борьбе за

влияние на все человечество, исламская традиция братства человеческого может оказаться более привлекательным идеалом, нежели западная традиция суверенитетов для десятков отдельных национальностей. В той новой ситуации, в которой западное сообщество оказалось после Второй мировой войны, его внутреннее разделение на множество суверенных, независимых национальных государств угрожает развалить общий дом. И все-таки престиж Запада в мировом сообществе остается достаточно высоким, чтобы этот вирус национализма успел заразить многих. Хотелось бы надеяться, что традиционное исламское чувство единения помешает распространению этого западного политического недуга хотя бы в исламском мире. Сегодня, перед лицом атомного века, людям как никогда требуется общемировое политическое и социальное объединение.

Турецкий народ, вдохновленный Ататюрком, без сомнения, сослужил благую службу всему исламскому миру, попытавшись решить общий для них «западный вопрос» полным и безоговорочным принятием современного западного образа жизни, увы, вместе с его национализмом. Но конечно, остальные исламские страны отнюдь не обязательно должны точь-в-точь повторить путь турецких пионеров.

Скажем, в арабских мусульманских странах, где население говорит на разных диалектах арабского языка, существует тем не менее единый литературный письменный арабский язык, и он распространен от атлантических берегов Марокко до западных границ Персии, от Алеппо до Мосула, к северу от Хартума до Адена, Маската и Занзибара на юге. Книги и газеты, издаваемые в Каире, или Бейруте, или Дамаске, имеют хождение по всему огромному арабскому региону и даже за его пределами, ибо арабский язык есть язык исламской религии даже в тех странах, где он не является языком повседневного общения. Так целесообразно ли допускать, чтобы арабоязычающий мир раскололся — как когда-

то Испанская империя в обеих Америках — на множество независимых друг от друга национальных государств, живущих в своих водонепроницаемых отсеках на западный манер? Конечно, жаль, если эту оборотную сторону западной цивилизации в точности скопируют арабские народы.

Помимо того, на всех окраинах исламского мира — в Центральной Африке, Индии, Китае, Советском Союзе — существуют мусульманские меньшинства, разбросанные по разным странам среди немусульманского большинства. И они никогда не смогут собрать свои сообщества в некие географически компактные блоки, чтобы сформировать собственные независимые государства. Эти разбросанные мусульманские сообщества, насчитывающие в целом многие миллионы людей, не единственные сообщества такого рода в мире; и для всех этих групп западный национализм, как мы увидим, обещает не светлый путь к новой жизни, но смертный приговор. Возьмем для примера случай с мусульманским сообществом, раскиданным по всему Индийскому субконтиненту. В 1947 году, когда Великобритания оставила Индию, западный дух национализма, к сожалению, не последовал благому примеру лучших представителей той западной нации, что принесла в Индию эту западную идеологию. Дух национализма после ухода английской администрации задержался в Индии, чтобы расколоть прежде объединенный субконтинент на два враждующих государства — индуистскую Индию и мусульманский Пакистан, — и для обоих этот раскол был, без сомнения, несчастьем. Индийский Союз — это отнюдь не объединенная Индия; Пакистан же — страна, состоящая из двух кусков, разъединенных между собой широкой полосой индийской территории; но даже при такой головоломной структуре миллионы индуистов и индийских мусульман оказались как бы на чужой территории перед лицом выбора — либо бросить родной дом, либо остаться в стране, правительство которой относится к ним недоброжелательно.

Мир и Запад

Пакистанцы же действительно имеют теперь собственное государство, большое и перенаселенное. Однако этим индийским мусульманам пришлось заплатить за свой суверенитет более высокую цену, нежели туркам, и намного более высокую, нежели египтянам. Они на собственном опыте познали и цену нашему национализму, испытав на себе все его отрицательные стороны. Так что политические уроки, полученные пакистанцами, так же как и турками, окажутся полезными не только исламским народам, но и всему человечеству в целом.

ИНДИЯ И ЗАПАД

Столкновение между Индией и Западом богато таким опытом, которого не имеет никакое другое общество в мире. Индия сама по себе — это целый мир; она представляет собой общество не меньшей величины, чем наше западное, и в то же время это единственное значительное незападное общество, которое не просто подверглось нападению, но было захвачено и разграблено силой западного оружия, и не только захвачено, но надолго осталось под властью западных правителей. В Бенгалии это правление продолжалось без малого двести лет, а в Пенджабе — более ста. Таким образом, опыт общения с Западом оказался у Индии значительно более болезненным и унижительным, чем у Турции и Китая или у России и Японии; но именно по этой причине он был значительно более глубоким и сокровенным. Благодаря многочисленным личным контактам между индийцами и людьми Запада стальной западный клинок еще глубже проник в душу Индии.

Возможно, западное оружие не смогло бы завоевать Индию, не подвергнись она до этого завоеванию со стороны мусульман. Здесь уже упоминалось, что последняя мусульманская волна завоевателей — моголов — пришла сушей в Индию вскоре после первой высадки в Индии в 1498 году

португальских мореплавателей. Моголы предвосхитили британцев в объединении почти всей Индии под властью единого правления. Могольское владычество в Индии, возможно, и не было столь прочным, как британское, однако оно длилось так же долго, как и британское, поэтому, когда в XVIII веке могольский мир распался на части, его британским наследникам не составило особого труда собрать воедино остатки империи Моголов. В наследство британцам оставалась имперская организация земельного налога, действовавшая по инерции в течение XVIII века, несмотря на разразившийся хаос и анархию. Она продолжала действовать, ибо вошла в привычку, и это тоже было наследством, полученным британцами от моголов, — способность души и сердца индийцев молчаливо, в силу привычки, подчиниться власти империи, навязанной Индии завоевателями.

В 30-е годы XIX века британские наследники могольских правителей Индии упразднили ими же самими возрожденный институт могольских князей (раджей), решив изменить привычки, заложенные могольскими предшественниками в умах индийцев. В эти годы британские правители приоткрыли индийцам окно в западный мир, заменив воспитание в духе индуизма и ислама высшим образованием западного образца, тем самым приобщив индийцев к западным идеям свободы, парламентаризма и национализма. Индийцам пришлось по душе это новое западное политическое просвещение. Оно привело их к тому, чтобы потребовать для Индии такого же самоуправления, каким пользовалась Великобритания, а британцев в конечном итоге вынудило предоставить его Индии; и вот сегодня индусские наследники британских правителей в Индийском Союзе и мусульманские наследники тех же британских правителей в Пакистане готовы к тому, чтобы самостоятельно управлять своей частью субконтинента, следуя по пути, который проложили их британские предшественники, правившие Индией с 1688 года.

Особенно интересно отметить, что сегодняшние индусские правители большей части Индийского субконтинента решили избрать для себя западный вариант управления, первоначально привнесенный в их страну чужеземными завоевателями. На той территории, что вошла в Индийский Союз, индусы стали хозяевами собственной страны впервые с начала мусульманских завоеваний Индии около восьми или девяти веков назад. В XVIII веке, когда царство моголов стало распадаться, появились, казалось, предпосылки возникновения индусских государств. В борьбе за наследие моголов какое-то время львиную долю добычи могла схватить индусская держава маратхов. Но попытка превратить царство моголов в царство маратхов была пресечена вмешательством мощной руки Запада. Однако установление британского правления отнюдь не остановило движения индусов за возрождение собственного отечества. Когда в XVIII веке это движение потерпело военное поражение, его нарастающий поток отклонился в другое русло. И, находясь под британским правлением в XIX—XX веках и во время междоусобицы в XVIII веке, индусы последовательно боролись за власть в Индии, однако в условиях британского режима они шли к этому не военным путем, а через западную систему образования, освоение администрирования, законодательства и права — основных ключей к власти в вестернизирующемся мире.

Индусы быстрее, чем мусульмане, сориентировались и ухватились за возможности, которые в эпоху западного правления открылись тем индийцам, кто готов был осваивать западную науку жизни. Индусов в отличие от индийских мусульман не будоражили воспоминания об утраченной власти и славе, которые тянут назад, в ушедшее прошлое, вместо того чтобы устремляться в будущее; таким образом, баланс сил, начавший во время анархии XVIII века склоняться не в пользу мусульман, продолжил свое движение и в XIX и в XX веках, ибо британское правительство делало упор не

на воинскую доблесть, а на интеллектуальные способности как на условие выигрыша в этом постоянном состязании между индусами и индийскими мусульманами, ставшими теперь в равной мере подданными западной короны. Разумеется, и мусульмане иногда следовали примеру своих индусских соотечественников. Они тоже овладели достижениями западной цивилизации. Тем не менее, когда забрезжила возможность добровольного упразднения британского правления, мусульмане настояли, чтобы передача власти из рук британского правительства индийским властям осуществилась только после раздела Индии на индусское и мусульманское государства; это настояние лишний раз подчеркнуло ту истину, что со времен Великих Моголов баланс сил между мусульманами и индусами склонялся в Индии не в пользу мусульман. Мусульмане опасались, что в едином индусско-мусульманском государстве, охватывающем весь Индийский субконтинент, они будут поглощены индусским большинством населения.

Несмотря на то что в 1947 году преимущественно мусульманский Пакистан и индусский Индийский Союз разошлись, цели двух государств — наследников Британской империи — были в основном схожими. В начале их самостоятельной истории власть в обоих государствах оказалась в руках той части населения, которая получила западное образование и питалась западными идеями и идеалами. Если именно этот слой останется у власти в Индии и Пакистане, а также и на Цейлоне, можно надеяться, что государственные деятели этих азиатских стран сумеют убедить своих соотечественников остаться членами нашего «свободного мира». Без сомнения, лидеры этих стран будут требовать и того, чтобы в этом «свободном мире», который станет общим домом и для западных, и для азиатских народов, не было несправедливости и дискриминации в отношении азиатских членов общей семьи, и мы должны будем обещать это азиатским членам сообщества, если мы действительно искренни, называя наш мир «свобод-

ным». И можно надеяться на партнерство и сотрудничество с нынешними властями Пакистана, Индии и Цейлона, воспитанными в западном духе и ориентированными на Запад, если только мы сами — западные члены «свободного мира» — не окажемся печально несостоятельными в осуществлении провозглашаемых нами либеральных принципов.

Сохранение партнерских отношений с народами Индийского субконтинента отвечает жизненно важным интересам западных народов, особенно в свете того, что всего лишь два года спустя после того, как Великобритания предприняла шаги к примирению Азии с Западом, ликвидировав британское правление в Пакистане, Индийском Союзе, Цейлоне и Бирме, Китай перешел из западного лагеря в стан русских. И если, лишившись дружеских отношений с Китайским субконтинентом, наш западный мир утратит еще и расположение Индийского субконтинента, то Запад практически уступит России весь Старый Свет, исключая разве что пару плацдармов в Западной Европе и Африке, а это может предопределить исход борьбы за власть между «свободным миром» и коммунизмом. Индийский Союз — государство, наследующее Британской империи и охватывающее большую часть Индийского субконтинента, населенное по преимуществу индусами, — занимает командное положение в том разделенном мире наших дней, где Соединенные Штаты и их союзники соревнуются в борьбе за мировое господство с Советским Союзом и его партнерами. В каком же направлении двинутся индусы — пятая часть всего населения планеты? Давайте рассмотрим все «за» и «против» в отношении возможности их движения в сторону Запада.

Возьмем сначала перспективную возможность. Похоже, что сегодня личные отношения между индийцами и западными людьми более дружественны, чем когда-либо прежде. Многие из граждан Соединенного Королевства, без сомнения, сталкивались с удивительным и трогательным проявлением дружбы со стороны жителей Индии — автору неоднократно

приходилось лично наблюдать это после 1947 года. Несколько раз это случалось с автором и в других странах, где местные наблюдатели особенно интересовались сегодняшними отношениями между индийцами и британцами; и не раз индийцы, занимающие видное положение в этих странах, старались подчеркнуть, что прежняя печальная отчужденность между ними и британцами забыта и похоронена. Когда Великобритания на деле осуществила свое обещание ликвидировать британское правление в Индии, похоже, индийцы были ошеломлены. Вероятно, они никогда до конца не верили, что британцы действительно собираются выполнить свое обещание; так что когда британцы сдержали свое слово, произошел некий переворот в чувствах индийцев, от враждебности к дружелюбию. Со стороны индийцев очень благородно выказывать это чувство дружбы открыто, и определенно это счастливое изменение в отношениях принесет положительные плоды для всего «свободного мира» в целом.

Враждебные отношения между Индией и западным миром, который для Индии воплотился в лице Великобритании, восходят ко времени более раннему, нежели индийское движение за независимость в 1890-е годы или даже трагический конфликт 1857 года. Они берут начало в 80-х годах XVIII века, в период реформ британской администрации в Индии. Зарождение враждебности из-за реформ — это насмешка истории; тем не менее между этими двумя событиями существует внутренняя связь. В XVIII веке только что укоренившиеся британские правители Индии почувствовали себя очень вольготно и свободно со своими новоприобретенными подданными. С одной стороны, они без зазрения совести использовали свою политическую власть, обирая и угнетая их, и одновременно совершенно свободно позволяли себе общаться с ними накоротке. Во внеслужебное время они по-приятельски общались со своими индийскими подданными, в то время как на службе встречались при значительно менее приятных обстоятельствах. Более интеллектуальные британ-

цы, жившие в Индии в XVIII веке, любили играть с индийскими коллегами в популярную словесную игру — стихотворное состязание; те, кто был поэнергичнее среди индийцев, приобщались к английским видам спорта. Взгляните на картину Зоффани, написанную в 1786 году, — «Петушиный бой полковника Мордона в Лакнау». С первого взгляда заметно, что индийцы и англичане могли быть во вполне нормальных, приятельских отношениях. Британские правители в первом поколении вели себя, собственно, так же, как и их индусские или мусульманские предшественники. Они были по-человечески корыстны и поэтому не так уж нечеловечески холодны; позднее же британские реформаторы, настроенные решительно искоренить коррупцию и добившиеся успеха в этом трудном деле, сознательно притушили и фамильярность в отношениях, ибо считали, что британцев удастся заставить вести себя с индийцами сверхчестно и сверхсправедливо лишь в том случае, если представители короны, подобно глиняным божкам, будут возвышаться на пьедестале, недосягаемые для простых смертных, взирающих на них снизу.

Сегодня, когда индийцы вновь сами правят своей страной и проблема лорда Корнуоллиса — как заставить британских чиновников вести себя порядочно и честно — более не стоит на повестке дня, ничто не мешает индийцам и англичанам завязывать личные и при этом вполне бескорыстные отношения между собой. И это, конечно, многообещающее изменение к лучшему. Но насколько к лучшему? В конце концов, только немногие тысячи из 450 миллионов индийцев знали или знают кого-либо из западных людей или хотя бы тех из прозападно ориентированных индийцев, что нынче управляют своей страной. И каково будущее этого нового индийского правящего класса? Сможет ли он удержать свое лидерство? И сохранятся ли западное мировоззрение и идеалы, имплантированные в души и умы этого правящего меньшинства при помощи воспитания и образования, устоят ли они перед местными индусскими традициями?

Если учесть, насколько далеки друг от друга западное и индусское мировоззрение и образ жизни, то поражает, что даже такое меньшинство в этом огромном индусском мире, как ныне правящий класс, вообще смогло так глубоко усвоить западные идеи и идеалы. В предыдущих главах, где мы говорили о взаимодействии с Западом России и ислама, мы касались тех двух случаев, где незападная сторона, столкнувшаяся с Западом, все-таки имела некие общие с Западом черты, чего у индусского мира нет совсем. Хотя наши русские современники не относятся к западной ветви христианства, они все-таки наследники православного христианства; таким образом, и христианская религия, и греко-римская цивилизация, которую христианская церковь наследовала и которую сохранила для последующих поколений, — все это часть духовного наследия русских, как и нашего собственного. Опять же, мусульманские современники являются приверженцами религии, которую, как и коммунизм, можно было бы определить как христианскую ересь, а греческая философия и наука — также часть духовного наследия мусульман. Собственно говоря, если посмотреть на сегодняшний мир в целом и попытаться проанализировать в широком смысле основные культурные границы в нем, то мы обнаружим, что мусульмане, эксправославные христиане и эксзападные христиане группируются в единое огромное общество, отличающееся как от индийского мира, так и от дальневосточного, и каждому из них можно найти собственное определение. Поскольку духовный багаж, общий для христиан и мусульман, происходит из двух общих же источников — от евреев и греков, — мы могли бы назвать наше христианско-мусульманское сообщество греко-иудейским, отличив его таким образом как от индусского общества в Индии, так и от конфуцианско-буддийского на Дальнем Востоке.

Если посмотреть на все человечество с высоты птичьего полета, то различия в мусульманской или христианской вариации греко-иудейского образа жизни будут незаметны

невооруженному глазу. Они практически незначительны по сравнению с тем общим, что присуще и мусульманским, и христианским представителям греко-иудейской культуры. Когда мы сопоставляем мусульманско-христианский образ жизни в целом с индусским или дальневосточным, различия внутри нашей мусульманско-христианской семьи — между православным и западным христианством или между христианством и исламом — практически исчезают из виду. И тем не менее мы знаем, что такие относительно малые различия между культурами способны вызывать яростные духовные волнения в душах сынов любой из наших греко-иудейских сестринских цивилизаций, если эти души подвергаются духовной радиации со стороны какой-то другой цивилизации из нашей же семьи.

Заметный пример тому — воздействие западной цивилизации на русские души со времен Петра Великого. Обе стороны в этом столкновении принадлежали к одной греко-иудейской семье, однако чужеродность вторгшейся западной разновидности того же греко-иудейского духа вызвала колоссальное волнение в русских душах. Можно психологически измерить глубину и остроту этого волнения через страдающий, мучительный тон русской литературы XIX века, отражающий и дающий выход тому отчаянию, что возникает в душе, вынужденной жить в двух различных духовных универсумах одновременно, даже если эти два претендента на духовное владычество и сродни друг другу. А в политическом отношении глубина напряжения и давления западного духа на российские души измеряется взрывной силой революции 1917 года, в которой разрядилось это духовное напряжение.

Однако беспокойство, вызванное воздействием Запада на российские души и вышедшее на поверхность в столь сенсационных проявлениях, вероятно, не идет ни в какое сравнение со скрытым беспокойством в душах индийцев, вызванным той же самой чужеродной западной духовной силой; ибо если в российском варианте это беспокойство,

хотя и бурно выраженное, смягчалось присутствием в российском культурном наследии греческих и иудейских корней, свойственных и вторгавшейся цивилизации, то в индийском наследии таких элементов нет, во всяком случае в скольконибудь заметной форме, что могло бы смягчить шок, вызванный вторжением Запада. Итак, как же может разрешиться в Индии это, по всей видимости, много более острое напряжение между коренными и чужеродными духовными силами? На первый взгляд кажется, что индусы, принявшие нашу, совершенно чуждую им западную культуру в плане технологии и науки, языка и литературы, управления, законодательства и права, как будто бы справились лучше русских с тем, чтобы гармонизировать свой природный образ жизни с западным, неизмеримо более далеким от них, чем от русских. И все-таки напряжение в душах индусов должно быть очень сильным и раньше или позже должна произойти разрядка.

Какой бы выход ни нашли они в конце концов, очевидно, что это не будет поворот к коммунизму, ибо коммунизм — западная ересь, воспринятая православно-христианской в прошлом Россией, — такая же неотъемлемая часть греко-иудейского наследия, как и сам западный образ жизни, и вся эта культурная традиция чужда индусскому духу.

Существует, правда, один фактор в экономической и социальной ситуации в Индии, который может дать шанс коммунизму — как бы экзотичен ни был он на индийской почве, — и этим подрывным фактором является все нарастающее давление численности населения Индии на средства пропитания. Это очень важный момент, ибо тот же фактор действует сегодня в Китае, Японии, Индокитае, Индонезии и Египте. Во всех этих незападных странах влияние Запада привнесло с собой прогрессивные методы увеличения продуктов питания за счет ирригации, новых сельскохозяйственных культур, совершенствования агротехники; и во всех этих странах, по крайней мере до сих пор, рост продуктов питания не обеспечил того, чтобы поднять уровень жизни растущего

А. Дж. Тойнби

населения, а только смог удержать огромные массы населения на старом нищенском уровне, едва превышающем уровень голодной смерти. Поскольку постоянное увеличение продуктивности должно раньше или позже привести к убывающему плодородию почвы, жизненный уровень этого постоянно разбухающего населения обречен на снижение, и невозможно провести грань между нынешним уровнем и откровенным бедствием в огромных масштабах.

В такой отчаянной экономической ситуации коммунизм может найти для себя опору и здесь, в Индии, и в других азиатских странах, хотя он так же чужд их народам, как и западный образ жизни. Ибо коммунизм предлагает программе тотальной принудительной коллективизации и механизации как обманчивое средство вывода угнетенного азиатского крестьянина из тяжелого положения, в то время как предлагать этому крестьянству решать свои проблемы по американскому образцу было бы насмешкой. С той же проблемой народонаселения и ее воздействием на соревнование между Россией и Западом мы столкнемся и на Дальнем Востоке, но это станет предметом обсуждения в следующей главе нашего исследования.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И ЗАПАД

В предыдущей главе мы отметили, что западный образ жизни более далек от индусского, нежели от русского или мусульманского, ибо в индуистском наследии если и присутствуют, то лишь незначительные вкрапления греческих или иудейских элементов, тогда как для ислама, России и Запада греко-иудейская традиция является общим наследием. Что касается Дальнего Востока, то у него еще меньше общего с культурным наследием Запада, чем даже у индусского мира. Правда, в искусстве Дальнего Востока ощущается влияние греческого искусства, однако это греческое влияние достигло Дальнего Востока через индийские каналы; оно пришло следом за индийской религией, буддизмом, охватившим Дальний Восток таким же образом, как греко-римский мир был охвачен религией иудейского происхождения, т.е. христианством. Верно и то, что другая религия иудейского происхождения — ислам, — распространившаяся по территории Индии путем завоеваний, достигла западных оконечностей Китая путем мирного проникновения. Таким образом, Дальний Восток, как и Индия, испытал влияние нашего греко-иудейского мира еще задолго до того, как на него в XVI веке обрушился удар современной западной цивилизации; однако на Дальнем Востоке это дозападное греко-

иудейское влияние было еще слабее, чем в Индии. Слишком слабым, чтобы проложить дорогу родственной ему западной цивилизации. Так что, когда в XVI веке португальские первопроходцы совершили первую высадку на берега Китая и Японии, они воспринимались там как сверхъестественные пришельцы с другой планеты.

Эффект этого первого нашествия Запада на Дальний Восток оказался смешанным. Это была неустойчивая смесь восхищения с отвращением, и при самой первой встрече последнее возобладало. Незваные гости с Запада были отброшены назад, в океан, откуда они столь внезапно вторглись на дальневосточные берега; и после этого Япония, Китай и Корея закрыли свои двери для чужеземцев и постарались сделать все возможное, чтобы сохранить себя «царствами-отшельниками». Однако история на том не закончилась. Хотя западных захватчиков и изгнали из Японии в XVI веке и из Китая в XVII, они тем не менее вернулись обратно в XIX веке, и на этот раз им удалось внедрить западный образ жизни на Дальнем Востоке, как они уже успели сделать это в России и Индии и частично в исламском мире.

Чем же отличалась ситуация во время второй попытки Запада завоевать Дальний Восток, что позволило на этот раз победителю добиться успеха?

Одно очевидное отличие заключается в технологиях. В XVI и XVII веках западные корабли и оружие не настолько превосходили вооружения и флот Дальнего Востока, чтобы дать Западу ощутимый перевес сил. В этом первом раунде борьбы между двумя цивилизациями Дальний Восток остался хозяином положения; и когда он почувствовал необходимость разорвать отношения, западным пришельцам не хватило сил противостоять этому. Но когда западные гости появились вновь на берегах Китая и Японии в XIX веке, баланс сил был в их пользу, ибо китайские и японские вооружения оставались все теми же, что и два века назад, в то время как на Западе за этот период произошла Промышленная революция; пришель-

цы вернулись, оснащенные новейшим оружием, с которым дальневосточные державы тягаться не могли. В этих новых обстоятельствах они были вынуждены уступить влиянию Запада, причем перед ними открывались два возможных пути. Если дальневосточное царство-отшельник попыталось бы проигнорировать технологический вызов Запада, то его крепко запертые двери быстро вышибли бы западные орудия. Единственной альтернативой было держать непрошенных гостей на расстоянии, освоив их собственное оружие; но это можно было сделать, лишь добровольно распахнув свои двери западным технологиям, прежде чем захватчик вломится силой. Японцы оказались проворнее китайцев и быстрее освоили производство и владение новейшими типами западных вооружений; но и китайцы в конце концов в самый последний момент успели переориентироваться, избежав участи Индии — полного закабаления западной державой.

Однако и на этом наша история не закончилась. Ибо, хотя технологическое превосходство Запада, пережившего Промышленную революцию, может объяснить, почему дальневосточные народы были вынуждены открыть свои двери Западной цивилизации в XIX веке, нам еще предстоит понять, что же побудило их разорвать отношения с западными пришельцами в XVII и XVIII веках. Разрыв при первом столкновении двух миров на первый взгляд удивляет, так как в XVI веке дальневосточные народы гораздо благосклоннее встретили этих, тогда еще совершенно незнакомых им чужестранцев, нежели тремя веками позже, когда те вернулись, отягощенные плохой репутацией, заработанной прежде. И тем не менее второе столкновение, характерное тем, что поначалу дальневосточные народы весьма неохотно вступали в контакт, закончилось внедрением западного образа жизни, в то время как первое, начавшееся весьма благожелательно, закончилось полным разрывом. Где же ключ к этой удивительной разнице между двумя актами одной драмы, драмы столкновения между Дальним Востоком и Западом?

Различие в реакции дальневосточных народов на западную цивилизацию в этих двух случаях имеет характер отнюдь не случайный или необычный. Реакция была разной оттого, что вызов, стоявший перед ними в каждом из случаев, был неодинаков. В XIX веке западная цивилизация предстала перед ними прежде всего в облике незнакомой новой технологии, в XVI же она возникла в облике новой незнакомой религии. Именно тот ракурс, в котором предстала западная цивилизация, и предопределил различие в реакции, вызванной в умах и душах дальневосточных народов в первом и во втором случаях: незнакомую технологию не так трудно воспринять, как незнакомую религию.

Технология оперирует вещами и понятиями, лежащими на поверхности жизни, так что кажется практически безопасным взять на вооружение зарубежную технологию, не подвергая себя риску духовного закабаления. Но разумеется, представление, что, овладевая чужой технологией, связываешь себя лишь до определенной степени, скорее всего ошибочно. Истина в том, что все отдельные элементы культурного пространства имеют глубинную внутреннюю связь между собой, так что, отбрасывая старую и привычную технологию и овладевая новой и чужой, нельзя удержать изменения на чисто технологическом уровне, они постепенно будут проникать все глубже, подтачивая исконную культурную традицию и завоевывая все новые и новые пространства для пришлой культуры, которая продвигается шаг за шагом, проникнув через щелку, пробитую клином техники.

Сегодня мы своими глазами можем видеть, как этот скрытый эффект начинает проявляться на всем культурном пространстве Китая, Кореи и Японии спустя столетие или больше после того, как современная западная технология начала просачиваться в эти страны. Существенным фактором при этом, однако, является время; поэтому те революционные изменения, которые совершенно очевидны для нас сегодня, не могли предвидеть государственные деятели Дальнего

Востока сто лет назад, когда они с большой неохотой принимали решение допустить чужеземную технологию в свои страны. Как и их турецкие современники, они намерены были воспользоваться западной технологией лишь настолько, насколько это было необходимо для собственной обороны и безопасности. Но даже если бы у них зародились подозрения о подспудных силах, заключенных в железном корпусе этого механического Троянского коня, они скорее всего не отказались бы от того, чтобы впустить его внутрь. Ибо понимали, что стоит отказаться принять чужую западную технологию, и их страны тут же станут жертвами вооруженного захвата. Итак, дальневосточным государственным мужам предстояло принять решение перед лицом внешней военной угрозы. По сравнению с этим внутренняя опасность подчиниться целиком с потрохами западному образу жизни казалась более отдаленной угрозой, которой можно было на время пренебречь. «Довлеет дневи злоба его».

Таким образом, в XIX веке заимствование неизмеримо превосходящей западной технологии показалось дальневосточным государственным деятелям оправданным риском и насущной необходимостью. Именно этим объясняется, почему на этот раз они приняли от Запада то, что им было отнюдь не по вкусу. По крайней мере это казалось меньшим злом, нежели перспектива быть завоеванными и поработенными тем самым оружием, которым они решили овладеть в целях военной безопасности и политических гарантий. С другой стороны, злополучный «западный вопрос», с которым столкнулись и их предшественники в XVI—XVII веках, проявился на этот раз в совершенно иной форме.

В том первом столкновении с Западом непосредственная опасность, которую следовало отразить японским правителям, заключалась не в военной угрозе и попытке завоевания с помощью новейшего, неотразимого оружия; опасность крылась в том, что народ предпочтет неизвестную, но неотразимо привлекательную религию, которую усердно проповедовали

западные миссионеры. Возможно, японские государственные мужи и не имели ничего против западного христианства как такового, ибо в отличие от западных пришельцев того времени дальневосточные народы XVII века отнюдь не были заражены тем религиозным фанатизмом, какой проявляли в то время их западные современники в религиозных войнах у себя на родине, унаследовав его от иудейского прошлого. И китайские, и японские правители того времени были воспитаны в более терпимых философских традициях конфуцианства и буддизма, и вполне возможно, что они не стали бы возражать против прихода иной религии, если бы не заподозрили, что религиозная деятельность христианских миссионеров имела на самом деле политическую подоплеку.

Японцы опасались, что их соотечественники, обратившись в христианскую веру, впитают вместе с новой религией и ее религиозный фанатизм и под его деморализующим воздействием превратятся в то, что мы на Западе сегодня назвали бы «пятой колонной». Если бы это опасение материализовалось, то португальцы или испанцы, сами по себе не представлявшие большой угрозы для независимости Японии, могли бы попытаться завоевать Японию руками внутренних предателей. Собственно, японское правительство в XVII веке объявило христианство вне закона и преследовало его по тем же самым соображениям, по каким нынешние западные правительства предпринимают меры против коммунизма: из-за общего для западных верований фактора, а именно фанатизма, унаследованного ими от иудаизма, становившегося камнем преткновения во всех азиатских странах, куда добиралась пропаганда христианства.

Чужая агрессивная религия со всей очевидностью куда более серьезная и непосредственная угроза для общества, нежели агрессивная зарубежная технология; и причиной тому нечто гораздо более глубокое, чем просто опасность «пятой колонны». Глубинная причина заключается в том, что если технология оперирует прежде всего поверхностными факто-

рами жизни, то религия проникает прямо в сердце; и хотя технология тоже в конечном итоге может иметь серьезный разрушительный эффект на духовную жизнь общества, в котором она укоренилась, этот эффект проявляется не слишком быстро. По этой причине цивилизация-агрессор, выступающая под религиозным флагом, вызовет более сильное и немедленное противодействие, нежели та, которая оказывает свое воздействие через технологический процесс; это и проясняет, почему на Дальнем Востоке, как и в России, западная цивилизация была вначале отвергнута, а затем, при втором соприкосновении, принята. На Руси в XV веке и на Дальнем Востоке в XVII западная цивилизация требовала обращения в западную форму христианства и оттого была отвергнута; поэтому не случайно, что ее миссионерская стезя повернула резко от явной неудачи к потрясающему успеху, едва только ее собственное отношение к религии предков сделало столь же резкий поворот от горячей приверженности к холодному скептицизму.

Эта великая духовная революция настигла западный мир ближе к концу XVII века, когда после сотни лет бесконечных кровавых гражданских войн под знаменами различных религиозных течений западные народы почувствовали отвращение не только к религиозным войнам, но и к самой религии. Реакцией западного мира на этот печальный опыт порочности религиозного фанатизма было то, что он отвернулся от религии вовсе и переключился на технологию; и вот эта-то утилитарная технологическая цитата из библии западной цивилизации, в которой строка религиозного фанатизма была вымарана, и пронеслась по миру, как лесной пожар, за последние два столетия, начиная от поколения Петра Великого до поколения Мустафы Кемала Ататюрка.

Возможно, в поисках какого-либо вразумительного объяснения того поразительного отличия результатов двух последовательных набегов Запада на Дальний Восток мы наткнулись на некий «закон» (если можно его так назвать),

применимый не только к данному частному случаю, но и ко всем столкновениям между цивилизациями. Этот «закон» гласит, что отдельный фрагмент какой-либо культуры, отщепленный от культурного целого и запущенный на зарубежную орбиту, сам по себе имеет шанс встретить меньше сопротивления и, таким образом, может продвинуться быстрее и дальше, нежели чужеродная культура, переносимая на новую почву целым блоком. Западная технология в отрыве от западного христианства была принята не только в Китае и Японии, но и в России и многих других незападных странах, где прежде она отвергалась, внедряемая как единый и неделимый образ жизни, включающий и христианство.

Почти всемирное распространение технологических осколков, отлетающих от нашей западной цивилизации начиная с конца XVII века, на первый взгляд производит немалое впечатление, если мы сравниваем этот успех с фактически полным провалом попыток внедрить наш образ жизни в жизнь незападных народов во времена раннего Средневековья, когда его навязывали целиком — вместе с религией, технологией и прочим. Теперь же, однако, когда Россия бросила вызов Западу в стремлении к мировому господству, стало заметно, что видимые успехи Запада в технологическом плане оказываются под сомнением по той же причине, по какой они так легко осуществились: причина в том, что эти успехи поверхностны. Запад запустил по миру свои технологии, хитроумно освободив их от препятствия в виде религии, но в следующей главе истории неприкаемую западную технологию подхватили русские и соединили ее с коммунизмом; и эта новая и мощная комбинация западной технологии с западной же религиозной ересью предлагается теперь дальневосточным народам и остальному человечеству в качестве нового образа жизни, альтернативного нашему западному.

В XIX веке мы здесь, на Западе, умилялись, когда видели, как японцы или китайцы, отвергавшие прежде нашу цивили-

лизацию в ее религиозной форме, стали воспринимать ее секуляризованный вариант, где бывшее почетное место религии заняла технология. И революция Мэйдзи в Японии в 60-х годах прошлого века, и гоминьдановская революция в Китае в 20-х годах нынешнего — каждая в свое время выглядела как триумф секуляризованной западной цивилизации современной эпохи. Но на нашем веку эти светские заповеди нашей цивилизации принесли разочарование в обеих странах. В Японии они привели к губительному милитаризму, в Китае — к разрушительной политической коррупции; в обеих странах эта катастрофа привела режимы к ужасному концу, а в Китае неудача с внедрением секулярной формы западной цивилизации открыла возможность победы коммунистического режима. Что же сопутствовало успеху коммунизма в Китае? Насколько можно понять, не столько позитивное отношение к коммунизму, сколько полное разочарование в гоминьдановской политике переустройства управления Китаем по современному западному типу. Есть подозрение, что и японцы, если бы им дали возможность выбирать, тоже могли бы склониться к коммунизму, причем по той же негативной причине.

В Японии, как и в Китае, существуют сегодня два фактора, говорящие в пользу коммунизма: во-первых, разочарование прежними попытками внедрить западный образ жизни и, во-вторых, несоответствие между быстрым ростом населения и средствами пропитания — несоответствие, которое, как мы отмечали в предыдущей главе, угрожает и современному режиму в Индии. Истина в том, что, предлагая японцам и китайцам секуляризованный вариант западной цивилизации, мы даем им «камень вместо хлеба», в то время как русские, предлагая им вместе с технологией коммунизм, дают им хоть какой-то хлеб, пусть черный и черствый, если хотите, но пригодный к употреблению, ибо он содержит зерно духовной пищи, без которого не может жить человек.

Но если Китай и Япония не смогли переварить в XVI веке тот вариант западной цивилизации, что включал религию, и не могут переносить ее поздний вариант — без религии, — то неужели же единственной альтернативой способен быть лишь коммунизм? Ответ на это есть: и в Китае и в Индии в XVI и XVII веках, задолго до возникновения самой идеи коммунизма, альтернативное решение БЫЛО найдено и испробовано христианскими миссионерами-иезуитами. Правда, этот эксперимент потерпел неудачу, однако его погубили не собственные внутренние дефекты, но печально известное соперничество и разногласия между иезуитами и другими римско-католическими миссионерскими орденами.

В Китае и Индии иезуиты не повторили ошибок, совершенных ими в Японии, когда на них пало подозрение, что проповедь христианства ведется в политических интересах агрессивных западных держав. Подход к пропаганде христианства в Китае был настолько оригинальным и многообещающим, настолько перспективным, по сути дела, и сегодня, что наше исследование столкновений азиатских народов с Западом будет неполным, если не принять во внимание те возможности, что иезуиты открыли в Китае и Индии. Вместо того чтобы пытаться отделить христианство от секулярной сути западной цивилизации, как мы все пытаемся делать с тех пор, иезуиты постарались очистить христианство от его нехристианских ингредиентов, характерных для западной цивилизации, и представить его китайцам и индусам не как локальную религию Запада, но как универсальную религию, несущую послание всему человечеству. Иезуиты отбросили все случайные и несущественные западные аксессуары и преподнесли китайцам и индусам самую суть христианства, в каждом случае облачая ее в интеллектуальные и литературные одеяния, характерные для данного народа и лишенные неуместных западных прикрас, коробивших азиатские души. Этот эксперимент в первой попытке провалился из-за внутренних усобиц в лоне самой римско-католической церкви

Мир и Запад

того времени, усобиц, не имевших никакого отношения ни к христианству как таковому, ни к Китаю или Индии; однако, принимая во внимание, что и Индия, и Китай, и христианство и сегодня присутствуют на мировой арене, можно ждать и надеяться на новую попытку провести этот эксперимент. Недавняя победа коммунизма над западной цивилизацией (оторванной от христианства) в Китае еще не говорит о том, что для христианства там нет будущего в какой-либо отдаленной главе истории, еще скрытой от нас за горизонтом.

ПСИХОЛОГИЯ СТОЛКНОВЕНИЙ

В первых главах этой книги мы сделали обзрение четырех эпизодов истории, где западная цивилизация сталкивалась с каким-либо из современных ей незападных обществ. Перед нашим взором прошли встречи России, ислама, Индии и Дальнего Востока с западным миром. Наше исследование показало, что при всем различии опыта, в случаях когда общество испытывает удар со стороны чужой цивилизации, все четыре эпизода имеют ряд общих характеристик; поэтому целью настоящей главы является выбрать для дальнейшего изучения несколько факторов, которые представляются характерными не только для столкновений современного мира с Западом, но и для всех подобных столкновений между различными цивилизациями. Похоже, что существует некая общая психология столкновений, а это уже представляет практический интерес и значение сегодня, когда внезапное «сокращение расстояний» посредством использования достижений западной технологии столкнуло лицом к лицу, в упор десяток различных обществ, еще вчера живших своей жизнью почти так же независимо от других, как если бы каждое жило на отдельной планете, а не в гуще других представителей того же рода.

Можем начать с того, что вспомним одно общее явление, привлекшее наше внимание в последней главе, где мы рас-

сматривали сравнительные характеристики двух последовательных нашествий западной цивилизации на Китай и Японию. Мы заметили, что в первом случае Запад пытался навязать дальневосточным народам западный образ жизни во всей его полноте, вместе с религией и технологией, и эта попытка успеха не имела. Затем, как мы видели, во втором акте драмы Запад предложил тем же народам секуляризованный вариант западной цивилизации, где религия отсутствовала как компонент, а главным элементом стала технология; и как мы узнали, этот технологический срез, отщепленный от религиозной сердцевины нашей цивилизации примерно в конце XVII века, действительно сумел проникнуть в жизнь дальневосточного общества, того самого, которое прежде отвергало попытку внедрить туда западный образ жизни единым блоком, вместе с религией, технологией и всем прочим.

Здесь мы имеем некое явление, по-видимому, часто встречающееся, когда культурный луч цивилизации, охватывающей своим излучением других, упирается в незнакомое социальное тело. Соппротивление этого чуждого тела расщепляет луч на составные части подобно световому лучу, расщепляющемуся при встрече с призмой. Из оптики мы знаем, что некоторые из линий спектра обладают большей проникающей способностью по сравнению с другими, и мы можем наблюдать подобное явление с компонентами расщепленного культурного луча.

Для иллюстрации возьмем примеры из физики и медицины. Научившись расщеплять атом, мы, на свою беду, узнали, что частицы, составляющие атом какого-нибудь совершенно безвредного элемента, перестают быть безобидными и превращаются в грозную и опасную силу, как только отделяются от стройной структуры, какую представляет собой атом в целом, и пускаются в самостоятельный путь. Мы узнали также — правда, уже не на свою беду, а на беду сообществоотшельников, сумевших сохранить образ жизни первобытного человека, — что болезни, которые мы считаем незначи-

тельными, ибо за долгие века сосуществования с ними мы выработали против них стойкий иммунитет, могут оказаться смертельными для островных обитателей южных морей, впервые столкнувшихся с этими заболеваниями при появлении европейских вирусоносителей.

Свободный луч культурного излучения, как свободный электрон или вирус заразной болезни, может оказаться смертельным в случае, если будет сдвинут со своего места в строгой структуре, в которой он функционировал до того, и пущен на волю в совершенно новую для себя среду. В первоначальной, родной структуре этот культурный луч, бактерия или электрон не имели возможности сеять смуту, будучи жестко привязаны к остальным компонентам той структуры, где все части и функции их пребывали в равновесии. Теряя связь с первоначальной структурой, свободная частица, бактерия или культурный луч не изменяют своей природы, однако та же прежде безвредная природа вдруг обретает смертоносную силу, разорвав привычные связи. В этих обстоятельствах — где «усопшему миру», там «лекарю пир», иными словами, что одного лечит, то другого калечит.

В том комплексе столкновений между остальным миром и Западом, который мы рассматриваем в данной книге, имеется классический пример того, какой вред может нанести некий институт, вырванный из привычной социальной среды и силой перенесенный в другой мир. За последние полтора века, что нам легко проследить, мы, западный политический институт «национальных государств», прорвали границы своей первородины, Западной Европы, и проложили путь, усеянный шипами гонений, резни и лишений, в Восточную Европу, Юго-Восточную Азию и Индию, для которых институт «национального государства» не был исконной принадлежностью социальной системы, но был экзотической структурой, сознательно импортированной с Запада отнюдь не потому, что был опробован и сочтен приемлемым для местных условий этих незападных регионов, а просто оттого, что по-

литическая мощь Запада придавала его политическим институтам иррациональную, но неотразимую привлекательность.

Смута и опустошение, вызванные в этих регионах установлением заимствованного западного института «национальных государств», намного масштабнее и глубже, нежели вред, нанесенный тем же институтом в Великобритании или Франции и других западноевропейских странах, где этот институт развивался спонтанно и постепенно, а не был искусственно пересажен извне.

Ясно, почему один и тот же институт вызывает столь поразительно различный эффект в двух различных социальных средах. В Западной Европе он не наносит особого вреда по той же причине, по которой, собственно, и возник там, а именно потому, что в Западной Европе он соответствует естественному распределению языков и политических границ. В Западной Европе люди, говорящие на одном языке, в большинстве случаев живут компактными сообществами на одной компактной же территории, где достаточно четкие лингвистические границы отделяют одно сообщество от другого; и там, где языковые границы образуют нечто вроде лоскутного одеяла, эта лингвистическая карта удобно соответствует политической, так что «национальные государства» появились как естественный продукт социальной среды. Большая часть исторической территории западноевропейских государств действительно примерно соответствует однородным кускам лингвистической карты; это соответствие, разумеется, получилось в основном непреднамеренно. Западные народы вряд ли сознавали, что процесс формирования их политических границ основывался на языковом базисе; поэтому и дух национализма в целом сложился в этих условиях легко и естественно. Те же языковые меньшинства, что оказались как бы не по ту сторону границы, по большей части выказывали свою лояльность и встречали понимание, ибо их давнее сосуществование как граждан единого сообщества с большинством, говорящим на «национальном языке», яв-

лялось историческим фактом, принимаемым как данность, ибо не было привнесено извне.

Посмотрим же теперь, что случилось, когда этот западно-европейский институт «национальных государств», бывший естественным продуктом истории в месте своего рождения, оказался перенесенным на чужую территорию тех регионов, локальная лингвистическая карта которых имела совершенно иную структуру. Стоит посмотреть на языковую карту всего мира, и мы увидим, что европейское поле, где языки расположены достаточно четкими компактными и однородными блоками, есть нечто особое и исключительное. На значительно большей территории, протянувшейся к юго-востоку от Данцига и Триеста до Калькутты и Сингапура, языковая карта отнюдь не напоминает лоскутное одеяло, скорее она похожа на переливающееся шелковое покрывало. В Восточной Европе, Юго-Восточной Азии, Индии и Малайе люди, говорящие на разных языках, не разделены так четко, как в Западной Европе, они перемешаны географически, как бы чередуясь домами на одной улице одних и тех же городов и деревень; вот в этой иной социальной среде, где лингвистическая карта напоминает ковер, в котором нити разных цветов переплетаются между собой, имеется основа не для разделения границ между государствами, но для локализации занятий и профессий среди отдельных групп людей.

В Османской империи лет полтора назад, перед тем как западный институт четкого компактного однородного государства произвел свое разрушительное воздействие на этот чужой ему регион, турки были крестьянами и чиновниками, лазы — моряками, греки — моряками и торговцами, армяне — банкирами и торговцами, болгары — конюхами или овощеводами, албанцы — каменщиками и наемными солдатами, курды — пастухами и носильщиками, влахи — пастухами и коробейниками. Национальности не только были географически перемешаны, но и экономически взаимозависимы; такое соответствие национальностей и занятий было естественным

порядком вещей в том мире, где языковая карта выглядела не лоскутным одеялом, а винегретом. В этом османском мире, для того чтобы создать национальные государства по западному образцу, следовало превратить языковой винегрет в языковое лоскутное одеяло, опять же по западноевропейскому образцу; однако сделать это можно было лишь варварскими методами, что и происходило последние полтора века с опустошающими результатами на огромном пространстве, протянувшемся от Судет до Восточной Бенгалии. Таков разрушительный эффект, вызванный идеей перенести институт или методы, вырванные из своей природной среды, в социальное окружение, где они вступают в конфликт с естественным историческим развитием социальных структур.

Истина состоит в том, что каждое исторически сложившееся культурное пространство есть органичное целое, где все составные части взаимозависимы, так что при отделении одной из частей и сама эта часть, и оставшееся нарушенное целое ведут себя иначе, нежели в исконном состоянии. Вот почему «что полезно одному», то, по всей вероятности, «вредно другому»; и второе следствие — «одно влечет за собой другое». Если от культурного пространства отщепляется некий клин и вбивается в чуждое социальное измерение, этот отдельный клин непременно тянет за собой в чуждое общество другие элементы той социальной системы, где он чувствовал себя естественно и откуда насильно был извлечен. Разорванное пространство тяготеет к воссоединению в том чуждом окружении, куда проторил путь один из его компонентов.

Чтобы увидеть, как на практике происходит тот процесс при культурном взаимодействии, давайте рассмотрим пару конкретных примеров.

В Соединенном Королевстве была издана Голубая книга о состоянии социальной и экономической ситуации в Египте в 1839 году, где упоминается, что в это время главный родильный дом в стране был расположен на территории военноморского арсенала в Александрии. Звучит странно, но если

мы проследим за событиями, которые привели к такому поразительному на первый взгляд результату, то увидим, что это было неизбежно.

К 1839 году османский генерал-губернатор Египта, неизвестный Мехмед Али Паша, уже тридцать два года предпринимал усилия к тому, чтобы оснастить свою армию новейшим западным оружием. Провал наполеоновской экспедиции в Египте открыл Мехмеду Али глаза на необходимость иметь мощные военно-морские силы. Он решил создать военный флот по современной ему западной модели; при этом он сознавал, что флот не будет самостоятельным, если не добиться того, чтобы египетские военные корабли строились в египетских доках руками египетских корабелов, но понимал он и то, что обучить египетский персонал и техников смогут лишь западные строители, инженеры и другие специалисты. Итак, Мехмед Али пригласил западных экспертов, привлекая их высокими заработками. И однако же, западные специалисты не спешили подписать контракты, пока не были уверены, что смогут привезти с собой семьи, а семьи они, в свою очередь, готовы были привезти лишь в том случае, если им будет обеспечено медицинское обслуживание по принятым в то время западным стандартам. Таким образом, Мехмед Али обнаружил, что он не может набрать столь нужных ему специалистов, не наняв одновременно и западных медиков; но поскольку он твердо решил создать флот, ему пришлось приглашать и медиков. Врачи, специалисты и их семьи прибыли все одновременно; специалисты принялись за строительство арсенала, медики, как и должно, следили за здоровьем женщин и детей этой новой западной колонии в Александрии. Однако скоро они обнаружили, что, сколь ревностно ни исполняй свой долг, остается слишком много свободного времени, и, будучи энергичными, проникнутыми общественным сознанием практиками, они решили сделать что-то полезное и для местного населения. С чего начать? По всей видимости, акушерство оказалось на первом месте. Таким вот образом и возник ро-

дильный дом в границах морского арсенала, и данная последовательность событий, как мы видим, была естественна и неизбежна.

Эта поучительная история убеждает нас в том, с какой быстротой одно влечет за собой другое при культурном взаимодействии, а также и в том, на какую революционную глубину может проникнуть этот процесс. При жизни того поколения, о котором мы говорим здесь, традиционная изоляция мусульманской женщины от контакта с мужчинами за пределами ее собственного дома соблюдалась еще настолько строго, что в Турции, например, даже во время болезни, угрожавшей жизни любимой жены султана, самое большее, что в соответствии с исламским обычаем мог сделать западный врач для своей драгоценной царственной клиентки, — это проверить пульс на запястье ручки, стыдливо высунутой из-за плотного полога, скрывавшего невидимую постель больной. Это все, что разрешалось западному врачу сделать для пациентки, чья жизнь была одним из главных сокровищ правителя — по всем приметам, полноправного диктатора. В то время и самодержавие султана не способно было преодолеть традиционные исламские социальные условности, даже в вопросах жизни и смерти дорогого для него существа. И вот в течение жизни того же поколения ситуация изменилась настолько, что мусульманские женщины уже смело входили в пределы чужеродного арсенала, чтобы воспользоваться услугами этих неверных западных акушеров. Столь полный разрыв с традиционными исламскими понятиями о приличиях в отношениях между мужчинами и женщинами был прямым следствием решения египетского паши о создании военного флота по западному образцу, и этот невольный и на первый взгляд отдаленный социальный эффект последовал за вызвавшей его технологической причиной в кратчайший промежуток времени — менее половины жизни одного поколения!

Такой пикантный, однако вполне репрезентативный отрывок из социальной истории дает возможность понять, до

какой степени заблуждались османские государственные деятели XIX века, думая, что смогут оснастить свою страну подходящими западными вооружениями и остановить на этой точке дальнейшую вестернизацию страны. И только во время Мустафы Кемалья Ататюрка, уже в наши дни, османские мужи признали ту истину, что в рискованном предприятии культурного взаимодействия одно неизбежно влечет за собой другое до тех пор, пока внедрение западных вооружений и армейских атрибутов, принятое на Западе, и западных методов обучения не приведет за собой не только эмансипацию мусульманских женщин, но и замену арабского алфавита на латинский и отделение от государства исламской церкви, которая ранее во всех исламских странах безраздельно властвовала над всеми сторонами жизни.

В наши дни великий современник Ататюрка Махатма Ганди в Индии также понял, что в культурном взаимодействии одно неизбежно влечет за собой другое. Ганди видел, что мириады хлопковых нитей — возвращенных, конечно, в Индии, но превращенных в пряжу в Ланкастере и там же сотканных в одежду для индийцев — грозили связать Индию с западным миром паутиной-сетью, которую вскоре будет труднее разорвать, чем стальные оковы. Ганди увидел, что, если индусы будут носить одежду, сшитую на Западе из ткани, изготовленной на западных станках, они вскоре захотят иметь подобную технику в Индии для той же цели. Сначала начнут импортировать прядильные и ткацкие станки из Англии, затем научатся делать это оборудование самостоятельно, наконец, станут покидать свои поля, чтобы работать на современных индийских ткацких фабриках или литейных заводах, и, как только привыкнут работать по-западному, пристрастятся и к западным формам досуга, развлечениям — кино, собачьим бегам и всему остальному, — пока не обнаружат в себе ростков западной души и не забудут о том, что они индусы. Пророческое предвидение Махатмы рисовало картину превращения хлопкового семени в огромное дерево, ветви которого затеняют весь континент; и тогда индийский

пророк обратился к своим соотечественникам с призывом спасти свои души, подрубив под корень это мощно разросшееся западное дерево. Он пытался дать им пример, проводя ежедневно несколько часов за прялкой и ткацким станком, ткал вручную старинным индийским способом, ибо видел, что только разрыв зарождавшихся экономических связей между Индией и Западом сможет уберечь индусское общество от полной и окончательной вестернизации.

Предвидение Махатмы Ганди оказалось безошибочным. Вестернизация Индии, которую он предсказывал и пытался предотвратить, начала и продолжает бурно развиваться именно из того самого зернышка — хлопкового семени; верным было и средство Ганди против западной инфекции. Однако пророку так и не удалось убедить своих последователей в необходимости отстаивать независимость Индии ценой крайнего экономического аскетизма. Отказаться от потребления товаров из хлопка, производимых машинным способом, в то время означало понизить уровень жизни индийского крестьянства еще ниже тогдашнего нищенского уровня и полностью разорить те едва народившиеся классы рабочих и хлопковых фабрикантов, которые пытались укрепиться на собственной индийской земле — и в Бомбее, и в родном городе Ганди, Ахмадабаде. Ганди оставил неизгладимый след в истории Индии и всего мира; однако, по иронии судьбы, история распорядилась так, что его усилия по спасению страны от вестернизации дали противоположный эффект, ускорив этот процесс в сфере политической. Именно Ганди с триумфом привел страну к национальному самоопределению, то есть главной политической цели Запада. Даже гений Ганди не смог перебороть беспощадное действие социального «закона»: в столкновении культур одно неумолимо влечет за собой другое, если появляется хоть малейшая брешь в защитном механизме общества, подвергшегося штурму.

Наше исследование со всей очевидностью показывает, что внедрение чуждой культуры есть процесс болезненный

и тяжелый; при этом инстинктивное противодействие жертвы инновациям, грозящим разрушить традиционный образ жизни, делает этот процесс еще более болезненным, ибо, сопротивляясь первым уколам чужого культурного луча, жертва вызывает лишь его дифракцию — расщепление на отдельные элементы, — после чего неохотно допускает наиболее мелкие, казалось бы, незначительные и поэтому не столь разрушительные из всех для нее ядовитых элементов чужой культуры в надежде, что на этом сумеет остановить дальнейшее вторжение; однако же, поскольку одно неизбежно влечет за собой другое, жертва скоро обнаруживает, что приходится по частям принять и все остальные элементы вторгшейся культуры. Поэтому не вызывает удивления то, что естественное отношение жертвы к вторгающейся чужой культуре — это саморазрушающее чувство враждебности и агрессивность.

В ходе нашего обзора мы наблюдали, что отдельные государственные деятели в незападных странах, испытавших штурм Запада, осознавали, что общество, обожженное радиацией более мощной незнакомой культуры, должно либо принять этот новый образ жизни, либо погибнуть. Перед нашими глазами предстали фигуры Петра Великого, Селима III, Махмуда II, Мехмеда Али, Мустафы Кемала и высшего чиновничества Японии периода Мэйдзи. Эти примеры позитивного и конструктивного Ответа на Вызов культурной агрессии суть свидетельства высокого государственного мышления, ибо такой Ответ — победа над природными склонностями. Природный инстинкт — это инстинкт устрицы, закрывающей створки, или черепахи, скрывающейся в панцире, ежа, свернувшегося в колючий клубок, наконец, страуса, зарывающего голову в песок; в истории столкновений с Западом — как России, так и ислама — есть примеры именно такой реакции на Вызов.

В консервативных умах попытки научиться бороться с агрессивной чуждой цивилизацией ее же оружием вызовут

Мир и Запад

немало опасений. Все ваши Петры и Мустафы Кемали, скажут они, просто сдают позиции под предлогом необходимости привести свои оборонные силы в соответствие со временем. Не лучше ли дать отпор чужой культуре при помощи решительного и непреклонного бойкота этому ненавистному чудищу? Если бы мы скрупулезно, до запятой, соблюдали святые заповеди наших предков, оставленные нам Господом, разве не растрогался бы Он и не протянул нам в помощь Свою правую руку, защитив от нашествия неверных? В России так рассуждали староверы, шедшие на муки ради соблюдения мельчайших — на сторонний взгляд, совершенно несущественных — деталей церковных обрядов; в исламском мире такой же была реакция ваххабитов, сенусситов, идрисидов, махдистов и других пуританских сект, вышедших из пустыни на тропу войны против османских вероотступников, которые, в глазах фанатиков, предали ислам, избрав западный путь развития.

Суданского фанатика Мухаммеда Ахмада можно противопоставить русскому технократу Петру; однако ни овладение чужой новейшей технологией, ни ревностное сохранение традиционного образа жизни не может быть полным и окончательным Ответом на Вызов наступающей чуждой цивилизации. Чтобы узнать, каким же должен быть окончательный ответ, следовало бы заглянуть вперед, в ту главу неоконченной истории столкновения мира с Западом, которая еще скрыта от нашего взора в тумане будущего. Это недостающее звено мы можем воспроизвести, если вернемся к истории столкновения мира с греками и римлянами, ибо в этом эпизоде свиток истории раскручен полностью, от начала до конца, так что все содержание этой старинной книги лежит перед нашими глазами. Возможно, наше будущее можно расшифровать по книге греко-римского прошлого. Посмотрим, что мы сможем извлечь из этого прошлого.

ГРЕКИ, РИМЛЯНЕ И ОСТАЛЬНОЙ МИР

Как мы знаем из собственного опыта, один из вечных пороков живых существ — эгоизм; у тех же, кто совестлив, эгоцентризм поддерживается иллюзиями. Каждая живая душа, каждое племя или секта ощущают себя избранным сосудом, и нам с трудом дается осознание ложности этого убеждения в собственной несравненности. Правда, мы отлично видим это заблуждение, когда дело касается кого-то другого, лелеющего ту же иллюзию относительно себя. И мы здесь, на Западе, по той же человеческой природе убеждены: то, что мы сделали для мира за последние несколько столетий, есть нечто беспрецедентное. Эту западную иллюзию легко развеять, стоит только оглянуться назад, в не такое уж далекое прошлое, и посмотреть, что сделали для мира греки и римляне. Мы увидим, что они также в свое время заполонили мир и точно так же были уверены в своей исключительности. И прежде чем мы покончим с историей столкновения остального мира с греками и римлянами, станет ясно, что высокая самооценка греко-римского общества разбилась о трудное испытание судом истории.

Экспансия Запада по всему миру, так драматично начавшаяся в эпоху покорения океанов в конце XV века, имеет

свой аналог в истории греко-римского мира — сухопутную экспансию греков, начатую с Александром Великим в IV веке до н.э. Марш Александра через всю Азию, от Дарданелл до Пенджаба, совершил революцию, изменив баланс сил в мире точно так же, как впоследствии порушили его путешествия Васко да Гамы и Колумба. И точно так же за этим последовали дальнейшие завоевания. Во II веке до н.э. греки завоевали Индию до самой Бенгалии, в том же столетии римляне захватили на западе земли нынешней Южной Испании и Португалии, выйдя к Атлантическому побережью. На упрощенном греческом языке, на котором был написан в I веке христианской эры Новый Завет, и говорили, и его понимали от Траванкора до побережья около Массилии. В одно и то же время греко-римский мир силой оружия аннексировал Британию, а греческое искусство, служа индийской религии — буддизму, — мирно распространилось на северо-восток от Афганистана, достигнув с течением времени Китая, Японии и Кореи. Таким образом, если брать чисто пространственное измерение, греко-римская культура разлилась в свое время по Старому Свету ничуть не менее широко, чем наша западная во времена нынешние. И в ту эпоху, когда еще не были известны коренные цивилизации обеих Америк, греки вполне могли похвастать, как и мы сегодня, что их всепроникающая культурная радиация пронизала все современные им цивилизации планеты (размеры которой, кстати, греки определили достаточно точно).

Воздействие греческой культуры на мир в период с IV века до н.э. и позже оказалось столь же резким, как и воздействие современной западной культуры с XV века до наших дней; а поскольку человеческая природа за последние тысячелетия не претерпела сколь-нибудь значительных изменений, то нет ничего удивительного в том, что в истории современных столкновений мы наблюдаем те же несколько вариантов психологического ответа на культурную агрессию, которые мы заметили на примерах прошлых столкновений мира с греками и римлянами.

На том отрезке истории мы найдем своих непреклонных махдистов и легко применяющихся к обстоятельствам Петров Великих. Линию Петра, скажем, можно наблюдать в деятельности Митридата Великого, иранского повелителя Малой Азии, который чуть не одержал верх над римлянами, оснастив и обучив свои войска по образцу греческих и римских и выступив в роли покровителя и защитника греков и их культуры. Был еще Ирод Великий, иудейский царь Иудеи, потерпевший поражение в этом духовном предприятии. Ирод взял на себя миссию склонить своих упрямых палестинских подданных к компромиссу, хотя бы минимальному, с греческой цивилизацией и римской военной мощью, что для малого восточного народа в окружении греко-римского мира было единственной альтернативой полному уничтожению. Но курс Ирода на благоразумное примирение с исторически необоримыми фактами потерпел поражение из-за упрямства кучки палестинских евреев-махдистов. Это воинствующее движение началось во II веке до н.э. с жестокого мятежа против политики эллинизации Юго-Западной Азии, проводимой греческими властями. Любому читателю Первой и Второй книг Маккавеев определенно бросится в глаза ближайшее сходство между восстанием Маккавеев в Палестине в 166—165 гг. до н.э. и махдистским восстанием под руководством Мухаммеда Ахмада в Судане в 1881 году. После новых вспышек восстания под руководством Февды и Иуды, о серьезных поражениях которых упоминает Гамалиил в «Деяниях Апостолов», пламя фанатичного палестинского сопротивления эллинизации достигло апогея во II веке христианской эры в восстании Бар-Кохбы, объявившего себя мессией и сокрушенного римским императором Адрианом.

Палестинские лидеры сопротивления греко-римской цивилизации среди ориентальных народов не единственные представители этого рода. Уже в конце III века до н.э. нечто похожее на индийское восстание сипаев случилось среди египетских войск, обученных и экипированных греческим

правителем Египта для защиты своих владений от вторжения своего же, греческого соотечественника, правившего в Юго-Западной Азии. Египетские войска наголову разбили чистокровную греческую армию захватчиков, и эта сенсационная победа над потомками непобедимых воинов Александра Македонского вскружила головы египетским солдатам. Помимо этого были вспышки мятежей среди самых несчастливых из всех восточных народов, попавших под греческое или римское владычество, — сирийцев, которых во множестве похищали и в цепях угоняли в рабство на греческие плантации на Сицилии. К концу II века до н.э. сирийские рабы на Сицилии сделали две отчаянные попытки восстать против своих греческих хозяев и их римских покровителей.

Эта мрачная повесть о жестоком угнетении и отчаянных мятежах в ранние периоды истории столкновений мира с греками и римлянами откликнулась эхом в знакомых нам главах современной истории столкновений мира с Западом. В вестернизированном мире работорговля, когда-то опозорившая Средиземноморье, возродилась в Атлантике; восстания рабов, подавленные на Сицилии, обернулись победой на Гаити; восстание обученных греками египетских войск при Птолемах можно сравнить с восстанием сипаев, обученных по западному образцу, против британской Ост-Индской компании; а воинственные восточные движения сопротивления против чужеземного господства, напоминающие неудачные мятежи палестинских евреев и успешные восстания их иранских современников против эллинизации, в наши дни вовсю развернулись в Китае и Малайе и вот-вот готовы разразиться в трех местах Африки. До сей поры мы могли читать собственную историю, не заглядывая в греко-римское досье. Но теперь мы подходим к той странице современной книги истории, для нас еще не оконченной, которая скрыта от наших глаз за пологом будущего, и тут греко-римская повесть может стать источником информации о том, что нас подстерегает впереди.

Я, разумеется, не имею в виду, что мы можем составить себе гороскоп на будущее, просто глядя на то, что происходило в греко-римской истории, и механически примеряя эти факты к нашей современной ситуации. История не повторяется автоматически; самое большее, что может сделать для нас греко-римский оракул, — это предложить на выбор несколько альтернативных решений для будущего исхода нашей собственной пьесы. И в нашем случае судьба может привести к иному заключению драмы, нежели греко-римское. Вполне вероятно, что Запад и его незападные современники могут повернуть ход столкновения в совершенно ином направлении, не имеющем аналогов в истории греко-римского мира. Вглядываясь в будущее, мы шарим в темноте и не должны поддаваться иллюзии, будто можем сами прочертить дорогу, скрытую впереди. Тем не менее было бы глупо не воспользоваться всяким проблеском света, мелькающим перед нашими глазами, а самым светлым лучиком в конечном итоге является для нас тот, что отбрасывает в наше будущее зеркало прошедшей греко-римской истории.

Держа в уме этот призыв к осторожности, перевернем еще несколько страниц греко-римской истории до той картины, на которой изображен греко-римский мир середины II века по Рождеству Христову. Сравнив эту картину с той, что рисует тот же мир двумя веками позже, мы увидим, что за это время произошли изменения к лучшему, не имеющие, к сожалению, параллелей в нашей западной истории на сегодня. В последнем веке дохристианской эры греко-римский мир сотрясали революции, войны, он лихорадочно бурлил волнениями и насилием, как и наш мир сегодня; но к середине II века н.э. мы наблюдаем мир, воцарившийся от Ганга до Тайна. Все это пространство — от Индии до Британии, — по которому с войнами и насилием прокатилась греко-римская цивилизация, разделено теперь всего на три государства, и все три ухитряются жить бок о бок почти без всяких трений. Итак, весь греко-римский мир поделен между Римской им-

перией — вокруг Средиземноморья, Парфянской империей — в Иране и Ираке и Кушанской империей — в Центральной Азии, Афганистане и Индостане; и хотя создатели и правители этих империй по происхождению не относятся к грекам, они тем не менее с гордостью называют себя «эллинофилами», то есть считают своим долгом и честью поддерживать греческую культуру и сохранять и лелеять те провинции, где жив еще греческий образ жизни.

Давайте попробуем проникнуть в сердца и умы тех миллионов греков и многих миллионов представителей эллинизированных или полуэллинизированных восточных народов и бывших варваров, которые теперь мирно живут под прикрытием римско-парфянско-кушанского мира II столетия н.э. Волны войн и революций, будоражившие души прапрадедов наших современников, отступили, и память о кошмарах того времени давно потускнела. Общественная жизнь стабилизировалась благодаря конструктивным государственным мерам, и хотя социальное устройство весьма далеко от идеалов социальной справедливости, оно терпимо даже для крестьянства и пролетариата, и конечно же, для всех классов и групп оно предпочтительнее анархии измаилитов, которой при этом социальном устройстве нет места. Жизнь стала более устойчивой и безопасной, чем в предшествующем веке, но именно по этой причине — гораздо более тусклой. Подобно гуманным анестезиологам, все же Цезари и Аршаки вытащили жало из тех жгучих когда-то экономических и политических проблем, которые в том уже полузабытом прошлом были и стержнем и погибелью человеческой жизни. Великодушная акция умелого авторитарного правления произвольно создала духовный вакуум в душах людей.

Чем же заполнить сей духовный вакуум? Это главный вопрос в жизни греко-римского мира II века по Рождеству Христову, но просвещенные государственные деятели и философы еще не осознают, что этот вопрос стоит на повестке дня. Первыми, кто расшифровал знак времени и предпринял

некоторые акции в духе требований времени, были скромные миссионеры нескольких ориентальных религий. В затянувшемся столкновении между миром и греко-римской цивилизацией эти проповедники незнакомых религий мягко и аккуратно перехватили инициативу из рук греков и римлян, сделав это настолько незаметно, что их грубые руки даже не почувствовали прикосновения и не подняли тревоги. Но все равно в силовом противоборстве греков и римлян с миром течение уже повернуло вспять. Греко-римское наступление уже потеряло свою мощь, поднимало голову сопротивление, однако этого сопротивления еще никто не осознавал, ибо началось оно в совершенно иной сфере. Греко-римское наступление шло в области военной, экономической и политической, контр наступление же началось в области религиозной. Как покажет время, это новое движение имело огромное будущее. В чем же секрет его успеха? Три фактора успеха можно определить безошибочно.

Одним из факторов, которые во II веке н.э. способствовали возвышению и распространению новых религий, было изнеможение, вызванное столкновением культур. Как мы уже наблюдали, восточные народы отвечали на радиацию греческой культуры двумя противоположными путями. Были государственные деятели школы Ирода Великого, полагавшие, что лучшим средством для приспособления к греко-римскому культурному климату была акклиматизация, и были фанатики, считавшие, что следует, напротив, не замечать изменения климата и вести себя так, будто вокруг ничего не изменилось. После изнурительных испытаний обеих стратегий фанатизм дискредитировал себя как разрушительная сила, а иродианская политика обернулась чувством неудовлетворенности, тем самым также себя дискредитировав. Любой из альтернативных способов ведения культурной войны заводил в тупик. Мораль такова, что никакая культура не способна исполнять свое высокомерное притязание на то, чтобы стать духовным талисманом. Умы и сердца, разочарованные и ли-

шенные иллюзий, уже открыты новому провозвестию, обещающему поднять их над этими бесплодными притязаниями и контрпритязаниями. Вот тут-то и наступает возможность для возникновения нового общества, общества, где не будет ни скифа, ни элина, ни иудея; ни раба, ни свободного; ни пола мужского, ни женского: ибо все мы — одно во Христе Иисусе; или же в Митре, Кибеле или Изиде, а может быть, в одном из бодхисатв, Амитабхе или даже, возможно, Авалокитешваре.

Таким образом, первым секретом успеха новых религий является предложенный ими идеал человеческого братства, а вторым — то, что эти новые общества открыты для всех людей без различия культур, классов или пола, а также и то, что они ведут к спасительному единению со сверхчеловеческим существом, ибо тот урок, что человек без милости Бога не может состояться, уже заложен глубоко в душах поколения, ставшего свидетелем эпохи трагических бурь, поколения, за которым по иронии судьбы последовал вселенский мир.

К этому времени были опробованы по крайней мере две «категории богов», и обе не выдержали испытания. Обожествленный воин привел к полному разочарованию. Если бы Александр Македонский совершил то, что он сделал, не с целой армией, а с кучкой пособников, его бы назвали не богом, а бандитом, что и высказал ему в лицо, по описанию Святого Августина, некий тирренский пират. А что же обожествленный полицейский? Август, собственно, и превратился в полицейского, когда уничтожил своих пособников-бандитов, за что мы ему можем быть только благодарны; но благодарность путем обожествления вряд ли здесь вполне уместна; и все-таки наши души и сердца жаждут какого-то божества, которому можно было бы поклоняться искренне и пылко.

В богах, воплощенных в новых религиях, мы наконец-то увидели божества, которым можно целиком посвятить свое сердце, душу и все свои силы. Митра будет вести нас, как надежный капитан. Изиде обогреет, как ласковая мать. Хрис-

тос отказался от Своей божественной мощи и славы, чтобы воплотиться в человеческом облике и претерпеть смерть на Кресте ради нас, людей. Точно так же ради людей и Бодхисатва, уже достигший nirваны, отказался сделать последний шаг в блаженство. Этот героический первопроходец сознательно обрек себя на беспокойный и горестный труд земного существования, пойдя на эту крайнюю жертву ради любви к ближнему своему, чей путь к спасению только он мог направлять, самоотверженно оставаясь чувствующим и страдающим здесь, на Земле.

Таковы были призывы новых религий к тому страдающему большинству человечества, которое в классический век греко-римского императорского мира жило в угнетении и унынии, как, собственно, оно живет везде и во все времена. А что же правящее греко-римское меньшинство, которое сначала опустошило мир завоеваниями и грабежами, а затем принялось охранять развалины в качестве самозванных жандармов? «Они творят пустыню и называют это миром» — таков приговор этому делу рук человеческих, приговор, вынесенный одним из их собственных писателей и вложенный им в уста их жертвы из числа варваров. Каким же образом просвещенные и циничные греческие и римские хозяева мира собирались ответить на Вызов мира, брошенный им в виде религиозного контрнаступления, которое само по себе было Ответом мира на военное и политическое наступление их правителей?

Если заглянуть в души греков и римлян поколения Марка Аврелия, то мы найдем там тот же духовный вакуум, ибо эти покорители мира, как и их сегодняшние западные двойники, уже давно утратили религию своих предков. Тот образ жизни, что они выбрали для себя и стали предлагать всем варварам и ориентальным народам, так или иначе попавшим под влияние греческой культуры, был светским образом жизни, где интеллект призван служить душе, вырабатывая философии, долженствующие занять место религии. Эти филосо-

Мир и Запад

фии должны были дать простор разуму и тем самым привязать душу к печальному циклу природы. «Вверх-вниз, вперед-назад, круг за кругом — таков, как сформулировал император-философ Марк Аврелий, монотонный и бессмысленный ритм Вселенной. Обыкновенный средний человек, дожив до сорока лет, успевает испытать все, что было, есть и будет».

Разочарованное греческое и римское правящее меньшинство фактически испытывало тот же духовный голод, что испытывает и большинство современного человечества, однако те новые религии, которые обращались ко всем без различия пола и положения, встали бы поперек горла философу, не подсласти миссионеры эту незнакомую пилюлю; именно ради того, чтобы выполнить труднейшую задачу — обратить в свою веру самых негибаемых язычников, воспитанных в греческом духе, — новые религии действительно облекались в различные формы греческого убранства. Все они, от буддизма до христианства включительно, внешне представлялись в виде греческого стиля искусства, а христианство пошло дальше, приняв обличье интеллектуальной греческой философии.

Такова была, собственно, последняя глава в истории столкновения мира с греками и римлянами. После того как они покорили мир силой оружия, мир пленил своих поработителей, обратив их в новые религии, несшие послание всему человечеству без различий между правителями и подданными, между греками, варварами или ориентальными народами. Войдут ли какие-то из этих страниц греко-римской истории в еще не дописанную книгу нашей собственной истории столкновения Запада с остальным миром? Невозможно сказать, ибо нам не дано предвидеть будущее. Мы можем лишь заметить, что кое-что из того, что случилось прежде, в другом эпизоде истории, открывает по крайней мере одну из возможностей развития истории, лежащих перед нами.

В Москве:

- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон — Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Щариново», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Люберцы, ТЦ «Светофор», ул. Побратимов, д. 7, 4 этаж, т. (498) 602-82-65

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д.10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Держинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», 3 этаж, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул.Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья» т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», 1 этаж, т. 8-937-202-65-09
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-67
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т.(8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06,
факс 615-51-10, E-mail: zakaz@ast.ru

Научно-популярное издание

Тойнби Арнольд Дж.
Цивилизация перед судом истории
Мир и Запад

Компьютерная верстка: В.Е. Кудымов
Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 09.06.11.
Формат 84x108¹/₃₂. Усл. печ. л. 16,8.
С.: Ист. библи.(84)-3. Тираж 2000 экз. Заказ № 3463н.
С.: Philosophy. Тираж 2000 экз. Заказ № 3463и.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953004 – научная и производственная литература

ООО «Издательство АСТ».
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96.
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство Астрель».
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов